ПИОНЕР

АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1955 год

8

МОЛОДЕЖНАЯ ГРУППА ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО НАРОДНОГО ХОРА ИМЕНИ ПЯТНИЦКОГО ПОДГОТОВИЛА К ФЕСТИВАЛЮ ТАНЕЦ «РУССКИЙ ХОРОВОД».

Фото Ю. Королева.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№8 АВГУСТ 1955

В этом номере:

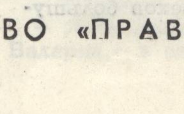

На обложке:

плакат, выпущенный Всемирной федерацией демократической молодёжи к фестивалю.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДЕТИ ШКИПЕРА ГОРЯЧКИНА

ЕНИСЕЙСКАЯ БЫЛЬ

И. Назаров **Рисунки А. Кокорина.**

БАРЖА № 34

Баржа № 34 была обыкновенной деревянной баржей, не очень новой, но и не старой постройки. Шкипером на «тридцать четвёртой» служил Иван Петрович Горячкин. Предлагали ему перейти на новый лихтер. Там и электричество, и паровые лебёдки, и оклад повыше...

Но Иван Петрович так свыкся со своей баржей, что не променял бы её ни на какую другую в бассейне. Семь лет командовал он «тридцать четвёртой»... Срок порядочный. Такие баржи, а их немало плавает по Енисею, если за ними хорошо присматривать, живут лет по двадцать. Значит, Горячкин проплавал на своей третью часть её века.

Но если баржа № 34 мало чем отличалась от прочих, сам шкипер был человеком в некотором роде необыкновенным.

Был он худощав, жилист и так высок ростом, что готовой форменной шинели не нашлось для него на складе и пришлось шить на заказ, по мерке. Не лучше получилось и с обувью: старый каптёр вещевого склада, повидавший на своём веку великанов и недомерков, укоризненно качал головой, подбирая ботинки для Горячкина.

— Тридцать лет обмундирование выдаю,— ворчал он,— а таких ног ещё не видывал! Тебе, Петрович, впору паузки [1] обувать...

Иван Петрович отмалчивался, моргал большими карими глазами, виновато переступая с ноги на ногу, а случившийся при этом шкипер-наставник Белокуров посочувствовал:

— Да,— сказал он,— ножка... Мне в войну пришлось в Праге побывать. Там у чехов большущая фабрика есть: обувь делают. На фабрике музей устроен. Так вот там под стеклом выставлена пара самых больших ботинок в мире. Тебе бы как раз впору, если на тёплый чулок.

Такого рода происшествия постоянно случались с Горячкиным. И хотя за сорок лет жизни он привык к неудобствам своего роста, всё же порой они не на шутку смущали шкипера.

Был, например, такой случай. Как-то раз под конец навигации посетил баржу № 34 начальник движения. Поднялся на палубу, вызвал шкипера и стал расспрашивать: как с планом, хватает ли команды, много ли воды в трюме, какой ремонт потребуется зимой?

Разговор служебный, деловой. А сам начальник шкиперу по пояс. Неловко стало Горячкину, а что делать, не сразу догадался.

Но недаром Иван Петрович знал свою баржу. Он тихонько попятился задом, нащупал ногами ступеньки трапа и стал осторожно спускаться, пока не скрылся наполовину в люке. Только тогда его голова пришлась вровень с лицом начальника движения.

Тот как будто и не заметил хитрого манёвра, поблагодарил шкипера за службу, а уходя, словно невзначай заглянул в люк.

— Ого, и глубокий же у тебя трюм,— сказал он и пошёл к трапу, даже не улыбнувшись.

Так и не понял тогда Горячкин, пошутил начальник движения или всерьёз. На всякий случай, проводив начальство, он и сам заглянул в люк.

«Нет, трюм обыкновенный,— подумал он.— Почище, конечно, чем у прочих, а так трюм как трюм».

В том, что трюмы у него всегда были чище, чем у других, что в образцовом порядке содер-

[1] Паузок — лодка.

жал он свою баржу, в том, что с планом и с командой всегда всё было у него благополучно, и заключалась главная особенность шкипера Горячкина.

Слыл он самым исправным шкипером на Енисее. Эта заслуженная слава держалась за Горячкиным не первый год, и он дорожил своей славой.

Не раз, бывало, получив в диспетчерской план-приказ, распрощавшись и выйдя в коридор, Иван Петрович за спиной слышал, как диспетчер предупреждает капитана буксира, если тот из новеньких:

— Ну, за этого можете не беспокоиться: один из лучших шкиперов в бассейне...

А бывало и так: на стоянке зайдёт инспектор несамоходного флота, обойдёт всю баржу, придирчиво всё проверит, а потом разведёт руками и скажет удивлённо:

— Ты что, ещё не ходил никуда в этом году? Баржа-то с весны вроде и не постарела!

— Почему не ходил,— степенно отвечает шкипер,— четвёртый рейс... Сто двадцать процентов плана...

Был Горячкин неутомимым в работе человеком. И по плотницкой, и по малярной части, и по слесарной — всё мог делать, одного не умел: сидеть без дела. К тому же приучил он и команду.

Не любил Горячкин ни крика, ни суеты.

Бывает, во время манёвров на иной барже шум, грохот, топот на палубе, крики, ругань... На самом деле ничего и не случилось, просто перечалку производят, а послушаешь — будто дерутся. На тридцать четвёртой — всё тихо, работают вроде бы и не спеша, а команду с буксира выполняют раньше всех.

СЕМЕЙСТВО ГОРЯЧКИНЫХ

Плавал Горячкин с семьёй. Жена и трое детей всю навигацию были с ним на барже.

Старшей девочке, Шуре, шёл тринадцатый год.

Худощавая, не по летам рослая, с большими карими глазами на продолговатом лице, Шура и характером удалась в отца — серьёзная, деловитая, неторопливая...

Домашними делами она интересовалась мало и время проводила больше на палубе. Как утро, умоется — и на мостик. Стоит, смотрит вперёд, любуется широкими плёсами и, как заправский речник, всё примечает и на воде и на берегах.

А когда мать кликнет завтракать, Шура не спеша спустится с мостика, войдёт в каюту и скажет, ни к кому не обращаясь:

— «Родина» поднимается...

Иван Петрович вытрет губы, глянет на дочь и спросит серьёзно:

— Корпусом идёт или с возом?

— Два лесовоза тянет с досками. С Игарки, видно...— так же серьёзно отвечает Шура.

Выйдет шкипер на палубу, глянет вперёд, вниз по реке — верно: буксир «Родина» тянет два лесовоза с Игарки... Далеко ещё, сухопутному человеку и в бинокль не разглядеть, кто идёт. А Шура разглядела, не ошиблась. Молодец!

Иван Петрович ценил шурин верный глаз и интерес к реке. И хоть с ней ни разу не говорил ещё о планах на будущее, про себя уже твёрдо решил, что пойдёт она по его стопам.

Шура, старшая дочь шкипера.

И если кто спрашивал о детях, Горячкин так и говорил:

— Старшая штурманом будет. Это точно. А там, глядишь, и капитаном. Вон Ильина на «Максиме Горьком», тоже сызмала на реке... И моя Шура так же... А средняя, Катя, та в мать.

Катя, весёлая, пухленькая, вся мягкая какая-то, хохотушка и певунья, вечно крутилась возле матери. Помогала в каюте прибирать, мыла посуду, любила постирать и постряпать.

Могучей реки она не боялась: выросла на ней. Она уже перешла во второй класс, но училась совсем не так, как Шура. Та с первого класса круглая отличница, а Катя в первой четверти ленилась, нахватала двоек, но к концу года подтянулась и перешла с одними четвёрками.

Младший, Валерик, был ни в отца, ни в мать — сам в себя. Рос он общим баловнем, и, хоть всего ему было шесть лет, на барже он чувствовал себя независимо и уверенно.

Был он до крайности любознателен. Ещё не научившись как следует ходить, ползал всюду по палубе и забивался в такие уголки, что его приходилось порой подолгу разыскивать, а когда стал подрастать, вечно мастерил что-то, ему одному понятное: пилил, строгал, заколачивал. На барже было у него множество тайников. В них Валерик хранил свои драгоценности, в число которых попадали иногда самые неожиданные вещи.

Иван Петрович любил во всём порядок. Всякий предмет всегда лежал у него на своём месте, под рукой, и этот порядок, раз навсегда заведённый, на барже был законом для всех, кроме Валерика.

Бывало так: понадобится шкиперу рашпиль. Заглянет он в инструментальный ящик — нет рашпиля. Зовёт сына и спрашивает строго:

— Валериан, ты у меня рашпиль не брал?

Валерик глянет исподлобья, насупится...

— Брал, а что?

— На место почему не положил? Вот что!

— Я положил... на место...— нехотя отвечает Валерик,— к себе.

— К себе...— передразнивает шкипер.— А ну-ка, живо тащи сюда!

Всё так же, не спеша, отправится мальчик в свой тайник да ещё по дороге обернётся не раз: не подглядывает ли кто? Потом притащит рашпиль, положит молча на табуретку и стоит, сопит, не отходит. Так и будет смотреть на отца, пока тот не найдёт в ящике старый рашпиль и не протянет сыну.

— На вот. Выполощешь в керосине, он как новый будет. Слышишь? Банку из-под консервов у матери возьми, а керосину у матросов попросишь. Они тебе и ветоши дадут обтереть. А руки после вымоешь с мылом. Понял?

А Валерик, хоть и понял всё, вертит в руках отцовский подарок, посапывает, не уходит.

— Ну, чем ещё недоволен? — спросит наконец Иван Петрович.

— Да-а... У тебя вон какой, а у моего хвост обломанный...

— Хвост,— улыбнётся шкипер.— Так тебе рашпиль нужен или хвост? Вот подрастёшь, я тебе с хвостом подарю.

Дети шкипера Горячкина росли, как все дети на Енисее. Всё лето бегали в одних трусах, с непокрытыми головами и разве что в самый солнцепёк мастерили треуголки из старых газет.

Если баржа стояла у берега, ребята смело убегали в лес. Но, едва заслышав гудок «своего» буксира, сломя голову бежали к берегу и ловко карабкались по трапу на баржу, «домой».

Купались они по нескольку раз в день. И, конечно, все плавали.

Даже трусливая Катя плавала неплохо, хотя и предпочитала плескаться на мелководье, в тёплой воде, у самого берега. А чтобы брат с сестрой не заподозрили её в трусости, Катя, когда шла купаться, непременно брала с собой какую-нибудь стирку.

Шура уплывает далеко и с самой середины протоки протяжно кричит:

— Катя! Ка-тю-у! Плыви сю-да-а!

А Катя с места не сдвинется, только отвечает тоненьким голоском:

— Сейча-ас! Только вот постира-аю! — Да так и прополощется в прибрежной гальке, пока Шура из воды не вылезет.

Валерик научился плавать, когда ему не было пяти лет. Как-то сидел он на краю палубы, свесив ноги, и пробовал ловить пескарей коротенькой удочкой, которую ему смастерил отец. Было это ясным августовским днём. Баржа № 34 стояла, причаленная к пню, и дожидалась буксира. Шкипер отделывал новую табуретку. Аккуратно нанося плоской кисточкой тонкий слой пахучего лака на дерево, Горячкин не забывал и о сыне, то и дело поглядывал на Валерика: не ровён час, свалится в воду.

Так и случилось. Раздался громкий всплеск. Горячкин шагнул к борту. Он взялся было снимать сапоги, но глянул вниз и раздумал. Болтая руками и ногами по-собачьи, отдуваясь и часто моргая, Валерик упрямо плыл к барже. Бумажную треуголку и удочку течением медленно сносило вниз, но Валерик даже не оглянулся на свои доспехи.

Горячкин не стал прыгать в воду. Он окликнул сына и бросил ему конец. Мальчик вцепился в него руками, крепко сжал ноги и тут только, подняв голову, отплёвываясь и отфыркиваясь, посмотрел на отца.

— Ну, что,— спросил шкипер, когда Валерик уже стоял на палубе,— испугался, небось?

— Н-не,— пробормотал Валерик, а у самого зуб на зуб не попадает,— озяб.

Отнёс Иван Петрович сына в каюту, раздел, растёр спиртом, уложил на кровать, накрыл тёплым одеялом, а сам вернулся на палубу доделывать табуретку.

Мать, увидев мокрого сына на руках отца, не вскрикнула, не всплеснула руками, как сделала бы иная мать. Жена шкипера, Глафира Петровна, сама когда-то плавала матросом на такой барже. Она родилась тут, на Енисее, и привыкла ко всему, что может случиться на большой реке.

— За борт, небось, свалился? — спросила она, когда вышел отец.— Перепугался, поди?

— Н-не,— ответил Валерик и тихонько захныкал.

Мать откусила нитку — она штопала носки мужу,— посмотрела на Валерика и сказала укоризненно:

— Ну, чего плачешь? Разве мальчики плачут? Или страшно в воде показалось?

— Не страшно,— ответил сын.— Не плачу, спирт кожу дерёт...

ПОЗДНИЙ РЕЙС

Конец навигации сложился в тот раз неудачно. Баржа № 34 порожняком в караване таких же порожних барж шла с низовьев Енисея в Красноярск на отстой. Но в Игарке баржу № 34 вывели из каравана, и шкипер получил новый план-приказ: перегрузить из водотёчной баржи промтовары, возвращаться вниз, выгрузиться в Дудинке, принять там груз рыбы, доставить его в Енисейск и на отстой остановиться не в Красноярске, а в затоне Подтёсово, недалеко от Енисейска.

Это новое распоряжение сломало все планы семьи Горячкиных. В Красноярске у родителей Глафиры Петровны был небольшой домик; там из года в год семья Горячкиных без хлопот проводила зиму.

Другое дело в Подтёсове. Тут нужно было найти квартиру, запастись дровами, записать ребят в новую школу... Всё это сразу не сделаешь, и на семейном совете решили, что Глафира Петровна пароходом доберётся до Красноярска, захватит там кое-какие вещи и к приходу «тридцать четвёртой» подготовит в Подтёсове зимнюю квартиру.

Вместо хозяйки на борту баржи появилась бабушка, Мария Михайловна, мать шкипера.

Летом бабушке исполнилось семьдесят лет. Но крепкую старушку не пугало трудное осеннее плавание по Енисею. В своё время на таких же баржах, только поменьше, она тридцать две навигации проплавала с покойным мужем — отцом шкипера Горячкина. На воде она и сейчас чувствовала себя как дома. Одно тревожило её: как бы не разыгрался ревматизм, который в последние годы донимал её всё чаще и чаще.

Беспокоилась и Глафира Петровна — тревожилась за ребят, остающихся без материнского глаза, думала о предстоящих хлопотах.

Волновался, конечно, и сам Горячкин, но он ничем не выдавал своего волнения. Ему и без того хватало забот в этом осеннем рейсе.

Лето в тот год как-то сразу кончилось. Едва отошли от Игарки — наступила осень, которая в низовьях Енисея мало чем отличается от русской зимы. Сразу ударили морозы. На палубе

появился ледок, из каюты приходилось выходить обутыми и одетыми.

Когда пришли в Дудинку, разыгрался шторм, и не сразу удалось стать под разгрузку. Пришлось выжидать на якорях посреди рейда, потому что волной могло разбить баржу о стенку причала. Тяжёлое судно раскачивалось посреди реки, скрипели и дёргались якорные цепи. Потом поднялась снежная пыль, и шкипер по суткам не заходил в каюту.

Огромные пенистые волны били в борт, захлёстывали палубу. Баржу трепало. Груз в трюме лежал дорогой — мануфактура, обувь, готовое платье. Чуть не каждый час Горячкин с фонарём «летучая мышь» в руках спускался в люк проверить, не прибывает ли вода в трюме, не разошлась ли где-нибудь обшивка баржи, не протекает ли палуба.

Катя.

Наверху тоже хватало дела. Чтобы судно меньше трепало, приходилось то выбирать, то потравливать тросы, разворачивая баржу на якорях. Это и в летнее время не очень приятная работа. А тут холодный ветер налетает порывами, обдаёт ледяным дождём, гасит пламя сигнальных фонарей... Да ещё и снег — всё время нужно сгребать, сметать его с палубы, а по ночам, когда крепчает мороз, приходится скалывать намокшую от волны и затвердевшую снеговую корку.

Немудрено, что в Дудинке на всех баржах, на всех пароходах, на пристанях и на катерах экипажи дружно ругали погоду. На всём Енисейском флоте один Валерик радовался внезапно наступившей зиме.

На палубе повсюду лежал теперь влажный снег. Можно было лепить бабу, можно было играть в снежки. Даже горку попробовал соорудить Валерик — только ничего не получилось. Днём снег подтаивал, а к вечеру, когда холодало, отец загонял Валерика в каюту.

Он и днём не очень ласково встречал сына, когда замечал его на палубе.

— Это что ещё за новый матрос? Выдумал гулянку в этакую непогодь! — строго покрикивал Иван Петрович, но всё-таки за всеми хлопотами нашёл время подарить сыну заранее припасённую маленькую деревянную лопатку.

— Ну-ка вот, чем в снежки-то баловаться, разгребай снег, только к борту не подходи.

Но как ни хмурил брови Иван Петрович, как ни старался построже держаться с сыном в эти трудные дни, в душе он гордился Валериком.

«Душа у него моя, речная, шкиперская,— думал он.— Вон какой шторм, а ведь ничуть не боится...»

Валерик и впрямь ничуть не боялся шторма. Уходить с палубы ему совсем не хотелось. Он выбирал местечко, чтобы не путаться ни у кого под ногами, и смотрел, как вздымаются тёмные волны, чуть присыпанные сверху не сразу тающей порошей. Особенно интересно было, когда темнело. На причалах зажигались прожекторы. Волны становились чёрно-белыми. На судах загорались сигнальные огоньки, на небе сквозь быстро летящие облака проглядывала луна...

Но подолгу любоваться ночным штормовым Енисеем Валерику ни разу не пришлось. Куда бы он ни забирался, отец всюду находил его и тут уж без улыбки, по-настоящему строго приказывал:

— А ну-ка, марш в каюту сейчас же!

Впрочем, и в каюте было не так уж плохо. Тут после тёмной, холодной палубы светло и уютно, а если бабушку не очень мучил ревматизм, даже и не скучно. У бабушки для всех хватало рассказов — было бы только кому слушать.

На этот раз слушала Шура, а Катя, которая на кухне деловито гремела кастрюлями, то и дело высовывалась в дверь и прерывала бабушкин рассказ, не только словами, но и голосом подражая матери:

— Неужто?.. Ах, страсти какие!.. В самом деле?..— восклицала она и снова пропадала в кухне, которую на барже, как и на всяком корабле, называли камбузом.

Валерик устроился за столом и решил тоже послушать. Он притих, а бабушка, лёжа на койке, поглаживая сквозь одеяло больные ноги, неторопливо продолжала давно начатый рассказ.

— Да-а...— говорила она,— а лес этот, брёвна, стало быть, были купца Шаранова. А пароход назывался «Орёл»...

— А когда же это было-то? — поинтересовалась Шура.

— Было-то? — переспросила бабушка, припоминая.— Давно это было. Я ещё в девицах тогда ходила...

Валерик тихонько фыркнул, представив бабушку «в девицах». Но Шура строго глянула на брата, и он послушно замолчал, посапывая носом.

А Мария Михайловна рассказывала, как такой же вот шторм прихватил их возле Бреховских островов, как не пришёл с моря обещанный ледокол и баржи с лесом пришлось бросить там, посреди реки. Насилу «Орёл» ушёл.

Но что там дальше случилось с баржами, и с «Орлом», и с лесом, так и не узнал Валерик. Уткнувшись лбом в край стола, он уже спал крепким сном, а наутро никак не мог припомнить, кто его раздел и уложил в постель.

БЕДА

Когда Валерик проснулся, метель уже кончилась. Над рекой ярко светило солнце, а баржа стояла у стенки причала. На берегу тусклыми пятнами поблескивали замёрзшие ржавые лужи, на кочках прибрежной тундры из-под снежных шапок там и сям виднелись темнозелёные клочья чахлой травы. Грузчики со смешными полочками на широких спинах, в шароварах, схваченных в щиколотке верёвкой, таскали из трюма ящики и тюки и ловко сбрасывали на бегущую ленту транспортёра. Два крана, будто сцепившись хоботами, склонились над соседней баржей и потихоньку тащили оттуда целый паровоз.

Отец, небритый, осунувшийся, стоял возле трюма, широко расставив ноги, отмечал что-то в записной книжке.

— Жми, ребята, жми! Погода не ждёт!

За три штормовых дня шкипер не прилёг ни разу. Но он и теперь не уходил с палубы — следил за выгрузкой, потом за погрузкой. Бочки с рыбой грузили быстро, но Горячкину всё казалось не скоро, и он торопил и грузчиков, и пристанское начальство, и своих матросов.

Ветер стих. Мороз забирал всё крепче. Молодой ледок широкими масляными блинами плыл по воде, и по краям реки кое-где уже белели, сверкая на солнце, ледяные забереги. Нужно было спешить да спешить.

И только когда наконец заревел гудком буксир, прощаясь до весны с пристанью, когда вышли на фарватер и побежали вперёд, Горячкин ещё раз обошёл баржу, убедился, что всё в порядке, и отправился в каюту отсыпаться. Теперь он был спокоен.

Вверх плыли без приключений. Погода стояла ясная, морозная.

По бортам проплывали вдали такие знакомые и такие по-новому нарядные, в осеннем убранстве берега — деревушки, рыбачьи станки, поросшие тайгой скалы...

Бакенщики, стоя у своих избушек, в знак приветствия приподнимали над головой шапки, прощаясь до весны с поздним караваном.

Им недолго осталось провожать вот так баржи и пароходы. Скоро запасут дров, уберут сено, снимут бакены и вешки, поставят их под навесы и будут до весны не спеша чинить шлюпки, вёсла, багры...

Навигация кончилась. Это и с баржи было заметно: летом идёшь — то встречный, то попутный караван, а тут на всём просторе Енисея ни дымка, ни мачты. Только в Игарке разминулись с пароходом, который вёл за кормой тяжёлый воз из пятнадцати гружёных барж.

Иван Петрович сочувственно глянул вслед знакомым шкиперам встречного каравана. Ему в этот год не повезло, а тем и подавно: не успеют уже обернуться и останутся зимовать в каком-нибудь северном затоне.

«Мы-то сами поспеем ли?» — мелькнула было тревожная мысль. Но шкипер поглядел на небо, на воду, на берега, прикинул что-то в уме и по одному ему известным признакам твёрдо решил: «Поспеем».

И верно, поспели: в Енисейск прибыли благополучно и во-время. Разгрузились без задержки. Пока выкатывали из трюма тяжёлые бочки, Иван Петрович успел поговорить со шкипером дебаркадера, старым седоусым речником Достоваловым. Тот, как всегда, знал все новости. От него Горячкин узнал, что Глафира Петровна десять дней как привезла вещи из Красноярска и на катере отправилась в Подтёсовский затон. Слыхал старик, что и квартиру она подыскала.

Значит, пока всё хорошо.

Горячкин терпеливо поджидал буксира. Наконец пришёл пароход «Степан Разин». Он подцепил на буксир дебаркадер, баржу № 34, пустую углярку, нефтянку и не спеша повёл весь этот воз.

В Подтёсово прибыли без происшествий. Но тут началось неладное.

Баржа № 34 почти не нуждалась в ремонте, и решено было заводить её на зимовку в последнюю очередь. Пока что «Степан Разин» оставил её в устье затона, где от прибрежной гальки уже надвигалась на воду широкая, сверкающая, как стекло, полоса заберега.

Пока расчаливали баржи, завечерело. Потом пошёл густой мокрый снег, и когда буксир с остатками воза ушёл в затон, стало совсем темно.

Нечего было и думать пешком добираться до посёлка. Хоть и виднелись огни на высокой кирпичной водокачке и лучи прожекторов в порту, здесь, вдали от жилья, и бывалому человеку в такую темень нелегко было найти дорогу. И, как ни спешили все на берег, каждый по своим делам, всё же решили заночевать на борту.

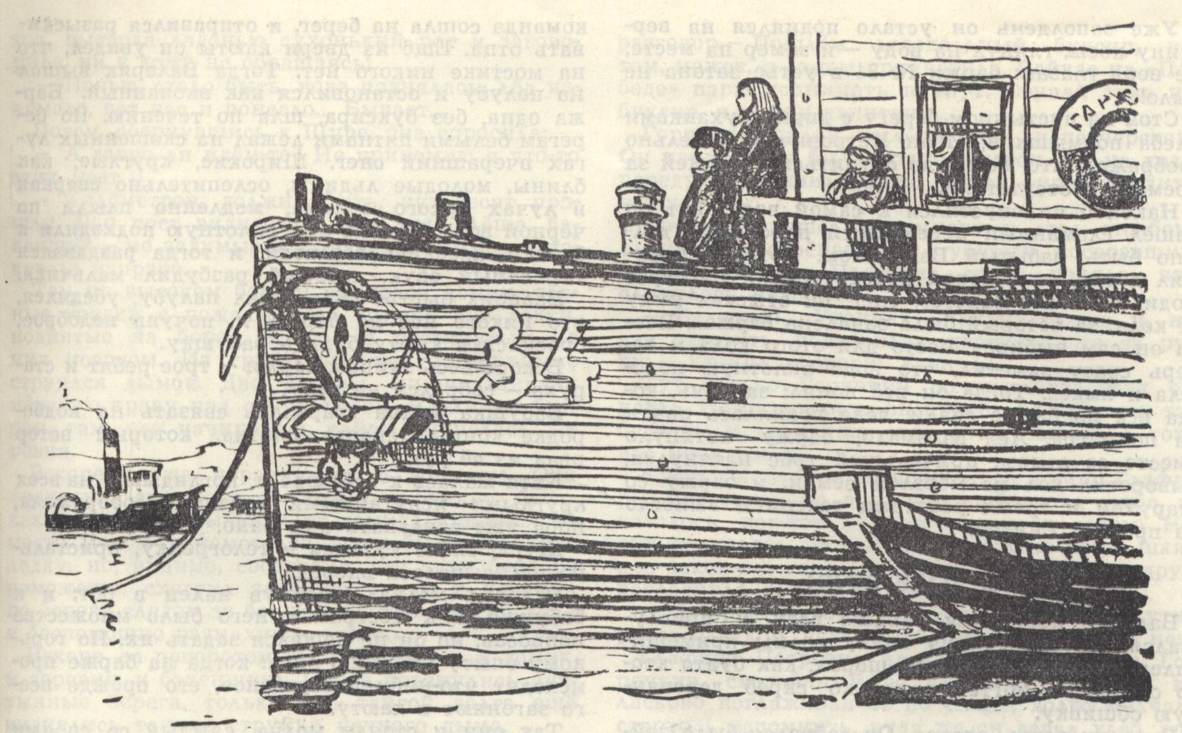
Горячкин, который теперь-то уж мог бы спать спокойно, долго ворочался с боку на бок, тревожась о жене. «Чего доброго,— думал он,— мечется по затону, ищет «тридцать четвёртую». Хорошо, если кто толком объяснит, в чём дело. А то и так может быть, что побежит сюда к устью да ещё заблудится по пути. Небось, мать соскучилась по ребятам...»

Обувшись ощупью, Горячкин вышел из каюты. К нему, неслышно ступая подшитыми валенками по обледеневшей палубе, подошёл вахтенный матрос. Они встали рядом, помолчали, поглядывая в темноту.

Чуть видные, покачивались над водой высокие тёмные сосны. Шумел кустарник на берегу. Тихонько подвывал ветер. Вдали на мутном небе белесым пятном светилось отражение огней посёлка.

Шкипер Горячкин.

В Подтёсово баржа № 34 прибыла без происшествий.

— Никого на берегу не видать?

— Да вроде, Петрович, нет, никого. Я и так посматриваю,— ответил матрос, прекрасно понимая, о чём тревожится шкипер.

Наконец рассвело. Снег перестал. Утро выдалось солнечное, морозное. За ночь воду вокруг затянуло молодым ледком, и баржа прочно вмёрзла в заберег.

Выйдя на палубу, шкипер окинул взглядом реку и почесал затылок. Выходило совсем неладно: теперь простым катером баржу не выведешь. Придётся ждать ледокольного буксира, а это — дело не скорое... Шкипер подумал и отпустил экипаж на берег. На барже теперь нечего было делать, а у людей у каждого своя забота. Нужно ведь и им позаботиться о жилье, о работе на зиму, о семьях...

Быстро спустили трап, прямо на лёд. До берега трапа не хватило, и, хоть лёд и без того был надёжный, решили для верности положить ещё толстую доску. По ней, как по мостику, матросы перебрались на берег, распрощались и пошли не спеша к затону.

Горячкин с матерью и с ребятами остался на барже, но сегодня тут и ему одному нечего было делать. Он то и дело поднимался на мостик посмотреть, не видать ли буксира, поглядывал на ребят, вяло игравших на берегу, и всё ждал, не идёт ли Глафира Петровна. К вечеру у него не хватило терпения. Он надел бушлат, натянул сапоги, наказал ребятам слушаться бабушку и, не торопясь, спустился по трапу.

Хватаясь руками за кусты тальника, скользя подошвами по склону косы, закрывавшей вход в затон, Иван Петрович засветло выбрался на тропинку и обернулся. За день забереги ещё разрослись, посредине устья чуть дымилась на морозе узкая полоска чистой воды. Баржа, прочно впаянная в лёд, неподвижно стояла подле берега. Иван Петрович постоял с минуту и решительно зашагал к посёлку.

Снова повалил снег. Сразу потемнело. Шкипер поднял воротник и прибавил шагу. Когда он поднялся на бугор, перед ним открылась гирлянда электрических фонарей, широкой дугой окаймлявшая границы затона. На рейде светились бесчисленные звёздочки судовых огней. То и дело вспыхивали тугие лучи прожекторов и шарили по воде, вырывая из темноты широкие разводья, блестящий лёд заберегов и отдельные льдинки, весело сверкавшие на волнах, поднятых снующими взад и вперёд судами.

В затоне полным ходом шла работа: проворные буксиры, торопясь, расставляли енисейский флот на зимовку.

Прикинув место, где хорошо бы поставить «тридцать четвёртую», Горячкин выбрался на тракт и ещё быстрее зашагал навстречу огням.

Когда он пришёл в затон, уже совсем стемнело. Диспетчер, не выспавшийся и злой, сказал, что буксир даст не раньше чем через сутки, и, поняв, что спорить бесполезно, Иван Петрович пошёл разыскивать свою квартиру.

Спать он лёг далеко за полночь. А с утра занялся своими делами: привёз дров, натаскал воды из колонки. Вместе с Глафирой Петровной зашёл в школу поговорить о детях, потом побывал в отделе кадров — узнать, как устроились с работой матросы, а когда вернулся домой, Глафира Петровна уже одевалась: собиралась идти за ребятами.

Иван Петрович отговорил жену, уверив, что к вечеру все будут дома. Он забежал в магазин, купил две буханки хлеба и, не заходя домой, направился к своей барже.

Уже заполдень он устало поднялся на вершину косы, глянул на воду — и замер на месте, не веря глазам: баржи № 34 в устье затона не было!

Стоя на пустынном берегу с двумя буханками хлеба подмышкой, Иван Петрович мучительно соображал, что же могло случиться с баржей за время его отсутствия.

Наконец он спустился к самой воде. Тут он нашёл сломанный деревянный паровозик, должно быть, забытый Валериком. Потом обнаружил доску, по которой вчера сходили на берег люди. Раскопав сапогом снег, он отыскал ямку от кола, за который была зачалена баржа... Вчера он сам выбирал место для этого кола и теперь сразу заметил, что вода вплотную подошла к ямке... Тогда он всё понял: за ночь, когда все на барже спали, вода поднялась почти на полметра. Лёд взломало, баржу потянуло вместе со льдом, причальный трос натянулся, выворотил кол из мёрзлой земли, и баржу со старухой и тремя ребятами течением вынесло на простор Енисея.

ПО ВОЛЕ ВОЛН

Валерик проснулся раньше всех и прислушался. К привычному звуку волны примешивался какой-то странный шорох, как будто кто-то огромным ногтем тихонько скрёб деревянную обшивку.

Валерик встал, оделся. Он собрался было зайти к матросам, но вспомнил, что вчера вся команда сошла на берег, и отправился разыскивать отца. Ещё из двери каюты он увидел, что на мостике никого нет. Тогда Валерик вышел на палубу и остановился как вкопанный. Баржа одна, без буксира, шла по течению. По берегам белыми пятнами лежал на скошенных лугах вчерашний снег. Широкие, круглые, как блины, молодые льдины, ослепительно сверкая в лучах яркого солнца, медленно плыли по чёрной воде. Иногда они вплотную подходили к бортам, касались обшивки, и тогда раздавался тот самый звук, который разбудил мальчика.

Валерик быстро обследовал палубу, убедился, что никого нет на барже, и, почуяв недоброе, бросился в каюту будить бабушку.

Вскоре весь экипаж баржи — трое ребят и старуха — собрался на носу.

Бабушка молча старалась связать на подбородке концы тёплого платка, который ветер рвал из её рук...

Катя жалась к бабушке и, поглядывая на всех круглыми испуганными глазами, соображала, пора уже заплакать или рано.

Шура, зябко кутаясь в телогрейку, пристально вглядывалась вперёд.

Валерик молчал, засунув палец в рот; и к бабушке и к сёстрам у него было множество вопросов, но он не решался задать их. По горькому опыту он давно знал: когда на барже происходит что-нибудь серьёзное, его прежде всего загоняют в каюту.

Так они и стояли молча, каждый со своими мыслями, пока бабушка, завязав наконец пла-

Весь экипаж баржи — трое ребят и старуха — собрался на носу.

ток, вытерла ладонью сухонький рот и заговорила, ни к кому не обращаясь:

— Ночью, стало быть, вода поднялась, лёд изломало, вот нас и понесло... Бывает...

Потом, обернувшись к Шуре, она спросила:

— А давно ли идём-то? Не припомню я что-то этих мест.

— Километров, должно быть, пятьдесят прошли. Вон пост виднеется. Там дядя Лёша, бакенщик,— не задумываясь, ответила Шура и показала направо.

Там на высоком берегу виднелся домик, чёрные грядки с пожелтевшей ботвой, две лодки, поднятые на берег, вешала с растянутым на них неводом. Из трубы домика гостеприимно струился дымок. Две коровы мирно щипали мёрзлую траву над самой водой. Вдали, за бугром, там, где начиналась тайга, виднелась деревня.

Вскоре баржа поравнялась с домиком. Она проходила недалеко от берега, и видно было, как дядя Лёша выбежал из домика и застыл на месте. Потом он заметался, хотел было спихнуть лодку, но, видимо, сообразив, что этим беде не поможешь, схватил зачем-то рупор и побежал по берегу следом за баржей, спотыкаясь на ходу и беспомощно размахивая руками.

Вскоре за поворотом реки скрылись и домик, и деревня, и бакенщик... Снова потянулись пустынные берега, только над тайгой долго ещё виднелись тонкие струйки печного дыма.

Тут Катя всхлипнула раза два и горько заплакала, а Валерик, который до сих пор молчал, не выдержал.

— А кто теперь у нас за шкипера будет? — спросил он, впрочем, тут же осекся и снова засунул палец в рот.

Но было уже поздно...

— Шкипером тебя думаем назначить,— серьёзно ответила Шура и ещё серьёзнее добавила: — А ты пока вынул бы палец изо рта. И вообще шёл бы в каюту. Не до тебя тут сейчас.

Этого Валерик и боялся.

ТРЕВОГА

Глядя на тёмную воду, шкипер мучительно думал о том, что могло случиться с баржей, где она. Несётся ли вниз по течению или ткнулась где-нибудь в прибрежную гальку и вмёрзла в заберег? Так бы ещё ничего. Посидят, подождут, пока помощь придёт...

А если снесло боковым, свальным течением, развернуло поперёк фарватера, навалило на острые камни... Треснуло днище, хлынула вода в трюм... Баржа легла набок...

От этой мысли Горячкину стало не по себе. Он побежал, спотыкаясь, налетая на деревья. Уронил хлеб, но не стал останавливаться, чтобы подобрать его. Бегом добежал до затона, пронёсся по улицам посёлка, и встречные люди с удивлением глядели ему вслед.

Так Горячкин добрался до диспетчерской и в изнеможении не сел, а рухнул на скамью, вытер пот со лба и, путаясь, рассказал о своей беде.

— Да, дела...— произнёс диспетчер, выслушав торопливый рассказ.— А ты-то где был это время? Вода-то в двадцать три часа поднялась... Далеконько теперь твоя баржа...— И, не слушая больше, диспетчер снял трубку и стал вызывать затон.— Ну, вот что,— сказал он, закончив разговор.— Пошлём ледокольный буксир, их там, может, и льдом прихватило. Сейчас на «Победе» пары поднимать начнут. Ступай туда на буксир, я скажу капитану...

Горячкин пулей вылетел из диспетчерской. Он направился было прямо в затон, но, на ходу передумав, решил зайти домой, предупредить жену...

Когда он вошёл в комнату и стал столбом, длинный, растрёпанный, с убитым, посеревшим лицом, Глафира Петровна сразу поняла, что случилось недоброе.

— Валерик?.. Утонул? — крикнула она и, не дав ответить, повторила, схватив мужа за руку: — Утонул? Говори! Утонул?

Тут только Горячкин почувствовал, как он устал. Не раздеваясь, он присел на краешек табуретки и не спеша стал рассказывать о том, что произошло.

Краски медленно возвращались в лицо Глафиры Петровны, но в глазах ещё стоял ужас, и казалось, вот-вот из них польются слёзы. Но она держалась, не плакала, и только когда шкипер закончил свой невесёлый рассказ, она вдруг всплеснула руками и разрыдалась.

— А хлеба-то, хлеба-то ведь нет у них! — утираясь платком, всхлипывала она.— Хлеба-то нет!

Глафира Петровна плакала очень редко. Горячкин, смущённый её слезами, подошёл и, ласково поглаживая её по спине, долго молчал, стараясь вспомнить, куда же он девал хлеб, который нёс на баржу. Наконец, поняв, что сейчас это не могло уже иметь никакого значения, он как только мог ласково сказал:

— Ну, мать, я пойду, а то без меня не ушли бы.

В Красноярске, в кабинете начальника движения, в это самое время шло важное совещание. Вдруг зазвонил телефон. Начальник движения взял трубку, потом, прикрыв ладонью микрофон, сказал:

— Минутку, товарищи, звонят из Подтёсова. Сейчас узнаем, как там у них дела...

Но по мере того как начальник слушал, лицо его становилось всё тревожнее. Наконец, перебивая чей-то доклад, он переспросил:

— Трое детей и старуха?.. Чёрт знает что!.. А когда? В котором часу, я спрашиваю?.. А баржа какая?.. А шкипер кто? Длинный такой? Знаю. А какие меры принимаете? — И, продолжая слушать, он нажал кнопку звонка и крикнул вошедшему секретарю: — Главного диспетчера сюда, быстренько!..

Потом он повесил трубку, подошёл к карте, висевшей на стене, и, отыскав Подтёсово, провёл пальцем линию к северу от посёлка. Только тогда, обернувшись к собравшимся, он коротко рассказал о чрезвычайном происшествии.

Посыпались вопросы: какая баржа, с грузом или порожняя, кто шкипер? Вспоминали Горячкина, удивлялись, как он допустил такую промашку.

— Да нет, тут что-то не так,— сказал наконец шкипер-наставник Белокуров.— Горячкин — шкипер из лучших. Тут скорее всего стихия...

Он ещё что-то хотел добавить, но тут открылась дверь и вошёл главный диспетчер.

— Слышал новость? — спросил начальник движения.

— О «тридцать четвертой»? — невозмутимо ответил диспетчер.— А как же, слыхал...

И так спокойно сказал он это, что некоторых участников совещания покоробило такое спокойствие в минуту общей тревоги. Те же, кому не раз приходилось иметь дело с главным диспетчером, давно знали, что этот человек, в обычное время нервный, суетливый, даже крикливый, в минуты серьёзной опасности всегда оставался невозмутимым. Такая уж у него была должность.

— Ну, а как распорядился? — спросил начальник, уверенный, что диспетчер уже дал нужную команду.

— Догонять будем. Ледокольными буксирами. Там внизу лёд. На «Победе» пары поднимают.— Диспетчер глянул на часы.— Через час выйдут. И «Родина» тоже готовится. Пусть вдвоём идут, мало ли чего!

— Правильно,— согласился начальник движения.— В таком деле экономить не приходится. Ну, давай, действуй...

— Есть,— ответил диспетчер, но из кабинета не вышел. Он постоял ещё, глядя на карту и, когда начальник вопросительно посмотрел на него, спросил: — А что, если авиацию к этому делу подключить? А то затянет в протоку, а тут, не ровён час, туман падёт. Как бы не проскочили буксиры!

Начальник движения помолчал секунду, соображая.

— Дельно,— решительно заявил он наконец.— Свяжись с авиацией. Пусть сходит над плёсом самолёт...

Вот и всё, что произошло тогда в кабинете начальника движения. Люди расселись по местам, совещание пошло своим чередом... Но сложный аппарат управления большим речным хозяйством уже работал полным ходом.

Вниз по Енисею неслись в эфире радиоволны, предупреждая о беде обстановочные участки, лесные хозяйства и рыболовные станции. Мотористы катеров готовили двигатели. На аэродроме лётчики прогревали мотор. В Подтёсове «Победа» и «Родина» густо дымили, поднимая пары, а к бортам их то и дело подходили шлюпки с людьми.

В одной из таких шлюпок прибыл на «Победу» и шкипер Горячкин. Поднявшись на борт, он оглянулся и длинной рукой приветливо помахал Глафире Петровне, оставшейся на берегу. И она помахала рукой, а потом и платочком, но шкипер так и не увидел жену среди стоявших на берегу людей. В ответ на его приветствие по всему берегу поднялись сотни рук и сотни платков. Весь посёлок желал удачи «Победе» и «Родине». И долго ещё по берегам затона стояли люди и смотрели вслед буксирам, пока они не скрылись, лавируя между судами, расставленными на зимовку. А на судах, на тех, где ещё осталась команда, трепетали поднятые на мачтах флажки сигнала «Счастливого плавания!»

Очень скоро мощные буксиры подошли к устью, развернулись и полным ходом пошли вниз по широкой реке.

Капитаны и штурманы, не опуская биноклей, напряжённо вглядывались вдаль, обыскивая взорами неприветливые, пустынные берега. Горячкин тоже стоял на мостике, крепко сжимая поручни. Он без бинокля, намётанным глазом бывалого речника приглядывался к каждому заливу, к каждой бухточке, к каждой льдине. И всякий раз, когда «Победа» оставляла за кормой камни, украшенные белой каймой бурунов, шкипер облегчённо вздыхал: никаких следов баржи не было видно,— значит, «тридцать четвёртая» благополучно миновала и это препятствие.

Зато каждый раз, когда в стальной борт буксира с разгону ударяла льдина, Иван Петрович болезненно морщился, тревожась за свою баржу, деревянной обшивке которой такие льдины могли причинить немалый вред.

Вдруг он заметил на гладком льду небольшой протоки тёмное продолговатое пятно.

— А не моя ли это шлюпка? — спросил он, обратившись к капитану.— Вон там, в протоке...

Капитан глянул и дёрнул ручку машинного телеграфа.

Судно сбавило ход, спустили шлюпку, подгребли к берегу. Внимательно осмотрев со всех сторон перевёрнутую лодку, и лёд, и песок на берегу, Горячкин покачал головой:

— Нет, людей тут не было. Видно, льдом её оторвало, а сюда течением прибило... Пустую,— сказал Горячкин и, заметно помрачневший, снова встал на мостик со своими невесёлыми думами.

Заметив шлюпку, он понадеялся было, что люди с баржи сошли на берег. Теперь эта надежда рухнула. Правда, была и вторая лодка на барже, но могло ведь и её оторвать льдом. А могло быть и хуже: баржу где-нибудь посадило на камни, разбило, затопило, и вот эта случайно уцелевшая шлюпка — всё, что осталось от «тридцать четвёртой».

Никто ни о чём не спрашивал Горячкина. И без слов каждому было ясно, о чём думает шкипер, и люди молча делали своё дело.

Когда механик спустился вниз и рассказал трюмной команде о находке, его не стали расспрашивать о подробностях. Только громче загремели лопаты в кочегарке и на целое деление поднялось давление пара в котлах.

ВАЛЕРИК СТАЛ НА ВАХТУ

Катя плакала недолго. Конечно, страшно было плыть так по холодной реке — без буксира, без матросов, без отца... Но по тому, как спокойно говорили бабушка с Шурой, Катя решила, что, пожалуй, опасность не так уж велика. Вытерев слёзы, она молча разглядывала берега и скребла каблуком ледок, намёрзший на палубе.

Тем временем Шура отправилась на корму и оттуда позвала бабушку. Валерик и Катя тоже, конечно, примчались на зов, но Шуру это совсем не устраивало. Ей нужно было наедине поговорить с Марией Михайловной.

— Вот что,— сказала она, озабоченно наморщив лоб, когда весь экипаж «тридцать четвёртой» снова тесной кучкой собрался на корме.— Нужно будет вахты установить. Ты, Катя, косынку поправь, а то продует, и давай становись на мостик. Первой будешь вахту стоять.

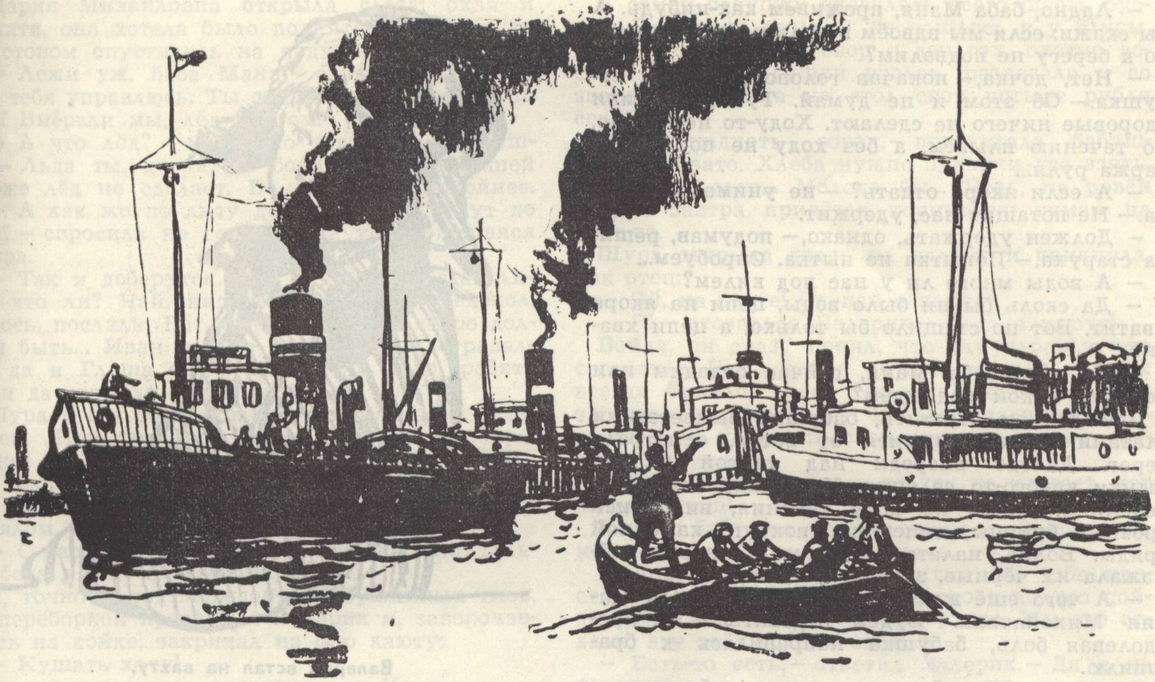
Шура не ошиблась в своём расчёте: как только Валерик услышал шурино распоряжение, он выступил вперёд и решительно заявил свой протест.

— А почему это она первой? Я первый встану, а Катя потом...

— Я сказала: Кате на вахту встать,— строго перебила Шура, но Валерик уже взбирался по трапу, и Катя вслед за братом бросилась на мостик...

Этого только и нужно было Шуре.

— Лодки, однако, придётся на борт под-

«Победа» и «Родина» густо дымили, поднимая пары; к бортам то и дело подходили шлюпки с людьми.

нять,— озабоченно сказала она.— Не оторвало бы. Если тонуть станем, как без лодок-то?

— Верно, доченька, верно, умница,— согласилась бабушка и направилась к краю кормы, едва переступая больными ногами. Шура опередила её. Она легко подбежала к борту, глянула вниз и издала испуганное восклицание. Большой лодки под кормой уже не было. Мария Михайловна, в свою очередь, глянула за борт и озабоченно поджала губы.

— Вот горе-то! — сказала она, помолчав.— Ну, давай, хоть эту поднимем. Неси рукавицы...

Шура быстро сбегала за рукавицами. Вдвоём с бабушкой они взялись за канат и стали тянуть, напрягаясь изо всех сил, но лодка за лето набухла в воде и стала очень тяжёлой. Работа шла медленно и неспоро. Бабушка тяжело дышала. Седые волосы выбились из-под съехавшего набок платка, нестерпимо ныли больные ноги. Толстый канат вырывался из рук и сквозь рукавицы жёг ладони...

Наконец, поняв, что разом не вытянуть тяжёлую лодку, Шура проворно заложила канат за кнехт. Бабушка и внучка постояли, перевели дыхание.

— Ребят позвать, что ли? — подумала вслух Мария Михайловна.

— И то,— согласилась Шура и, голосом подражая отцу, крикнула: — Эй, на вахте, ступай все вниз, лодку поднимать!

Толкаясь и мешая друг другу, Валерик и Катя скатились вниз по трапу и взапуски бросились на корму. Они вцепились в конец каната и, скользя подошвами по палубе, изо всех сил стали тянуть канат. И хоть немного силёнки нашлось у ребят, их помощь пришлась кстати. Лодка подалась кверху, грузно перевалилась через борт и закачалась на палубе. Все четверо бросили канат, вздохнули с облегчением и посмотрели друг на друга, удовлетворённые результатом работы. Потом Шура заложила конец каната за кнехт, сняла рукавицы и распорядилась:

— Ты, Валерик, ступай на мостик и стой вахту. А ты, Катя, марш на камбуз, растапливай.

— А я кушать хочу,— захныкал Валерик.

— Какая может быть еда, раз ты вахту стоишь? — рассудительно сказала Шура.— Вот сменим тебя — и поешь. Как раз и обед поспеет.

ЯКОРЬ ВЗЯЛ

Бабушка вместе с Катей пошла на камбуз готовить обед, Валерик полным хозяином стоял на мостике. Шура одна осталась на палубе.

Вдруг из-за поворота берега, низко летя над тайгой, вырвался самолёт. Он пролетел над самой баржей и пошёл на юг. Шура проводила его взглядом и подумала, что хорошо бы лётчику догадаться завернуть в Подтёсово, разыскать отца, рассказать, где баржа... А впрочем, отец, наверное, побывал уже в затоне и догадался, что их унесло. Наверно, и догонять их пошли... Только успеют ли?

Всё чаще и чаще попадались на реке каменные гряды, и каждая из них могла стать последней пристанью для баржи. Может, пока не поздно, спустить лодку, посадить бабушку на кормовое весло, а самой как-нибудь догрести до берега? Но Шура тут же отбросила эту мысль. Пусть камни, пусть лёд... Отец, будь он с ними, никогда не бросил бы баржу, он бы нашёл, что делать.

И когда бабушка, выглянув из каюты, поманила Шуру и тревожным шёпотом сообщила, что харчей почти не осталось, что ребятам хлеба хватит раза на два, а самим придётся мочить сухари, Шура спокойно сказала:

— Ладно, баба Маня, проживем как-нибудь. А ты скажи: если мы вдвоём в руль встанем, неужто к берегу не подвалим?

— Нет, дочка,— покачав головой, сказала бабушка.— Об этом и не думай. Тут и мужики здоровые ничего не сделают. Ходу-то нет у нас, по течению плывём, а без ходу не послушает баржа руля...

— А если якорь отдать? — не унималась Шура.— Не потащит нас, удержит.

— Должен удержать, однако,— подумав, решила старуха.— Попытка не пытка. Спробуем...

— А воды много ли у нас под килем?

— Да сколь бы ни было воды, цепи на якоре хватит. Вот не стащило бы только, а цепи хватит.

— Ну как, баба Маня, сейчас отдадим или деревни какой подождём?

Прежде чем ответить, бабушка выцветшими глазами, заслезившимися от ветра, осмотрела берег. Далеко впереди над тайгой вились дымки какого-то селения. Но между баржей и селением, прямо по ходу течения, виднелись грозные буруны, кипевшие вокруг каменной гряды. Волна, налетая на камни, изредка обнажала их чёрные, зловещие гребни.

— А чего ещё ждать! — негромко сказала Мария Михайловна.— Будем отдавать...— И, преодолевая боль, бабушка направилась к брашпилю.

Вдвоём с Шурой они осмотрели брашпиль. Потом, решительно взявшись за рычаг стопора, бабушка с силой налегла на ручку. Толстая цепь вздрогнула и вдруг, словно ожив, с грохотом, змеёй побежала в сторону клюза. Тяжёлый якорь грузно плюхнулся в воду и исчез. Цепь погремела ещё с полминуты, остановилась, снова загремела и снова замерла. Бабушка отпустила ручку тормоза и прислушалась.

Как-то по-другому забурлила вода вдоль бортов, натягиваясь, заскрипела звеньями цепь, громко лязгнула в клюзе. Разворачиваясь носом против течения, баржа медленно описывала кормой широкую дугу... Якорь взял!

Бабушка и внучка, не проронив ни слова, посмотрели друг на друга, но тут торжественную тишину этого важного момента нарушил пронзительный голос Валерика.

— Почему без вахтенного якорем распорядились? — кричал он с мостика.— Это разве порядок — без вахтенного?

— А тебе уже смена вышла,— улыбнулась Шура.— Теперь я на вахте. А ты давай в каюту. Небось, обед поспел!

Пока обедали, ранний вечер незаметно спустился на реку. Густой белый туман приполз с берега, укутал баржу... А потом и совсем стемнело. Только далеко впереди виднелись огоньки селения. И хотя попрежнему грозно шумела вода на каменной гряде, теперь это было уже не страшно. Якорь держал прочно.

Шура зажгла фонарь, установила стояночный огонь над мостиком и помогла бабушке улечься. Мария Михайловна так натрудилась за день, что едва дошла до постели.

Потом уложили Валерика и вдвоём с Катей проверили запасы продовольствия. Оказалось, что всей еды на барже осталось: несколько картофелин, немного крупы, стакан масла да четыре куска сахару. Хлеба не было ни крошки.

Катя начала было всхлипывать, но Шура строго приказала ей:

Валерик встал на вахту.

— Завтра придумаем, что делать. А сейчас спать!

Похныкав ещё, улеглась и Катя.

А Шуре всё не спалось. Тускло светилась в каюте прикрученная до отказа лампа. Бабушка похрапывала за перегородкой. Беспокойно ворочался во сне Валерик...

Шура вдруг ясно почувствовала на себе всю тяжесть ответственности и за баржу, и за ребят, и за бабушку: старушка совсем расхворалась...

Накинув ватник, Шура вышла на палубу. Густой туман обволакивал реку. Тихонько плескалась волна под бортом, да шуршали льдинки, задевая за обшивку баржи.

Шура сходила к брашпилю, убедилась, что якорная цепь натянута, поднялась на мостик, проверила фонарь. Потом с тревогой вспомнила о завтрашнем дне, о том, что нужно кормить ребят, и вдруг, решительно махнув рукой, пошла в каюту. И, забравшись с головой под одеяло, тут же заснула крепким сном.

* * *

Как ни крепко спала в ту ночь Шура, проснулась она раньше всех на барже. Она полежала ещё минутку, досматривая сон, и, вдруг как-то разом вспомнив всё, что произошло за последние сутки, вскочила с постели.

Одевшись потеплее, Шура вышла на палубу. Туман стал ещё гуще. Над рекой стояла непривычная, таинственная тишина. Только промёрзшие доски чуть поскрипывали под ногами. По тому, что совсем не слышно стало волны под бортом, Шура догадалась, что баржа за ночь вмёрзла в лёд. Глянув за борт и убедившись, что не ошиблась, Шура пошла будить бабушку.

— Баба Маня, а баба Маня! Вставай-ка! — встревоженным шёпотом заговорила она над постелью.

Мария Михайловна открыла глаза; охая и кряхтя, она хотела было подняться, но тут же со стоном опустилась на подушку.

— Лежи уж, баба Маня,— сказала Шура,— я без тебя управлюсь. Ты скажи только, делать-то что! Вмёрзли мы, лёд кругом!

— А что лёд? — медленно заговорила бабушка.— Льда ты, дочка, не бойся. Ничего нашей барже лёд не сделает. Во льду нам покойнее.

— А как же по льду добираться-то будут до нас? — спросила не совсем ещё успокоившаяся Шура.

— Так и доберутся. Что ж, там без глаз люди, что ли? Чай, видят: встаёт река; ледокол, небось, послали. Вот, ожидай, теперь скоро должен быть... Иван только наш, поди, настрадался, да и Глаша тоже. Шутка ли дело: ребята одни да старуха никудышная...

Шура и без того давно тревожилась за родителей. Наверно, волнуются, горюют, а зря. У неё на барже всё благополучно, все живы, все здоровы... Вот бабушка только...

А бабушка, укутавшись по горло тёплым одеялом, продолжала:

— С часу на час подойдут. Ожидай... Вот только беда у нас: с харчами плохо...

И, точно в подтверждение бабушкиных слов, за переборкой проснулся Валерик и, заворочавшись на койке, закричал на всю каюту:

— Кушать хочу!

От этого возгласа проснулась и Катя.

— Где мама? — захныкала она и тут же добавила, вторя младшему брату: — И я кушать хочу!

Скормив на завтрак ребятам остатки продуктов, Шура и бабушка сами поели сухарей, размоченных в тёплой воде.

Потом Шура отправила Валерика на мостик — стоять вахту, а Кате приказала постирать какую-то мелочь. Заняв ребят делом, Шура проворно прибрала в каюте и вышла на палубу. Воздух над рекой стоял морозный, ядрёный, туман рассеялся. Вокруг баржи повсюду лежал молодой лёд и так ярко сверкал на солнце, что после полумрака каюты больно было смотреть. Поморгав, протерев глаза, Шура привыкла к яркому свету и осмотрелась. Деревня за бугром казалась заманчиво близкой. Прямыми тонкими струйками тянулся к небу дым из труб. Чистой воды нигде не было видно, и только далеко за бортом, под дальним берегом, клубился пар над невидимой проталиной. Должно быть, там сбегал в реку незамёрзший ключ. Парохода нигде не было видно.

«Ну что ж, подождём ещё,— решила Шура,— а если не скоро придут, в деревню сходим за хлебом. Лёд, небось, выдержит».

— Шура! — раздался в это время голос Валерика.— А чего на вахте делать?

— А ты птиц считай,—не растерялась Шура.— До десяти считать умеешь? Ну вот, как десять птиц насчитаешь, сразу беги ко мне.

— А их нет, птиц-то,— недоверчиво ответил Валерик.— Да и зачем они, птицы-то?

— Раз говорю,— значит, надо. Вот насчитаешь — увидишь зачем,— отрезала Шура и пошла в каюту советоваться с бабушкой.

Мария Михайловна одобрила шурин план.

— Денег бы только нужно,— заметила она.— В колхозе нам и без денег хлеба отпустят, ну, однако, лучше бы заплатить.

У самой бабушки оказалось всего шесть рублей. Примерно столько же нашлось и у Шуры. Катя, услышав разговор о деньгах, охотно достала из-под подушки узелок, развязала и со звоном высыпала на стол свои четыре рубля серебром.

— Шестнадцать сорок,— подсчитала бабушка,— маловато. Хлеба нужно буханки две взять, картошки, сала... Молока бы... Ведь, не ровён час, и завтра придётся кормиться: туман на реке-то.

Шура открыла дверь на палубу и крикнула, как отец:

— Эй, на вахте! Ступай в каюту!

— Я! — отозвался Валерик.— Есть в каюту!

Войдя, он сразу понял, что случилось что-то серьёзное. Все глядели на него и молчали. Так всегда бывало, когда Валерика ждал выговор за очередную проделку. Валерик насупился, засопел и, не найдя за собой никаких грехов, сказал неуверенно:

— Мне только трёх до десяти не хватает, нет больше птиц!

Катя и бабушка с удивлением посмотрели на мальчика, а Шура рассмеялась.

— Ладно,— сказала она,— птиц мы тебе простим, так и быть. Вот что: скоро в колхоз пойдём, за хлебом, а денег мало у нас. Мы всё отдали, а у тебя есть, я знаю...

— Есть-то есть,— ответил Валерик.— Да я на коньки коплю...

— Ты деньги дай сейчас,— сказала бабушка,— а коньки я тебе куплю. Вот сойдём на берег, получу пенсию и куплю.

— С ботинками? — обрадовался Валерик и, выскочив на палубу, не оглядываясь, побежал к одному из своих тайников.

Вернувшись в каюту, он посмотрел на бабушку, на сестёр и разжал кулачок. На стол упали скомканные бумажки, посыпалось со звоном серебро... и в то же мгновение где-то далеко на реке раздался протяжный гудок парохода.

Даже не глянув на свои деньги, Валерик вихрем вылетел из каюты. Шура и Катя бросились за ним, а сзади, превозмогая боль, заковыляла бабушка...

Сверху, слегка дымя приземистой трубой, легко подламывая молодой лёд, прямо к барже № 34 шёл полным ходом ледокольный буксир «Победа». Следом за ним по широкой дороге, пробитой во льду, торопилась «Родина».

Горячкин стоял на носу переднего судна. Опытным глазом бывалого речника он легко оценил положение баржи и, обернувшись к капитану, не без гордости крикнул на мостик:

— Однако на якоре стоят! Ай да ребята!

Не прошло и получаса, как шкипер, взяв у вахтенного матроса конец, сделал огромный прыжок и прочно встал на родную палубу, широко расставив длинные ноги.

Валерик первый подбежал к отцу. Шкипер поднял сына на руки, прижал к груди. Задыхаясь в крепких объятиях, Валерик обнял отца за шею, потянулся губами к его обветренной щеке и вдруг, раздумав целоваться, сказал с достоинством:

— Пап, а я тут без тебя вахту стоял!

— Ишь ты! — одобрил отец.— Ну, однако, и мы не гуляли! За тебя, Валериан, весь Енисей нынче вахту стоял!

КОМАНЧИ НА ТРОПЕ МИРА

Вальтер Поллачек **Рисунки Г. Филипповского.**

На большом пустыре у Мюнгстенер-штрассе в городе Ремшайде [1] племя индейцев поставило свой вигвам. Это было совсем особое племя, так как все шесть героев, составлявших его, были ровесниками. С утра они не могли носить свои уборы из орлиных перьев: в это время они с книжками и тетрадями все вместе шли в школу, в седьмой класс, и только после обеда объединялись в благородное племя команчей.

Однажды, усевшись в круг, команчи держали совет.

— Всегда здесь, на этом пустыре, и всегда одно и то же,— сказал Ойген по прозванию Быстрый Олень.— Это же скучно! Хоть бы нам каких-нибудь бледнолицых, чтобы напасть на них!

Вождь племени, Могучий Бизон (до обеда его звали просто Петером), возразил:

— Команчи — благородное и миролюбивое племя. Мы ни на кого не нападаем. Мы защищаемся, если нападают на нас.

— Да ведь в том-то и дело, что на нас никто не нападает! — с досадой возразил Быстрый Олень.— Может, поиграем во что-нибудь другое?

Но вождь торжественно заявил:

— Я, Могучий Бизон, чувствую сердцем своим, какие смелые и славные подвиги может совершить благородное племя команчей. Маниту [2] внушил мне мудрую мысль. Мы проберёмся тайком в страну бледнолицых и разведаем их дела и намерения. Идти по двое, не теряя друг друга из вида. Передвигаться осторожно, чтобы бледнолицые ничего не подозревали. Наблюдать, оставаясь незамеченными, и азбукой пальцев сообщать друг другу всё, что увидим. Хух!..

Осторожно скользили три группы вдоль Мюнгстенер-штрассе, скрываясь в подъездах, за выступами домов, за машинами на стоянках, перебегая от укрытия к укрытию.

Это было по-настоящему весело, хотя, в сущности, ничего особенного не случалось; один раз им встретились два человека, которые шли по тропе войны (два полицейских); один раз они наткнулись на золотоискателя у реки (мальчуган плескался в уличной луже). Но самым захватывающим было именно то, что команчи следили за всеми, а их не замечал никто.

---

[1] Город в Западной Германии.

[2] Верховное божество североамериканских индейцев.

— Взгляни-ка, что делает тот бледнолицый с толстым портфелем! — шепнул вдруг Могучий Бизон Быстрому Оленю.

— Это Вернер Бушкёттер,— сказал второй индеец, но вождь краснокожих не дал сбить себя с толку:

— Без тебя знаю! Но чем он занят? Видишь? Только что был в доме номер сорок семь, а теперь заходит в номер сорок девятый. Ну-ка подождём, пока он выйдет оттуда, и посмотрим, что будет дальше!

Ждать долго не пришлось. Парень, который их заинтересовал, снова вышел на улицу и прошмыгнул в следующий подъезд.

— Странно! — сказал вождь.— Могучему Бизону и Быстрому Оленю придётся пойти по следу... Спрячемся за той будкой для афиш! Оттуда виднее.

Но, обогнув будку, они чуть не столкнулись с человеком, который стоял за ней и... да, это было просто невероятно: человек не спускал глаз с той же двери, за которой они сами собирались наблюдать.

От этого открытия ребят просто в жар бросило.

— Могучий Бизон подозревает, что один бледнолицый идёт по военной тропе против другого,— прошептал вождь краснокожих.— Войдём-ка в подворотню, чтобы смотреть за обоими...

Они увидели, как вышел Вернер Бушкёттер и направился к следующей двери. В этот миг человек за будкой кивнул, и тотчас другой человек, стоявший на противоположной стороне улицы, у витрины с зеркальными стёклами, быстро обернулся и направился к тому, который был около будки.

— Они вдвоём,— шепнул Быстрый Олень.

Но Могучему Бизону некогда было отвечать. Он неотступно смотрел на тех двоих. Они шли напрямик к дому, в который собрался войти Вернер Бушкёттер.

— Надо предупредить бледнолицего о его врагах,— прошептал Могучий Бизон.— Свистни в два пальца и беги прочь. Я останусь.

Быстрому Оленю хотелось бы самому остаться, но ничего не поделаешь: приказ вождя! Итак, он издал оглушительный свист и помчался вниз по улице. Оба человека в удивлении оглянулись, но и Вернер Бушкёттер тоже повернул голову.

Могучий Бизон воспользовался случаем, прыгнул в палисадник перед домом и притаился за изгородью совсем рядом с подъездом.

От него не укрылось, что Вернер Бушкёттер заметил обоих людей и на мгновение застыл в нерешительности. Высокая изгородь палисадника скрывала теперь Вернера от преследователей. Он поспешно осмотрелся, шагнул к люку угольного подвала, наклонился, вынул из портфеля толстую пачку бумаг, спустил их в люк и, повернув обратно, не спеша вышел из палисадника на улицу. Но тут подоспели те двое. Они преградили Вернеру дорогу и повели парня по улице.

Они не видели, как Могучий Бизон шёл за ними следом и как к нему присоединялись один за другим все воины племени команчей.

Вот это приключение!

Дорога, которой бледнолицые шли со своим пленником, была долгой. Был ли он вообще пленником? Чего хотят от него эти двое? Волнение индейцев достигло высшей точки, когда парня ввели в здание полицейпрезидиума.

— Уголовная полиция,— многозначительно сказал Орлиный Глаз.— Они задержали преступника!

— Чепуха! — возразил Быстрый Олень.— Я-то знаю Вернера. Он вовсе не преступник.

— А всё же это уголовная полиция, и его арестовали,— настаивал Орлиный Глаз.

Тут вмешался вождь:

— Могучий Бизон думает, что мы напали на след мрачной тайны. Пусть всё племя отправляется к нашему вигваму и ждёт меня. Великие события откроются нам сегодня.

Единственный индеец, который мог бы коечто рассказать своим товарищам, был Быстрый Олень. Но он знал не много и был ошеломлён не меньше остальных, когда на пустыре появился Могучий Бизон с пачкой бумаг под курткой.

Вождь объяснил, что произошло в палисаднике, и сказал в заключение:

— Итак, сейчас мы проникнем в тайну пленника.

В связке бумаг оказались листовки. Вождь племени каждому дал по одной, чтобы все поскорее прочли. Индейцы сидели на обломках — следах старых бомбовых разрывов — и читали о войне, которая разрушала дома и убивала людей. Они читали о том, что в Бонне уже готовят новую войну, хотят одеть немецких юношей в солдатские мундиры, чтобы послать их войной на другие народы. И ещё там было напечатано, что все должны бороться против этих кровавых планов.

— Это на самом деле так? — спросил Быстрый Олень.

— Да, на самом деле,— ответил Могучий Бизон.— Мой отец говорил дома то же самое.

Они задумались. Но Орлиный Глаз заладил своё.

Индейцы сидели на обломках — следах старых бомбовых разрывов — и читали о войне.

— Не понимаю,— рассуждал он,— какое отношение могут иметь листовки к аресту Вернера Бушкёттера? Они тут ни при чём.

— Ну, положим! — возразил вождь.— Отец рассказывал, что господа из правительства хотят затеять войну, а мать и говорит: «Ты только не так громко, а то как бы тебя не упрятали в тюрьму...»

— Но не могут же человека посадить в тюрьму за то, что он против войны! — возмутился Быстрый Олень.

— Не могут? Ещё как могут! Мы-то сами видели...

Озабоченные и встревоженные, сидели они, прижавшись друг к другу. Наконец Орлиный Глаз спросил:

— Что же теперь делать с листовками? Сожжём их или отнесём туда, где их нашёл Могучий Бизон?

— Ну, нет,— сказал Бизон,— так не годится! Ни то, ни другое. Ведь наше племя стоит за то, чтобы бороться против зла. Если сейчас мы не начнём действовать, позор падёт на наши головы. Мы не будем достойны носить орлиные перья.

— Но как же тогда? — спросил Быстрый Олень.

— Возьмём листовки и обойдём все дома, в которых ещё не побывал Вернер. И в каждый почтовый ящик сунем по одной. Трое будут ходить по домам, а трое будут патрулировать...

Когда начало смеркаться и они собирались возвращаться домой, все листовки были уже на своих местах. Но листовок хватило не на всю Мюнгстенерштрассе.

— Знаете что? — сказал вождь племени.— Будем действовать дальше! Завтра мы сами напишем побольше таких листовок.

Так случилось, что, начиная со следующего дня, многие жители Ремшайда стали находить в своих почтовых ящиках листовки против войны. Листовки эти, написанные детской рукой, были с подписью «Команчи».

Перевели с немецкого
П. Печалина и Е. Рубцова.

В степях Казахстана

Рассказ о делегате на V Всемирный фестиваль молодежи и студентов

Е. Каралина

Пионеры ехали из Кустаная на двух грузовиках. Было жарко, струился, переливаясь, знойный воздух над степью... Огромным зеленеющим кругом простирались поля. Словно гигантский гребень расчесал их: прямые, бесконечно длинные, тянулись ряды всходов.

— Переворотили нашу степь,— сказала вожатая и прибавила шутливо: — Это всё Иван Иваныч со своими хлопцами!

Иван Иванович Рудской, бригадир тракторной бригады, подмигнул ребятам и произнёс своим мягким украинским говорком:

— То ж наше заданье такое — поперевертать всё на свете!

Ребята смотрели на Рудского восторженными глазами. Многие из них видели в кино картину «Наступление на целину», где снята была его передовая бригада. Наверное, вся страна знает Рудского! И как же им повезло! Их школа будет помогать на прополке именно этой бригаде. Все классы по очереди будут ездить на полевой стан. А они, пятиклассники, едут первыми. И приехал за ними сам Иван Иванович.

С любопытством и уважением посматривали ребята на знаменитого бригадира, депутата Верховного Совета. Он сидел среди них такой обыкновенный, в сером кительке с чёрными пуговицами; загорелое мальчишеское лицо, кудрявый чуб выбивается из-под кепки.

Но вот и полевой стан. Большая палатка с алым флагом на верхушке, напротив — кухонная будка, по бокам — два темнокрасных вагончика, а посредине — клумба с цветами.

Машины остановились. Бригадир легко соскочил с кузова, повёл приехавших в вагончик, быстро принёс стопку чистых простыней, и девочки стали стелить постели на верхних и нижних полках. Мальчики устраивались в палатке: там просторней и прохладней, по краям растёт травка, и голубые ножки кроватей вдавливаются в неё. Пришёл крепкий, загорелый старик, ласково заговорил:

— Кому чего надо, деда Данилу спрашивайте, дед всё сделает.

Под руководством деда Данилы мальчики лазили по лесенке на крышу вагона, наливали в бак воду для душа и умывальника. Потом ходили, смотрели стан — всё им было здесь интересно. Зелёная кайма кукурузы огораживала стан.

— Это Иван Иваныч затеял,— пояснил дед.— Как вырастет, станет стеной, и пыль с дороги залетать не будет. А вот техника наша: культиваторы, сеялки, картофелесажалка...— указывал он на машины, чинно стоящие в два ряда.— Насчёт этого у нас бригадир строг: отработал, и первое дело машину почисть, смажь... И трактора мы заправляем горючим не вручную, как по другим бригадам, а исключительно с помощью насосов. Живём мы дружно, одной семьёй. В других бригадах, бывает, враждуют, завидуют, а у нас такого не водится. Если что не так, никуда не жалуемся, соберём комсомольское собрание и постановим, кому нахлопать,— всякого выправим! Один раз только жаловались, когда Иван Иваныча от нас забрать хотели... А то вон наш пруд...

Ребята помчались к пруду. Поплескались в холодной воде и скорей на берег. Там в широкой яме ходили по кругу две лошади, перемешивали копытами месиво из глины и рубленой соломы — саман. Парни в трусах передавали друг другу вёдра, смеясь, выплёскивали воду в глину. Высокий силач с длинными волосами и розовой, облупленной спиной поднимал ведро одним пальцем.

Иван Иванович, смуглый, ловкий, в голубой майке, указывал, куда подлить воды, сам хватал вёдра. С его появлением работа пошла стремительно, весело. Двое хлопцев формовали из самана большие кирпичи; их много обсыхало на берегу.

— Построим из них дом на стану,— пояснил бригадир ребятам.

— Зачем вам дом? — спросил Боря.— Летом же лучше в палатке...

— Непрочная штука — эта палатка,— заметил Иван Иванович.— А мы тут надолго располагаемся.

После обеда бригадир повёл ребят на ра-

боту. Шли мимо поля ржи, густой, но короткой и кое-где прихваченной желтизной.

— Дождя, дождя надо! — вздохнул Иван Иванович.— Не растёт рожь. И ковыль вон низенький, а уже цветёт, торопится... Всходы у нас хороши, да снегу было мало зимой и за всю весну ни одного дождя... А вот и наша кукуруза!

В мерцающую бледную даль тянулись ровные ряды всходов.

Иван Иванович остановился, сдвинул на затылок кепку. Лицо его повеселело.

— Двести пятнадцать гектаров! Центнеров по сорок думаем взять с гектара. Четыре пуда кукурузы свинье скормить — пуд сала получить; вот и подсчитайте: сколько это сала выйдет? А прорывать надо так, смотрите все.— Он присел на корточки, и ребята окружили его.— Два самых крепких ростка оставляем в гнезде, остальные осторожно выдёргиваем с корешком...— Сильные пальцы его бережно дёргали кукурузу.— Эти росточки собирайте, потом их высадим, а сорняки бросайте.

Не дослушав его, Боря первый занял ряд и с жаром принялся за работу. Заняли ряды и остальные ребята. Боря шёл впереди всех, приговаривая:

— Я уж вон где! Я вон сколько кукурузы надёргал, Иван Иваныч! — И он протянул пучок зелени, зажатый в кулаке...

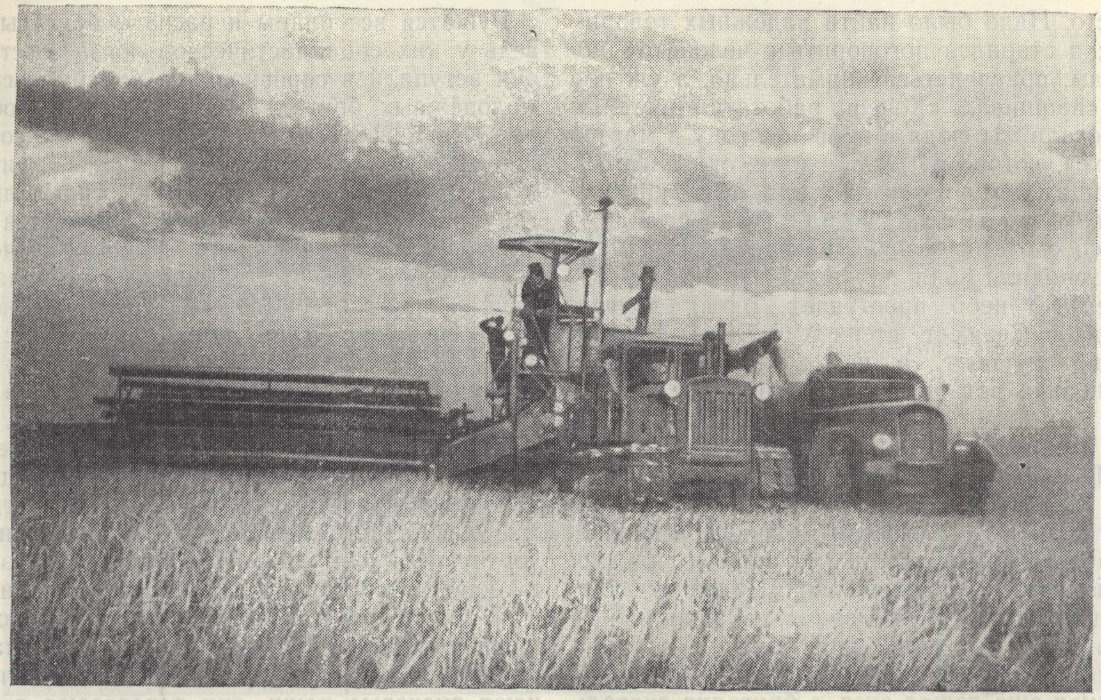
— Надёргал ты, брат, сорняков...— сказал бригадир и прошёл с Борей обратно по ряду.— Ты не спеши, а приглядись внимательно: у кукурузы листик нежный, а стебель внизу красноватый...

Иван Иванович ходил по полю, показывал, проверял, а когда ушёл, работать стало не так интересно.

Вернулись школьники на стан после захода солнца. Ужинали в палатке. Потом играли с трактористами в волейбол. А Боря стоял у яркокрасного трактора на резиновых шинах, ждал, пока двое трактористов в замасленных комбинезонах возьмут его прокатиться. Но они всё копошились в глубине трактора, спорили, никак не могли починить. Лёгкой походкой подошёл бригадир, наклонился над загадочным механизмом, потрогал что-то, повертел. И мотор застучал! «Наверное, всякую машину починит,— думал Боря.— Вот счастье-то — уметь всё делать!» Ему вдруг расхотелось ехать на тракторе, и он пошёл за бригадиром. Тот поговорил с кухаркой, потом вошёл в вагончик, сел за стол, что-то подсчитывал с учётчиком.

Со всех концов страны приходят письма в бригаду Рудского. (Крайний справа И. И. Рудской).

Началась уборка хлебов.

К столу стали подсаживаться трактористы, то и дело слышалось: «Иван Иваныч». Сам он говорил негромко, словно для того, чтобы его внимательней слушали, а когда улыбался, глаза становились такими мягкими.

Вышел он посидеть на воздух, и комсомольцы за ним. Заиграл на баяне Костя — певец и затейник бригады. И все запели крепкими голосами о Днепре, о казаках, идущих в поход...

Наутро, проснувшись, Боря услышал голос бригадира, выглянул из палатки и увидел: Иван Иванович в трусах приседал, подскакивал, и под его команду трактористы тоже в трусах приседали, подскакивали...

— Зарядку делают, айда и мы! — крикнул Боря, и мальчики выскочили из палатки.

В тот день было особенно душно, ветер не освежал, а дул горячий, словно из печки.

Возвращаясь с поля, ребята заметили странное явление: впереди по дороге двигался, крутясь, высокий столб пыли, чуть не до облака.

— Что это? — заахали все.

— Настоящий смерч,— пояснила учительница.— Вы же учили о смерчах в пустыне...

Усталые ребята заснули под свист ветра. А ночью захлопали стенки палатки, затрещали верёвки, повалились палки в углах... Мальчики не сразу поняли, что происходит. Но трактористы, спавшие на другой половине, вскочили, стали поспешно прижимать кроватями разлетающиеся стенки... Вдруг повалился центральный столб, и брезентовая крыша упала... Пришлось поскорей выбираться из-под неё в темноту ночи. Мальчики побежали в вагончик, где спали девочки с учительницей и вожатой. Разместились кое-как на полу. Лёжа в тесноте и духоте, Боря подумал: «Верно говорил Иван Иваныч: надо дом строить».

...Быстро бежало время на полевом стане. Вечером накануне отъезда ребята сидели с бригадиром на скамье у вагончика. Шёл задушевный разговор.

— Почему я поехал сюда? — говорил Иван Иванович.— Не только по комсомольскому долгу. Манило и раздолье, и новых людей повидать хотелось... Отслужил в армии и завербовался на целину. Назначили меня бригадиром. В поезде я ходил из вагона в вагон, подбирал бригаду. Это ведь не

просто. Надо было найти надёжных товарищей; я старался поговорить с человеком по душам, приглядеться внимательно, а уж потом спрашивал: «Хочешь работать вместе?..» Приехали мы сюда в прошлом году в марте. Колхоз, которому нас придали, оказался отстающим, ему помогать надо было крепко. Сколотили мы сани, возили тракторами навоз со скотных базов. Провели снегопахоту, перегородили поля снежными валами...

Темнеет небо, проступает одна, другая звезда... Свежеет степной воздух. Ребята жадно слушают, а перед глазами Ивана Ивановича встаёт недавнее прошлое.

* * *

...В ту весну целыми днями бродил бригадир Рудской, осматривал степь, выискивал для полевого стана место получше в центре обрабатываемых земель. В апреле начало таять, степь покрылась водой. Надев высокие резиновые сапоги, комсомольцы ходили намечать границы своих участков.

Степной ветер быстро обсушивал землю; в низинах ещё лежал снег, а бригадир сказал: «Пора выезжать, ребята. Пошли в наступление!»

Ясным утром, торжественно гремя и полязгивая, двинулись друг за другом тракторы. Впереди могучий «С-80»; на нём Яков Козырь — самый опытный из трактористов. В кабине его трактора ехал гармонист, играл марш. Иван Иванович верхом на коне гарцевал сбоку; как командир перед боем, озирал он свой моторизованный отряд.

Ровно идут гусеницы первого трактора; чёрной лентой течёт позади вспаханная земля; влажные пласты лоснятся на солнце. На радостях даже митинг был на первой борозде!

А вечером трактористы пришли на стан мрачные: никто из них не выполнил сменной нормы. И в следующие дни тоже... Плуги застревали в липкой грязи, выгибались их рамы, оси колёс... Лемех врезался в землю и вдруг подскакивал, словно вырванный богатырской рукой!

Яростно сопротивляется целина, не хочет уступить напору железа и стали, крепкими корневищами трав обхватывает лемеха, которые поминутно тупятся; их отбивают в походной кузнице, и они превращаются в узкие полоски. И горючего получается большой пережог!

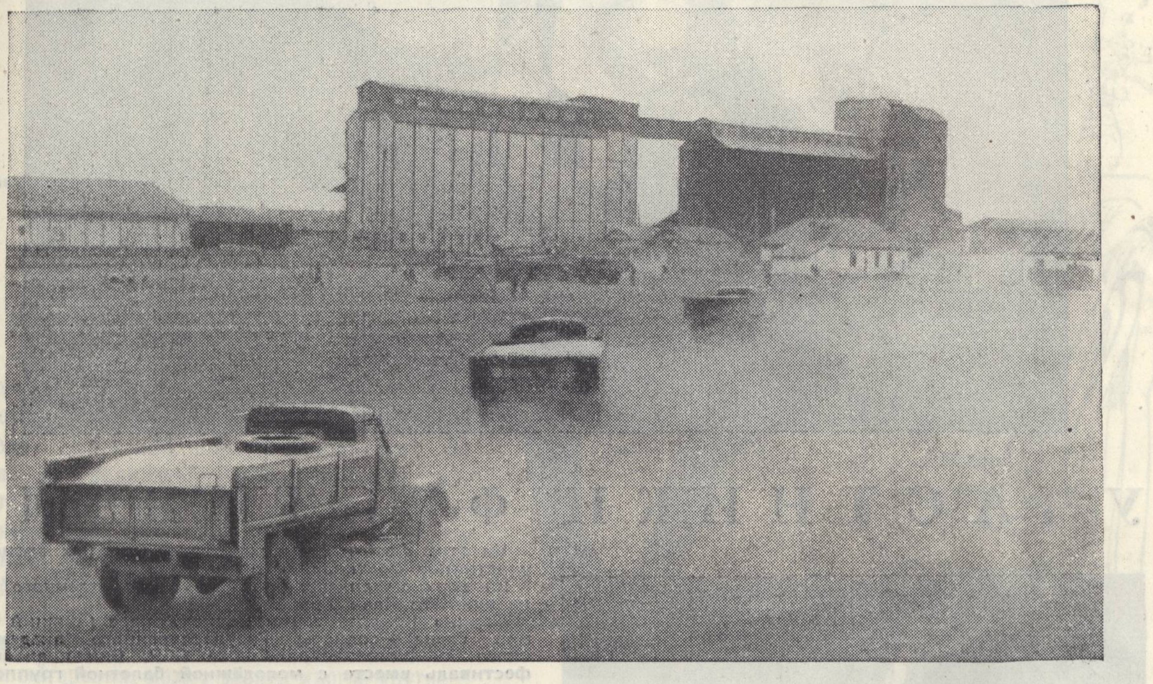
Рушатся все планы и расчёты бригады, а ведь у них социалистическое обязательство, они вступили в соревнование комсомольско-молодёжных бригад! Тут же в степи собирает Иван Иванович производственное совещание. Спорят бурно, без пощады критикуют друг друга: тот оставляет огрехи, другой пашет лишь бы скорей. Достаётся и бригадиру: пусть обеспечит подвоз горючего к самой борозде, чтобы тракторы не делали лишних перегонов. Да и обед можно привозить сюда же... А ещё допущена ошибка: не послушали совета местных трактористов; те предупреждали, что даже могучий «С-80» не потянет на целине пятикорпусного плуга.

Решают два плуга снять и пахать тремя плугами. Напряжённо обдумывает бригадир, как предотвратить поломки. Поздно вечерами засиживается он в полевом вагончике, чертит что-то и наконец предлагает кузнецу наварить к основанию плуга металлические пластинки для устойчивости, а к осям колес, чтобы не прогибались, приделать угольники. Перед корпусом плуга теперь пускают дисковые ножи, они перерезают дёрн, и лемехам легче вздирать пласты целины.

Работают комсомольцы днём и ночью, мокнут под дождём, наскоро сушатся у костров, наскоро едят тут же, у тракторов, руками, тёмными от мазута. Иной, случается, увлечётся, заедет так далеко, что и обедать не явится.

Нелегко было работать, особенно по ночам... Черным-черна степная ночь, только свет фар выхватывает из черноты кусок целины. После дня работы молодой тракторист устал от запаха газа, шума мотора — вздремнуть бы хоть на пять минут!.. Позади трактора появляется бригадир, проверяет вспашку и вдруг замечает: ровная линия борозды ползёт вкось... Забежав сбоку, он видит: голова водителя клонится ниже, ниже и стукается о колесо руля... «Стой!» — кричит Иван Иванович. Комсомолец в смущенье останавливает трактор, ожидая нагоняя, но бригадир заталкивает его в угол кабины: «Спи, я пока сам...» И усаживается за руль.

«Когда успевает он отдыхать?» — удивляются товарищи. Прикорнет в углу вагончика, спит бесшумно, как птица, и просыпается сразу. Вскочит быстро, по-солдатски, обольётся холодной водой, взъерошит намокший чуб и уже свеж, бодр, живо блестят глаза. Он всегда по-военному выдержан, под-

Одна за другой подходят к Джаркульскому элеватору машины с зерном.

тянут, но неспокоен; ни дома, ни в весёлой компании не любит засиживаться подолгу... Кажется, только на стану бригады и чувствует он себя по-настоящему на месте: здесь каждому нужен его совет, указание, помощь...

Шире, шире разливалась вспаханная земля, надвигалась на древнюю ковыльную степь.

— Хлопцы жмут так, что и замерять не успеваю. Бегаю, бегаю по полям...— пожаловался как-то учётчик бригадиру. А тот просиял.

Скоро на землях колхоза целины не осталось. Своё обязательство бригада выполнила с превышением — вместо 1 073 вспахала 2 790 гектаров.

Отсеялись в срок. Весной часто перепадали дожди, и урожай вышел на славу. Не мог насмотреться Иван Иванович, как плещет волнами море пшеницы, вытягивал шею, пытаясь увидеть край этого моря, клал на колосья кепку, и кепка не падала: так густо стояли колосья. Вот он, первый целинный хлеб!

Трактористы соорудили в колхозе механизированный ток; со всех сторон бежали туда машины с зерном, золотым потоком текло оно по транспортёру на очистку. Днём и ночью шли грузовики по степной дороге к Джаркульскому элеватору.

Колхоз, в котором работала бригада Рудского, получил 700 тысяч рублей дохода от полеводства — втрое больше, чем в прошлом году,— и вышел в передовые по району. Стоило поработать ради этого!

А в социалистическом соревновании комсомольско-молодёжных бригад бригада Рудского заняла второе место по Союзу и была награждена почётной грамотой ЦК ВЛКСМ.

* * *

Сейчас бригада Рудского заканчивает уборку нового урожая. А сам Иван Иванович далеко, он уехал в Варшаву на V Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. И в колхозе и в бригаде с нетерпением ждут возвращения Ивана Ивановича. Ждут и ребята. Наверное, он приедет к ним в школу и расскажет о том, что было на фестивале.

УЧАСТНИКИ ФЕСТИВАЛЯ

На этих фотографиях вы видите молодых артистов, участников фестиваля в Варшаве.

На верхнем снимке — артист Государственного цирка жонглёр Иван Хромов.

Марина Кондратьева и Борис Хохлов (нижний снимок слева) — солисты Государственного академического Большого театра Союза ССР. Они поехали на фестиваль вместе с молодёжной балетной группой и симфоническим оркестром. Кондратьева и Хохлов превосходно танцуют. Посмотрите, как легко и красиво они исполняют сцену из балета Чайковского «Спящая красавица».

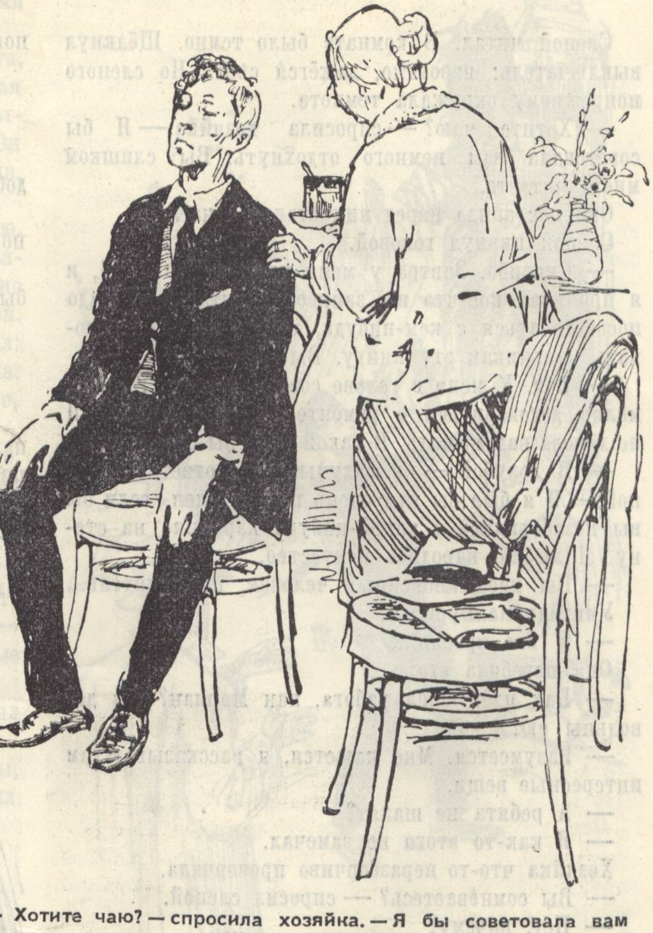
На нижнем снимке справа — талантливый баянист Юрий Казаков, студент музыкального училища имени Гнесиных. На баяне Юрий исполняет очень сложные вещи — произведения Чайковского, Мусоргского, Лядова, Дворжака, Баха.

ЕГО ГЛАЗА

РАССКАЗ

Юзеф Хен **Рисунки Г. Филипповского.**

— Хотите чаю? — спросила хозяйка. — Я бы советовала вам немного отдохнуть.

I

Узнав о порученной ему миссии, инспектор в первую минуту пожалел, что не ушёл в отпуск. Он почувствовал себя как ребёнок, которого посылают за спичками к ворчливой соседке. Поручение, правда, неприятное!.. Но стоит ли увиливать? Вместо него могут послать кого-нибудь другого. А разве есть уверенность, что тот, другой, окажется более чутким? Дело такое необычное! Этот Кемпинский мог бы и в самом деле выбрать себе другую профессию. Но он почему-то захотел непременно стать опять учителем. Человек, лишённый зрения, может делать многое другое!..

Инспектор стал было перебирать в памяти, что может делать слепой, но не сумел припомнить ничего определённого.

Предстоящее завтра обследование Кемпинского ему не улыбалось. Его томили дурные предчувствия. Учитель должен видеть, следить взглядом за всем классом. Кемпинский обязан знать это, в конце концов он знаком с работой учителя не первый день. А если он не хотел сам этого понять, то кто-нибудь мог бы отговорить его. Теперь же действительно слишком поздно. И если окажется, что в классе царит разболтанность, придётся вынести приговор.

«Нет, этого я не сделаю»,— испугался вдруг инспектор.

Не сделает? А тридцать мальчиков из восьмого класса ничего не значат? Нет, ни о каком снисхождении не может быть и речи!

«Если окажется, что класс распустился...— уговаривал себя инспектор.— Нет! Кемпинский должен переменить профессию на какую угодно другую!»

Инспектор зашёл в отдел кадров и попросил личное дело Мариана Кемпинского. Потом возвратился к себе.

Он читал, не удивляясь: как он и полагал, Кемпинский был старым коммунистом, много раз сидел в тюрьме; имел заслуги в работе с молодёжью. Во время оккупации был известен под кличкой «Рубака». Зрение потерял весной 1943 года от взрыва гранаты в варшавском канализационном коллекторе во время переброски оружия для восставшего гетто. В течение нескольких лет жил, ничего не делая, у родных в деревне. Когда и как наступил перелом, данных не было. Известно лишь, что в конце лета 1948 года он попросился на учительскую работу. Этому предшествовал упорный труд по овладению азбукой для слепых. Вот уже несколько недель, как он преподаёт историю в одной из варшавских средних школ. А удаётся ли ему это, как раз и предстояло выяснить. И это — всё.

За этим «всё» скрывалась, однако, работа во тьме, напряжение инвалида, который хотел ещё приносить пользу, упорство коммуниста. Инспектор понимал, что не сможет отнестись к этому безразлично.

Но тридцать мальчиков из восьмого класса имеют решающее значение.

Если бы под его началом было тридцать слепых, тогда — да, тогда — другое дело. Но у него же тридцать нормальных мальчишек — здоровых, весёлых пятнадцатилетних ребят! О ком же думать: о нём или о них?

II

Слепой читал. В комнате было темно. Щёлкнул выключатель: вероятно, зажёгся свет. Но слепого попрежнему окружала темнота.

— Хотите чаю? — спросила хозяйка.— Я бы советовала вам немного отдохнуть. Вы слишком много читаете.

Она поставила перед ним стакан с чаем.

Слепой кивнул головой.

— Спасибо. Завтра у меня урок о Перикле [1], и я прочитал кое-что из записок Плутарха [2]. Надо посоветоваться с кем-нибудь, можно ли рекомендовать мальчикам эту книгу. Вы знаете её?

— Нет. У меня в голове совсем другое. Пришёл маляр договориться о ремонте вашей комнаты. Я не хотела вам мешать. В какой цвет вы бы хотели...

— В голубой,— не задумываясь, ответил слепой.— И я был бы вам очень признателен, если бы вы позаботились о какой-нибудь картинке на стену. Я люблю народное искусство.

— Вы необыкновенный человек, пан учитель...

Учитель нахмурился.

— Я вас просил...

Она перебила его:

— Как идёт ваша работа, пан Мариан? Вы довольны ею?

— Разумеется. Мне кажется, я рассказываю им интересные вещи.

— А ребята не шалят?

— Я как-то этого не замечал.

Хозяйка что-то неразборчиво проворчала.

— Вы сомневаетесь? — спросил слепой.

— Нет, почему?

— Я пока ещё не поставил ни одной двойки. Пятёрок и четвёрок у меня больше, чем у моих товарищей. Разве это плохо?

— Очень хорошо. Но мне кажется, что вы чем-то взволнованы.

— Я со дня на день жду обследования. Отдел образования должен проверить, справляюсь ли я. Ожидание меня изнуряет.

— Сочувствую вам...— Выходя из комнаты, она обернулась.— Может быть, вы что-нибудь покушаете?

Слепой кивнул головой.

Когда она вошла с подносом, он воскликнул:

— Картофельные оладьи! Я же вас просил, чтобы вы не трудились так из-за меня!..

— Не роптать, не роптать! — притворно строго сказала хозяйка.— В классе вы тоже такой сварливый?

Слепой засмеялся.

— Кажется, нет. Ребята почти идеальные, и поистине нет повода...

— Налить вам немного вина?

— Благодарю вас, я сам.

Хозяйка направилась к двери.

— Когда будете ложиться, пан Мариан, будьте добры выключить свет.

— Вы можете сделать это сейчас,— ответил слепой.

Хозяйка погасила свет. В комнате попрежнему было темно.

III

Темно было с того дня, когда раздался взрыв и погибла Анна. Они шли тогда впятером по трубам, проходившим под Долгой улицей. На спинах у них были рюкзаки с боеприпасами для восставшего гетто. Анна шла первой, её нельзя было удержать: она рвалась вперёд. На той стороне остались её родители. Мариан, шедший на несколько шагов

Они шли по трубам, проходившим под Долгой улицей.

---

[1] Перикл (около 490—429 года до нашей эры) — выдающийся государственный деятель Греции, вождь афинской демократии.

[2] Плутарх (около 46—126 года нашей эры) — греческий философ и историк, автор жизнеописаний знаменитых государственных деятелей.

позади, с трудом поспевал за ней. Под ногами хлюпала грязь, а сверху доносились глухие отзвуки стрельбы.

И вдруг в тёмный канал ворвался сноп света, в открытый люк просунулась рука, сжимавшая гранату. Мариан крикнул, но Анна не успела отскочить. Граната взорвалась, и Анна упала. Он бросился к ней, и тогда раздался второй взрыв. Стало темно.

Когда он очнулся, пахло цветущей сиренью. Где-то близко жужжали пчёлы, и от этого жужжания воздух казался сладким и липким. Слышно было, как ветер постукивает открытой ставней. Его лицо согревали солнечные лучи. Он понял: «Я в деревне. Лежу в кровати около открытого окна. За окном цветёт сирень и жужжат пчёлы. Вероятно, я долго был без сознания».

Было попрежнему темно, и это беспокоило его. Он услышал плач и сразу догадался — мать. Он уже всё понял: товарищи вытащили его из канала и отвезли к родителям.

— Я ослеп, мама, правда?

Ответа не было, но он почувствовал, что мать отвернулась. «Не может смотреть на мои глаза,— догадался он.— Не может смотреть на мои слепые глаза. Должно быть, я страшен».

— Раздобудь мне тёмные очки, мама,— попросил он.— Хотя бы простые, от солнца...

Через два года, уже после освобождения страны, товарищи привезли его в Варшаву. Он попросил отвести его на Милую улицу, даже пошутил:

— Помните это стихотворение Броневского?

«Милая улица —
улица милая».

Я хотел бы зайти к родителям Анны.

Товарищи не знали, как поступить. Один из них попробовал отговорить его:

— Вряд ли они живы, Марианек. Там всех поубивали.

— По крайней мере, я побываю в их доме.

Не мог же он сказать, что ему хотелось дотронуться своими руками до тех стен, под которыми он столько раз ожидал Анну. Дом Анны... Разве можно выразить это словами?

По дороге он читал стихи:

«На улице Милой ни травки, ни деревца,
А то, что весна там, и в мае не верится!»

— Сейчас ведь май, правда? Да, здесь он совсем не чувствуется. Пахнет гарью.

Когда они подошли к бывшей Милой улице, один из товарищей предупредил его:

— Дорогой мой, знай: здесь вообще нет домов.

Слепой прислушивался.

— Поразительно тихо... Здесь никогда не было так тихо.— Минуту спустя он добавил:— Слишком ветрено. Раньше здесь никогда не было ветра.

Он вытянул руки, будто хотел дотронуться до стены, но руки повисли в воздухе.

Может быть, это не Милая улица? Спросите когонибудь из прохожих.

Ему ответили:

— Здесь нет ни одного прохожего.

— Подведите меня к дому Анны.

Ему ответили:

— Тут нет ни одного дома.

С минуту он молчал. Потом сказал:

— Ладно, попробуем отыскать этот дом. В центре улицы был маленький скверик, огороженный железной решёткой. Вы видите эту решётку?

Ему ответили:

— Да. Она валяется на тротуаре.

Когда его подвели к ней, он сказал:

— С левой стороны должен быть шестиэтажный дом с красивыми балконами. Третий балкон над воротами — это и есть балкон Анны. Видно вам его?

Ответа не было.

Немного погодя слепой спросил:

— Почему вы не отвечаете?

Тогда кто-то сказал:

— Мы же говорили тебе: тут нет ни одного дома.

Вероятно, он не поверил, потому что побрёл прямо в ту сторону, где должен был быть дом Анны. Он вытянул руки, будто хотел дотронуться до стены, но они повисли в воздухе. Потеряв равновесие, он упал. Вытянутые ладони ударились о холодное железо — исковерканные балконные перила. Некоторое время, лёжа, он ощупывал их. Потом встал и сказал:

— Этот балкон лежит здесь. Понимаю.

Он тяжело оперся на руку приятеля и попросил:

— Отвезите меня домой. Я очень устал.

IV

Весной 1947 года у хаты Кемпинских остановилась машина. Мариан был на скотном дворе. Мать позвала его:

— Марысь, к тебе!

Когда он вышел из хлева, кто-то обнял его и шепнул сдавленным голосом:

— Мой дорогой Марианек!

— Здравствуй, Андрей! — медленно ответил слепой. Он ничем не проявил волнения, хотя узнал голос своего старого товарища, одного из тех, кто был тогда с ним в канале.— Я рад видеть тебя.

Они уселись на скамейке возле хаты.

— Мне стыдно, что я до сих пор не был у тебя,— говорил Андрей,— но мы так завалены работой! Я был поблизости и решил заехать к тебе. Ты получаешь пенсию?

— Получаю. Да это неважно. Я помогаю родителям по хозяйству, так, во всяком случае, они утверждают. Научился доить коров. Ну, могу ещё крутить веялку. А знаешь, я умею запрягать коня! Показать тебе?

Товарищу стало не по себе. Он предложил:

— Может быть, ты хочешь побывать в Варшаве? Я возьму тебя с собой. А завтра мы тебя доставим обратно.

Мариан согласился. В машине он спросил:

— Итак, ты заместитель министра?

— Да.

— А много наших на руководящих постах?

Андрей назвал ему много знакомых фамилий. Слепой улыбался своим мыслям, вслушивался в тихое урчание мотора.

— Это хорошо.— И после минутного колебания словно выдавил из себя: — Хотя я уже не коммунист.

— Нет? — Андрей возмутился.— А кто же ты?

— Просто слепой человек.

Дальше они ехали молча. В Варшаве товарищ вывел Мариана из машины и сообщил:

— Площадь Трёх Крестов.

Слепой стоял, выпрямившись, и к чему-то с напряжением прислушивался: к звукам улицы или к звукам собственного сердца — неизвестно. Потом умиротворённо улыбнулся.

— Какой прекрасный город!

Андрей оцепенел.

— Ты так думаешь? — Он спросил только для того, чтобы не потерять самообладания.

— Прекрасный! — воскликнул слепой.— Какие солнечные дома, какие великолепные бульвары!

Неподалёку находился превращённый в развалины Новы Свят [1]. На площади Трёх Крестов, среди руин и сожжённых домов, на расчищенной площадке ещё только устанавливали леса для строительства дома Министерства промышленности.

Слепой продолжал:

— Я чувствую улыбки детей. Они не знают ни голода, ни заброшенности. И люди приветливы друг к другу! Они живут в большой, дружной, социалистической семье. Я счастлив, что дожил до этой минуты.

Заместитель министра, пожалуй, охотнее согласился бы выступать сейчас на самой трудной пресс-конференции вместо того, чтобы рассеивать заблуждения своего слепого друга. Но он должен был сделать это.

— Ты слишком радужно представляешь себе всё. Мы ещё не большая социалистическая семья. У нас есть враги, которые в нас стреляют, организуют заговоры, которые утопили бы нас в ложке воды! У нас много хлопот с обеспечением населения. Люди далеко не всегда приветливо улыбаются друг другу. А в Варшаве полно развалин. Здесь вокруг нет ещё ни одного целого дома. Планы восстановления города только лишь создаются. Ещё не стало хорошо, мой дорогой.

Слепой обратил к нему гневное лицо:

— И это говоришь ты?! А что же вы сделали с той властью, которую мы дали вам?

— Ты что, в самом деле думал, будто достаточно получить власть, чтобы начались чудеса? Ты забыл, что враг не сдаётся без борьбы? Со времени освобождения прошло всего лишь два года.

Сказав это, он вдруг понял, что для ослепшего коммуниста эти два года — целый век. Век ожидания. Он понял: времени, выстраданного во тьме, заполненного мечтами, не измерить календарём. Его охватило глубокое сострадание. «Надо ли ему и дальше пассивно ждать? — подумал он.— Может быть, удастся втянуть его как-нибудь в настоящую работу?»

— Мы понесли огромные потери среди испытанных коммунистов,— сказал Андрей.— Помнишь Ромека Пазинского? Он погиб в бою под Ленино. Метек Калиновский тоже. Новотко, Финдер, Форнальская,

[1] Новы Свят — улица в центре Варшавы.

Лямпе...[1]. Во время варшавского восстания погиб весь штаб Армии Людовой[2]. Мы и теперь ещё продолжаем нести потери. Да и ты сам забился в глухую деревню! А людей не хватает. Отчаянно не хватает. Мы вынуждены откладывать многие дела, пока подрастут новые кадры.

Слепой тихо повторил:

— Да, да... новые кадры...— Он стоял с опущенной головой, как бы всматриваясь в потрескавшиеся плиты тротуара.— Ты думаешь, я могу ещё быть полезным? — спросил он внезапно.

Андрей просиял:

— Я убеждён в этом!

— Например, если бы я возвратился на педагогическую работу?

На мгновение Андрей заколебался. Потом подтвердил:

— Конечно же!

Мариан улыбнулся.

— Благодарю тебя, это хорошо. Надо выучиться этой проклятой азбуке для слепых. Где мне взять учебники? И как на это посмотрят школьные власти?

— Мы тебе поможем,— сказал Андрей.— Выпишем для тебя учебники из Советского Союза. Только возьми себя в руки! Крепко возьми, брат! — Он обнял слепого и шепнул ему: — Выше голову, Мариан! Покажи, на что способны коммунисты!

V

И он стал учителем.

Можно только догадываться, каких усилий это стоило. «Лишь бы не напрасно,— говорили окружающие.— Учитель? Любая другая профессия, только не эта!» Но он заупрямился. Через год он попросил работы.

Секретарь партийной организации областного отдела образования навестил директора школы, в которой должен был преподавать Кемпинский.

— Товарищ директор,— сказал он,— у вас будет работать человек, которым мы гордимся.— И рассказал о Кемпинском.— Видите ли,— закончил он рассказ,— к нему надо отнестись сердечно. И сделать это не навязчиво. Надо облегчить ему работу. Предупредить как следует класс. Что за ребята у вас в восьмом классе?

Директор пожал плечами:

— Разные, как всюду. Есть хорошие, есть плохие. Есть ребята идейные, имеются и недоверчивые, выжидающие. Хватает и озорников. Наша школьная организация Союза польской молодёжи ещё молода, только учится работать. Не окрепла ещё.

— Ничего,— сказал секретарь, — Кемпинский — человек твёрдый. Разумеется, увечье сделало его несколько более впечатлительным. Но мы надеемся, что он справится.

Прощаясь, секретарь добавил:

— Я хочу ещё раз напомнить вам, что наша партия гордится им. Позаботьтесь о нём!

В тот же день директор зашёл в восьмой класс и сообщил ученикам, что древнюю историю им будет преподавать слепой учитель.

— Я надеюсь,— сказал он,— что класс сумеет вести себя надлежащим образом... Преподаватель ваш — человек необыкновенный. Жизнь его прошла в борьбе. Во время войны он был одним из самых отважных партизан. Он был известен под кличкой «Рубака». Может быть, кто-нибудь из вас слышал о нём?

Нашлось несколько учеников, слышавших это имя. Известие было принято с энтузиазмом. Знаменитый «Рубака» будет преподавать у них историю! Слепой учитель! Есть о чём рассказать приятелям, честное слово!

Даже худой, длинный, как жердь, Липчик обрадовался. Липчику было пятнадцать лет, но он уже прыгал в высоту на 155 сантиметров, и часто вместе с лучшим математиком класса Видерским они высчитывали, какую высоту он сможет взять в двадцать лет. У них получалось число, намного превышающее мировой рекорд. По этой причине Липчик пользовался особой симпатией товарищей: всё-таки будущий рекордсмен мира! Когда Липчик услышал о слепом учителе, он подумал: «Здорово! С одного — двух уроков можно будет смыться на стадион!» Потом явилась мысль: «А если он меня вызовет?» И вдруг его осенила спасительная идея: «Крочек ответит! Крочек мог бы отвечать за весь класс! Это же чёрт, а не Крочек — из него выйдет мировой актёр, нечего даже и говорить».

Кроческу предложение Липчика понравилось: «Ну, уж это будет проделано как надо. Можешь не беспокоиться. Справимся!».

Даже длинный, как жердь, Липчик обрадовался.

[1] Новотко, Финдер, Форнальская — выдающиеся деятели Коммунистической партии Польши, основатели Польской рабочей партии. Погибли от рук гестапо в 1942—1944 годах. Альфред Лямпе — член политбюро Польской компартии, один из основателей Союза польских патриотов в СССР, умер в 1943 году.

[2] Армия Людова — партизанская армия, боровшаяся против германских захватчиков под руководством Польской рабочей партии.

VI

В первый день работы Кемпинский подавал руку каким-то незнакомым людям. Эти люди были его коллегами-учителями. Они громко произносили свои фамилии и пожимали ему руку. Голоса были чужие, и трудно было определить, чей голос какой руке принадлежал. Слепой стоял неподвижно и, высоко подняв голову, вслушивался в говор учительской. Вдруг он услышал:

— Разрешите, пан учитель.

Это было сказано мягко и робко: ученик.

— Я слушаю.

— Я провожу вас в класс.

Мальчик взял его под руку, и от этого доброжелательного прикосновения сердце учителя застучало. «Я иду на урок»,— мелькнула отчётливая мысль. Он не чувствовал страха. А спазма в горле оттого, что он всё же не бесполезен. Он идёт на урок!

— Как тебя зовут? — спросил он мальчика.

— Милевский. Я буду всегда приходить за вами. А заменять меня будет Тесляк.

— Хорошо,— сказал учитель.

— Осторожно, дверь.

Милевский нажал на ручку, слепой вошёл в класс. Он услышал: вскочили со скамеек. Теперь тишина — стоят, вытянувшись. Кто-то шевельнулся: может быть, дал тумака товарищу. Далеко, у самой стены, кто-то заглушил смешок.

— Здравствуйте, ребята! — сказал он спокойно.

Они ответили хором. Сильные, здоровые ребята! Он обрадовался. «Верно, немалые озорники»,— мелькнуло в голове, однако это нисколько не огорчило его.

— Садитесь,— сказал учитель.

Милевский подвёл его к столу. Ребята усаживались с шумом.

— Все ли ребята сели? — спросил он.

Несколько голосов ответило: «Все». Однако учитель ощущал на лице какую-то тень, словно на него давило что-то тяжёлое.

— А вы там? Вы, около окна? — спросил он.

Тень заколыхалась, и кто-то извинился:

— Простите, я зазевался.

От стены донёсся изумлённый шёпот:

— Слушайте, он *видит!*

Было тихо. Учитель поднял голову и сказал:

— Мы будем изучать древнюю историю.

Они узнают, говорил он ребятам, про героические мифы и героических людей, узнают о возникновении государства, об афинской демократии, о борьбе плебса, о восстаниях рабов, о философах, политиках и гениальных художниках. Древняя Греция не раз вдохновляла народы Европы. Классическая культура сыграла первостепенную роль в эпоху Возрождения. Герои античного мира...

В классе стояла такая изумительная тишина, что учителем овладело волнение. Милые ребята! Великолепные мальчики! Как они слушают!

А Крачковский вынул из портфеля «Виконта де Бражелона» Александра Дюма, открыл двухсотую страницу и преспокойно начал читать.

Слепой учитель рассказывал об античной культуре.

VII

Инспектор просматривал классный журнал, слепой ждал. Учитель был возбуждён, но уверен в себе. Разве его ученики не добились отличных успехов? Правда, он ещё не всех успел вызвать, но среди опрошенных не было ни одного, получившего двойку, три человека имели тройки, остальные оценки были хорошими и отличными. У него прекрасный класс, отличные ребята! В самом деле, исключительный коллектив!

И всё же он с напряжением ждал, что скажет инспектор. Наконец он услышал:

— Отменно! Поздравляю!

Это было сказано с искренней радостью.

Когда инспектор пришёл и познакомился с этим худым мужчиной в тёмных очках, с морщинами на лбу и с густой сединой, когда он заметил, как слепой беспокойно перебирает пальцами, он снова подумал, что предстоит трудный, хлопотливый экзамен. Перелистав журнал, инспектор с облегчением вздохнул. Может быть, Кемпинский был снисходительнее других учителей, однако он, повидимому, справляется с делом.

Пришёл Милевский и взял учителя под руку. За ними шли инспектор и классный руководитель Спойда. Слепой двигался быстро. Он подошёл к столу и представил классу инспектора. До сих пор фамилии читал Тесляк, теперь учитель сам вызывал учеников по памяти.

— Адамовский!

— Здесь!

— Баранский!

— Здесь!

— Бартоломейчик!

— Здесь!

Учитель заколебался и повторил ещё раз:

— Бартоломейчик!

— Здесь! — ответил тот же голос.

Слепой не узнавал голоса. Неужели до сих пор за Бартоломейчика отвечал кто-то другой? Нет, вероятно, это он сам ошибся. Он перешёл к следующему:

— Беля!

— Здесь!

Ещё несколько фамилий, и снова какой-то голос показался незнакомым. Неужели?.. «Нет, нет,— говорил себе учитель,— я просто чрезмерно впечатлителен. Это какие-то галлюцинации слуха». С этой минуты каждый раз, когда он слышал какой-нибудь неожиданный, незнакомый ему голос, он повторял

себе: «Я просто чрезмерно впечатлителен. Впечатлителен, и ничего больше».

Он закончил проверку и услышал голос инспектора:

— Можно, пан учитель?

Слепой склонил голову: разумеется, можно.

Зашелестели страницы: инспектор взял классный журнал. Любопытно, кого он выберет. Конечно, Баранского. У Баранского тройка, и он стоит одним из первых в списке. Если и он ответит, то обследование можно будет считать успешно завершённым. Но кто знает, ответит ли Баранский. Он не слишком способный... Учитель начал нервничать. Он поднял пресс-папье и в ту же минуту услышал голос инспектора:

— Липчик...

Учитель поставил пресс обратно. Всё в порядке: Липчика он спрашивал позавчера и поставил ему пятёрку.

Слепой прислушивался к звукам шагов приближавшегося к доске мальчика.

— Здесь! — ответил мальчик.

В ту же минуту у слепого забилось сердце. Нет, это был голос не Липчика! Наверняка! Вернее, это был голос не того мальчика, которому он поставил пятёрку, думая, что это Липчик. Слепой тяжело склонился над столом. Он ждал.

Инспектор был ещё не старым человеком и интересовался спортом, особенно юношеским. Когда он просматривал список, фамилия Липчика показалась ему знакомой. Поэтому он начал с него.

— Липчик? — ещё раз спросил инспектор.

— Да.

Слепой уже не сомневался: это был другой голос!

— Скажите, это вы тот прыгун в высоту?

— Да, я.

Чужой голос! И вдобавок эта нотка лёгкого самодовольства: «Да, я!..»

— Тренировки, должно быть, отнимают у вас много времени? — расспрашивал инспектор.

— Ну, конечно. Какое-то время обязательно...— осторожно отвечал новый голос Липчика.

— Это очень хорошо, что вы умеете сочетать спорт с добросовестной учёбой,— похвалил инспектор.— Позавчера вы получили отличную оценку, да?

— Д-да...— не сразу ответил Липчик.

— Что вы отвечали?

— Н-не... н-не помню...

— Политический строй Афин в эпоху Перикла,— напомнил строго преподаватель Кемпинский. Он встал и посмотрел невидящими глазами на класс.— Именно это отвечал Липчик, правда?

Кто-то прошептал:

— Да...

Инспектор снова обратился к Липчику:

— Очень трудный вопрос. Поэтому мы не будем спрашивать вас о другом. Расскажите нам здесь ещё раз, каков был политический строй Афин в эпоху Перикла. Ладно?

Липчик молчал. Учитель грустно улыбнулся, и эту улыбку заметил весь класс. Тот Липчик, который отвечал позавчера, трещал, как пулемёт.

— Ну, смелее! — ободрял мальчика инспектор.— Ведь вы же это уже отвечали. Рассказывайте, что знаете...

Липчик вздохнул и начал мямлить:

— В семьсот семьдесят шестом году до нашей эры происходила первая олимпиада...

— Я вас спрашиваю о Перикле.

— Ну, Парфенон построили... и разные такие... «Дискобол»... скульптуру такую...

— Я вас спрашиваю о политическом строе! Вы знаете или нет?

Липчик молчал.

— Но вы же получили за это пятёрку...

Липчик продолжал молчать. Инспектор хотел спросить: «А кто за вас отвечал?»,— но удержался.

— Можете идти на место, Липчик! — сказал он сухо.

Липчик пошёл. Стало тихо. Тишина была изумительная. Во время такой же тишины, когда учитель рассказывал в классе об эпохе Перикла, Липчик отрабатывал на стадионе прыжок в высоту, а Бартоломейчик... Бог знает, что делал в то время Бартоломейчик. Может быть, сидел и читал какой-нибудь роман? А те, другие, чьи голоса Кемпинский не узнал сегодня? «Я плохой учитель,— подумал он.— Я вообще не учитель. Я слепец!»

— Вызовем следующего,— сказал инспектор.— Кого вы предлагаете, пан учитель?

Инспектор говорил тихим, неуверенным голосом. «Хочет мне помочь!» — догадался слепой. И от этой мысли что-то в нём взбунтовалось. Нет! Он должен знать правду! Пусть она будет страшной, но она сейчас важнее всего.

— Бартоломейчик! — вызвал слепой.

— Здесь!

Чужой голос! Обманывал!

Слепой обратился к классному руководителю:

— Прошу вас зачеркнуть в журнале его четвёрку. Ты хочешь что-нибудь сказать, Бартоломейчик?

Мальчик не отвечал.

— Крачковский!

— Здесь!

Обманывал!

— Прошу зачеркнуть его пятёрку...

Он назвал ещё несколько фамилий, которые перед тем вызвали у него подозрения,— все они обманывали! Сейчас они не могли этого делать: присутствовал ведь классный руководитель. И всё раскрылось.

— У вас имеются ещё какие-нибудь вопросы? — спросил слепой инспектора.

— Нет. Вопросов нет.

— Милевский, отведите меня, пожалуйста! — распорядился учитель.

Среди мёртвой тишины Милевский взял учителя под руку. Они вышли. Потом вышел инспектор. Учитель Спойда остался, но, вместо того чтобы сказать классу хоть что-нибудь, он подошёл к окну и с шумом растворил его. В класс ворвался с улицы морозный воздух.

Дверь открылась, в ней снова показался инспектор.

— Простите,— сказал он.— Только один вопрос. Есть ли в этом классе зетемповцы [1]?

— Есть! Есть! — крикнул маленький Тесляк. В глазах у него блестели слёзы.

— В самом деле? — иронически спросил инспектор.— Удивительно!

Он повернулся и вышел, хлопнув дверью.

VIII

«Что мне делать? Что мне делать?» — мучился инспектор. Человек, лишённый зрения, не может сохранять в классе дисциплину. Он бы мог быть преподавателем в университете, но не обучать в средней школе легкомысленных мальчиков. Придётся написать всё, как есть. Что ж делать! Ему не давало покоя лицо слепого — лицо седовласого упрямца. Но что же делать, что делать? Тридцать мальчиков!

Почему они так позорно вели себя? Он не мог простить им этого. Или не было таких, которые могли бы помешать тому, что произошло? Например, этот

Слепой сел в кресло. Он подумал: «Надо написать заявление об уходе».

[1] Зетемповцы — сокращённое название членов Союза польской молодёжи.

Милевский? А зетемповцы? Он пытался понять, чем была вызвана их пассивность: может быть, поступки одних воспринимались другими как невинная проказа? Может... А может быть, им неловко было «ябедничать»? Но пора же понять, что не всё, чёрт подери, не всё можно превращать в шутку! Они нанесли своему учителю сильный удар. Но могло ли это кончиться иначе?

Выйдя на улицу, инспектор услыхал позади торопливые шаги. Он обернулся. Ребята из восьмого класса! Что им надо? Их было пятеро, и среди них Милевский и тот маленький, который крикнул со слезами на глазах: «Есть зетемповцы! Есть!» Инспектор остановился.

— Вы ко мне?

— Да.

Вперёд шагнул крепыш с энергичным лицом и быстрыми, умными глазами:

— Товарищ инспектор, вы уже написали отчёт?

— Вас это интересует? — Инспектор возмутился.— Ну, допустим, не написал.

— Мы бы просили вас не писать. Подождите!

— Вот как?! Вы полагаете, что Липчик не будет убегать с уроков?

— Не будет! Мы добьёмся этого.

— Кто же это «мы»?

— Мы, зетемповцы.

— Я не зетемповец,— крикнул Крочек,— но я тоже... Правда! — Голос его сорвался.

Инспектор серьёзно посмотрел на него.

— Ну, хорошо. Вы говорите,— он снова обернулся к крепышу,— что в классе есть и зетемповцы.— И добавил строгим голосом: — И ты секретарь?

— Я! — ответил мальчик.— Признаюсь, мы не придавали значения всему этому. И я тоже в этом виноват.

— Не придавали значения! — иронически заметил инспектор.— Ну и что же вы намерены теперь делать?

— Мы будем ему помогать... Будем вместо него проверять присутствующих. И все...

— Вместо него...— прервал инспектор.— А знаете ли вы, кто этот человек? Знаете ли вы, чего ему стоило стать у вас учителем?

Ребята молчали.

— Боюсь, что этого не исправишь. Не всё зависит от вас! Однако пойдите к нему, пойдите к нему домой! — И, прощаясь с ними, добавил: — Будет хорошо, если вы сумеете его уговорить!

IX

Провожая слепого домой, хозяйка не знала, что произошло. Учитель по дороге молчал, но это случалось и прежде. Правда, сегодня его молчание казалось особенно тяжёлым. Лишь когда они подошли к дому, учитель заговорил:

— Мой чемодан в порядке?

— В порядке. Но вы одолжили его соседке, когда она ехала в отпуск.

— Она уже приехала?

— Да...

— Надо забрать чемодан.

И это — всё. К еде он почти не притронулся. После обеда снова спросил:

— Ну, как с чемоданом?

— Я его принесла.

— Будьте любезны, уложите мои вещи.

Хозяйка забеспокоилась:

— Вы уезжаете, пан учитель?

— Да. Домой.

— Послать телеграмму?

— Нет, не нужно. Как-нибудь доберусь.

— Вам дали отпуск?

— Нет.

Хозяйка, хлопотавшая над чемоданом, выпрямилась и подошла к своему жильцу.

— Что случилось? — спросила она встревоженно.

— Ничего, дорогая пани, ничего особенного. Подаю заявление об уходе. Не удаётся мне.— Он стоял неподвижно, с каменным лицом.— Не удаётся. Я слепой человек, а учитель не может быть слепым.

Хозяйка расплакалась.

— Не надо плакать,— мягко сказал жилец.— Я же вас просил!.. Я вам ничего не должен?

— Всё... уплачено,— ответила хозяйка, всхлипывая. И сквозь слёзы продолжала: — Столько вы учились, боже милосердный, и всё это напрасно!

— Не напрасно, не напрасно! Я стал немного умнее...

Он подошёл к окну и приложил к стеклу ладони. В детстве он любил рисовать на запотевших стёклах. И сейчас он машинально водил по стеклу пальцем. Стоя у окна, он говорил:

— Видите ли, ребята были совсем не такими идеальными, как я думал. Они обманывали меня, один отвечал за другого. Может быть, даже один хороший актёр отвечал за нескольких. В классе было тихо, но кто знает, не была ли половина из них на стадионе. Видите ли, я слепой человек, а эти ребята... что-то в них ещё осталось от старых времён. Многого они ещё не понимают. Но когда-нибудь будет, пожалуй, иначе.

— Когда же? — воскликнула хозяйка.

— Новый человек будет иным. Он будет честным. Честным, правдивым...

Слепой продолжал водить пальцем по стеклу.

— Я хотел помочь. Ну, что ж, это не удаётся. Не удаётся. Поеду домой. Крутить веялку можно и без глаз. Я даже коров доить умею... А знаете, я могу запрячь коня! Не верите?

Хозяйке опять захотелось плакать. Чтобы удержаться от слёз, она предложила:

— Я сварю вам крепкого кофе, ладно?

Она вышла. Слепой сел в кресло. Он подумал: «Надо написать заявление об уходе». Однако у него не было сил подняться. Он сидел с опущенной головой.

Открылась дверь. Послышался голос хозяйки:

— К вам пришли.

К нему пришли! Он вскочил с кресла.

— Кто?

— Какие-то ребята. Пожалуйста, пройдите,— обратилась она уже к мальчикам и, впустив их в комнату, вышла.

Учитель стоял у окна.

— Добрый вечер! Садитесь. Около печки стоит кресло. Около дверей — выключатель. Зажги свет, Тесляк. Это ты, Крочек? Здравствуй! Подойди к буфету и достань банку с вареньем. Как вам, ребята, нравится эта картинка? Хозяйка купила её по моей просьбе, я люблю народное творчество. Милевский, если она тебе нравится, можешь её взять себе. Я уезжаю в деревню, и мне не хочется всё тащить с собой.

— Вы уезжаете? — спросил крепыш Пайор.

— Да. У меня много работы в деревне.

— Пожалуйста, не уезжайте! — воскликнул Пайор.

— Почему? Я делаю то, что должен сделать.

— Нам очень неприятно из-за всей этой истории,— вмешался Крочек.

— Я сказал: я делаю то, что дол-

Вдруг в полной напряжения тишине зазвенел высокий, почти детский голос Тесляка: «Мы будем вашими глазами».

жеп сделать. Милевский, нравится тебе эта картинка?

— Пожалуйста, не уезжайте никуда! Мы очень любим ваши уроки.

— Милевский, прошу тебя, не дурачься!

— Я не дурачусь! — возмутился мальчик.

— Не дурачишься? Может быть, тебе кажется, что я могу преподавать в вашей школе? Что я могу преподавать в какой бы то ни было школе?

— Ну конечно же! Мы...

— Хватит! Я слепой! Понимаете? Всякий балбес может меня обмануть.

— Теперь вас никто не обманет! Никто! Мы будем следить. Ну, пожалуйста, останьтесь! — кричали ребята наперебой.

— Вы не понимаете того, что говорите, — тихо сказал учитель.

— Понимаем! — воскликнул Пайор почти с отчаянием. — Мы не какие-нибудь пустомели, нет! Мы решили...

— Что решили? Да что это за разговор, поймите: я слеп! Вы что, не отдаёте себе отчёта, что это значит? Видели ли вы когда-нибудь глаза слепого?

Его ухо уловило их разгорячённое дыхание. Вдруг в полной напряжения тишине зазвенел высокий, почти детский голос Тесляка:

— Мы будем вашими глазами.

Это было сказано спокойно, обдуманно. «Мы будем вашими глазами». Его глазами — они! Да, разумеется! Это возможно! У учителя потеплело на сердце. Однако он ещё колебался:

— Ну и что с того? Что с того?

Он хотел сказать: «Вы обидели меня, я уже не могу вам верить», — но мальчики снова начали кричать наперебой:

— Поверьте нам!

— Ведь мы не понимали, правда же!

— Мы даже называли вас «Рубака», и никак иначе! Честное слово!

— Никому ведь и в голову не пришло, что мы вас обижаем, — серьёзно сказал Крочек, — потому что вы совершенно такой же, как все другие.

— Как если б вы всё видели. Честное слово!

Учитель поднял руку.

— Тихо! — сказал он, как будто они были в классе.

Он стоял, повернув к ним лицо. Казалось, что он внимательно рассматривает их, по крайней мере, у них было такое ощущение. Тихо, с лёгкой хрипотой в голосе он спросил:

— Вы говорите, как все другие?

— Конечно! — крикнули они разом.

— Вы считали это обычной проказой?

— Честное слово!

Учитель подошёл к двери.

— Пани Евгения! — закричал он, отворив дверь. — Ах, вы здесь! Вы слышали, что они говорят? Вы слышали? Ведь это же отличные ребята! Надо их чем-нибудь угостить. Непременно! Не напекли ли вы сегодня этих замечательных картофельных оладий? Нет? Столько раз я говорил, что их можно делать хоть каждый день!.. А разве я не говорил, что новый человек будет лучше? Ну, так что же вы нам дадите? Кофе? Ладно, давайте кофе! Кое-что есть для тебя, Крочек, — артисты ведь жить не могут без кофе. Тесляк, поверни же выключатель! Я не люблю, когда темно!

Перевела с польского
Зинаида Шаталова.

КТО НАРИСОВАЛ ЭТУ КАРТИНУ?

Муса Джангазиев

Перевела с киргизского **Т. Стрешнева.**

Висит у нас
в школе
на стенке
картина:
гора,
а под нею
река и долина.
Травою покрыты
зелёные склоны;
везёт паровоз
за собою вагоны;
дымок паровоза
плывёт в синеву.
Поехал наш поезд
из Фрунзе в Москву.

На эту картину
мы долго глядим.
Её рисовал
пятиклассник Керим.
А рядом
на стенке
картина другая,
но эту картину
ребята ругают.
Мы летом на поле
играли в футбол
со сборной командою
фрунзенских школ.
Мы фрунзенцам матч
проиграли... Ну что же!..

Обидно, что мы
на себя не похожи.
Я мяч проморгал
и виновен, конечно.
Но разве плясал
я при этом беспечно?
И разве валялся
Смаил вверх ногами?
Зачем же художник
смеётся над нами?
Кто он, я не знаю,
но сразу скажу я:
художник болел
за команду чужую!

ЛЕТОМ. А. Пластов.

НА КАНИКУЛАХ. **В. Игошев.**

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Рисунки А. Брея.

Лань и черепаха

(СКАЗКА ИНДЕЙЦЕВ БРИТАНСКОЙ ГВИАНЫ)

Бродила однажды лань по лесу и набрела на черепаху. Та сидела под деревом и чистила свои копытца.

Было это очень давно.

В те времена у черепахи были копытца, а у лани точь-в-точь такие же лапы с когтями, как у наших теперешних черепах.

— У тебя красивые сандалии, подружка! — сказала лань.— Дашь примерить?

Черепаха обрадовалась.

— Конечно, дам,— сказала она.— Почему же не дать?

И черепаха стала примерять когти, а лань — копытца.

Лань встала на ножки. Копытца были гораздо удобнее когтей.

— В них легче бегать,— сказала лань и убежала.

Черепаха надела когти. Попробовала пробежаться и упала на брюшко. С когтями бегать было куда труднее. Черепаха поковыляла, поковыляла и уселась под деревом.

«Здесь и подожду,— подумала она,— сейчас лань прибежит обратно».

Но лань так до сих пор и не прибежала, чтобы вернуть взятые у черепахи копытца.

Перевела и обработала Е. Штейнберг.

Приключения куницы

(СКАЗКА ИНДЕЙЦЕВ БРАЗИЛИИ)

Однажды прогуливалась куница в лесу. И вдруг слышит: рычит кто-то.

«Кто бы это мог быть?» — подумала она и побежала на голос.

Вскоре она увидела клетку, в которой сидел ягуар. Это люди посадили ягуара в клетку и привалили к входу камень.

Ягуар был хитрый.

— В этой клетке я родился,— сказал он кунице,— но я так вырос, что не могу теперь из неё выйти. Помоги мне отвалить камень. Тогда я свободно выйду отсюда.

Куница кряхтела, кряхтела и, наконец, отвалила камень.

— Какая будет мне за это награда? — спросила она.

— А вот я сейчас награжу тебя — съем! — прорычал ягуар и схватил куницу за лапу.

Куница дёрнулась и удрала. Ягуар заревел от злости. Он дал себе слово во что бы то ни стало поймать дерзкого зверя.

Однажды ягуар рыскал по лесу. И вдруг слышит странный звук:

— Чав! Чав!

Ягуар поднял кверху морду и увидел куницу. Она сидела на дереве и перегрызала обвившуюся вокруг ствола лиану. Куница тоже заметила ягуара.

«Беда! — подумала она.— Хитрый он, нужно быть ещё хитрее, а то он меня съест».

— Что ты делаешь? — спросил ягуар.

— Надвигается сильный ураган,— сказала куница.— Помоги мне оторвать лиану. Я привяжу себя ею к дереву. А то как бы ветер меня не унёс.

Ягуар испугался.

— Привяжи и меня,— прорычал он.

Куница велела ягуару обнять какое-нибудь дерево. А потом крепко-накрепко привязала к нему ягуара лианой.

— Стой здесь,— пропищала куница,— а я побегу дальше.

Прошло много дней и ночей. У ягуара уже кружилась голова от голода, как вдруг к дереву подошло множество лесных муравьёв-термитов. Им понравилась лиана, которой куница окрутила ягуара. Они решили построить здесь свой дом.

— О термиты,— простонал ягуар,— сжальтесь надо мной! Перегрызите лиану, верните мне свободу. Я ничего для вас не пожалею.

Термиты грызли лиану всей оравой день и ночь и освободили ягуара. Он немедленно всех их сожрал и умчался в лес искать куницу.

Но куница ни на минуту не забывала про ягуара. Она выходила из своей норки только по ночам.

Наступило жаркое время года. Солнце высушило все ручьи. От реки осталась небольшая лужица.

«Теперь куница от меня не улизнёт,— решил ягуар.— Уж я подстерегу её, когда она пойдёт пить к реке».

И вот куница пришла к реке. Она внимательно огляделась кругом и заметила притаившегося в кустах ягуара.

«Пить-то мне хочется, а попасть в зубы ягуару — не очень»,— подумала куница и побежала, не пивши, домой.

На другой день куница услыхала чьи-то шаги и выглянула из своей норки. По тропинке шла индианка. На голове она несла горшок с мёдом. Куница кустами обогнала женщину, выскочила на тропинку и растянулась во всю длину.

Увидев куницу, индианка обошла её, чтобы не наступить, и вздохнула:

— Бедный зверёк... Наверное, от жажды умер...

Индианка пошла дальше. А куница снова обогнала её лесом и растянулась на тропинке у неё под ногами.

— Ещё одна куница,— сказала индианка и пошла дальше.

Куница в третий раз упала под ноги женщине Та остановилась.

— У меня было бы сейчас три куницы, если бы я всех их подобрала,— сказала женщина.

Она поставила горшок с мёдом на землю и пошла обратно за теми двумя куницами, которых видела раньше.

Не успела она скрыться из виду, как куница скок в горшок с мёдом. Выскочила из него вся в меду и ну валяться по земле, кататься по траве и опавшим листьям. Получился зелёный клубок. В таком виде куница

и отправилась к реке на водопой. Влез «клубок» в воду и давай лакать. Мёд в воде растворился, листья и трава поплыли по воде. А ягуар уже и без того приглядывался к странному «клубку».

Едва успела сконфуженная куница ноги унести.

Пить кунице хотелось страшно. Но ягуар не отходил от реки. Тогда куница разыскала каучуковое дерево, сделала глубокую царапину в его коре, и когда из дерева потёк беловатый сок, она вымазалась им, а потом вываляласъ в сухих листьях и смело отправилась к реке.

Ягуар сразу заметил странного зверя: такого он никогда ещё не видал.

— Ты кто? — закричал он.

— Я зверь «Сухой лист»,— пропищала куница.

— Хорошо,— ответил ягуар,— если хочешь пить, полезай в воду. А я посмотрю, не всплывёт ли твоя шкура.

Куница храбро прыгнула в лужу: каучуковый сок не растворяется в воде. Ни один листочек не отклеился от шкурки.

До самых дождей ходила куница каждый день в своём лиственном наряде на водопой. А когда пошли дожди, воды стало всюду вдоволь, и куница содрала с себя сухие листья.

Ягуар потерял всякое терпение.

«Притворюсь мёртвым,— решил он,— все звери, конечно, придут узнать, правда ли, что я умер. Ну, и куница прибежит. Уж тут-то я её не упущу».

Разнёсся по лесу слух о смерти ягуара. Сбежались звери и гурьбой ввалились в логово, где лежал ягуар. Все были вне себя от радости.

Спасибо тебе, индейский бог! — кричали они.— Наконец-то он умер!

Пришла и куница. Но в логово она не вошла. Она остановилась у входа и спросила: Он уже икал?

— Нет ещё...— с испугом ответили звери, стоявшие вокруг ягуара.

— Мой дедушка,— сказала куница,— когда умер, три раза икнул.

Услышав это, ягуар икнул три раза.

— Где это видано,— расхохоталась куница,— чтобы мёртвые ягуары икали! — И убежала.

Так ягуар до сих пор и не поймал куницу.

Перевела и обработала
Е. Штейнберг.

Черепаха-победитель

(ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ СКАЗКА)

— Не понимаю,— сказал как-то утром Камба-черепаха своей жене,— почему слон Ньобвю так важничает? Потому что он уродился крупнее всех зверей? И Мву, гиппопотам,— такой же зазнайка.

— Грубые невежи! Вот они кто! — презрительно фыркнула черепаха-жена.

— Правда, они сильнее всех нас,— пробормотал Камба.

— Ну и что из того? — возразила ему жена.— Что толку в силе, если нет ума, хотела бы я знать?

— Разве они такие уж безмозглые? — в сомнении проговорил Камба. Он был очень скромным и всегда считал, что другие умнее его.

— У них нет того, что я называю мозгами! — заявила жена высокомерно.— Послушай-ка меня, Камба,— сказала она немного погодя.— Мы можем хорошенько про-

учить их. Им ещё придётся гордиться знакомством с тобой!

— Ого! — воскликнул Қамба.— Что же ты задумала?

Жена принялась рассказывать. И пока Қамба слушал её, его улыбка становилась всё насмешливей, а к концу рассказа рот растянулся до ушей.

— Прекрасно! — захохотал он.— Великолепно! Превосходная идея! Я сразу же пойду и вызову их.

И, смеясь от удовольствия, он отправился к гиппопотаму.

Мву пускал пузыри посреди реки. Только его уши и маленькие свиные глазки видны были из воды. Қамба семь раз окликнул гиппопотама, прежде чем тот обратил на него внимание. Наконец Мву надменно взглянул на черепаху и сказал, что он запрещает шуметь на берегу своей реки.

— С каких это пор,— смело возразил Қамба,— берег реки принадлежит тебе?

— Қак ты смеешь со мной так разговаривать?! — разозлился Мву.— Ты жалкое создание! Наглая букашка! Убирайся немедленно!

— Қажется, ты воображаешь, что ты сильнее меня? — отвечал Қамба.

— Да уж, конечно, не слабее!

— Сомневаюсь,— сказал Қамба.— Хвастаться может каждый, но ты не осмелишься померяться силою со мной. Давай возьмём канат и посмотрим, кто кого перетянет!

— Что?! — завопил Мву.— Я? Не осмелюсь? С тобой?! Да я переброшу тебя через голову быстрее, чем змея может ужалить!

— Где тебе! — откликнулся Қамба.— Конечно, я не могу сказать, что сумею перебросить тебя...

— Я думаю!..— гневно перебил Мву.

— Ну что ж, давай встретимся завтра на восходе! И если ни один из нас не сможет перетянуть другого, мы будем тянуть до тех пор, пока канат не лопнет, и тогда будем знать, что силы наши равны.

— Обязательно приду, — согласился Мву.— Я вышибу тебя из твоего панцыря и шлёпну так, что ты пожалеешь, что вообще родился на свет!

— Хорошо,— невозмутимо проговорил Қамба,— там видно будет.

И без дальнейших церемоний уполз искать Ньобвю-слона.

Ньобвю вкушал послеобеденный сон в тени баобаба и ужасно рассердился, что его разбудила черепаха. Қогда же Қамба заявил, что он хочет померяться силой с ним, слоном, Ньобвю яростно затрубил и, чтобы показать, как он силён, вырвал с корнями соседнее дерево.

Склонив голову набок, Қамба взглянул на несчастное дерево.

— Недурно,— снисходительно сказал он.— Хотя, конечно, это — молоденькое деревце.

— А что ты скажешь об этом? — промычал в бешенстве Ньобвю. И он быстро вырвал с корнями другое дерево, побольше.

— Это да! — важно сказал Қамба.— В самом деле неплохо. Однако я всё-таки не думаю, чтобы ты выдержал состязание со мною.

— Ха-ха-ха! — захохотал слон.— Это самая лучшая шутка, которую я слышал за последние годы! Я переброшу тебя через голову быстрее, чем может ужалить пчела, глупое маленькое пресмыкающееся!

— Ну что ж, там увидим! — холодно сказал Қамба.— Во всяком случае, я вызываю тебя завтра на рассвете. И если ни один из нас не перетянет другого, мы будем тянуть до тех пор, пока не разорвётся канат, и тогда признаем, что силы наши равны.

— Прекрасно,— согласился Ньобвю.— Но ты пожалеешь о своей наглости. Не хотел бы я быть на твоём месте!

— И я ни за что не желал бы быть на твоём,— отважно ответил Қамба и пополз прочь, чтобы рассказать всё жене.

Мву, который привык к каждому делу относиться добросовестно, всю ночь упражнялся. Он старался хорошенько размять

мускулы и почти ничего не ел, так как придавал большое значение тренировке. Ньобвю, напротив, был совершенно уверен, что он сильнее любого зверя в Африке. Поэтому он пообедал так же плотно, как всегда, и даже не подумал тренироваться. А Камба провёл всю ночь, разыскивая длинную и крепкую виноградную лозу, которая могла бы заменить канат.

Наконец он нашёл то, что искал. На рассвете он дал один конец «каната» слону, а другой — гиппопотаму. Трава была очень высока, а лоза очень длинна. Звери не могли видеть друг друга, и каждый думал, что состязается с черепахой. На самом деле Камба находился посередине между ними. Он крикнул:

— Ну как? Готово? Начали!

Тут оба зверя упёрлись как следует и потянули канат изо всех сил, думая, что всё можно кончить одним хорошим рывком. Но ни одному из них не удалось сдвинуть противника ни на шаг.

— Ну и ну! — воскликнул Мву-гиппопотам.— Эта черепаха просто поразительно сильна!

Ньобвю тоже тянул во всю мочь. Никогда в жизни ему ещё не приходилось так напрягаться. Но он не мог выиграть ни полшага. Через некоторое время и он пробормотал про себя:

— Фу! Просто удивительно, откуда у этой черепахи столько силы?

Шёл час за часом, но ни слону, ни гиппопотаму не удавалось сдвинуть с места друг друга, хотя они уже начали уставать. Наконец Камба, который отлучался поискать себе грибов на завтрак, решил, что с них хватит. Он достал карманный ножичек и осторожно перерезал канат точно посередине. Тотчас же раздался неслыханный всплеск с одной стороны, а вслед за тем — ужасный треск с другой стороны.

Гиппопотам стоял на самом берегу реки. Когда канат лопнул, он свалился прямо в воду. Целую неделю Мву вынужден был потом извиняться перед рыбами и крокодилами, которых он растревожил своим падением.

Слон, падая, налетел на дерево, стоявшее сзади. Удар был так силён, что дерево рухнуло. Немало времени пришлось потратить слону, чтобы выбраться из-под кучи ветвей, корней и земли. Когда же Ньобвю вылез, он увидел, что на него, смеясь, смотрит черепаха.

— Я надеюсь, ты не покалечил себя? — спросил Камба.— Мы славно провели время! Удивляюсь, как это канат выдерживал так долго. Во всяком случае, теперь ты согласишься, что у нас равные силы!

— Похоже на то,— ответил Ньобвю очень сердито.— Но я всё ещё не могу этому поверить! — И он, недоверчиво покачивая головой, морщась от боли, медленно зашагал прочь.

Камба же поспешил на берег реки и окликнул Мву.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.— Я должен тебя поздравить, ты замечательно силён. У нас на самом деле равные силы, не правда ли?

Мву-гиппопотам был слишком изумлён. Он даже не мог говорить и только кивнул в знак согласия.

— Может быть, ты соберёшься ко мне как-нибудь вечерком поужинать? — продолжал дружелюбно Камба.— Мы можем пригласить Ньобвю-слона. Он, наверное, единственный зверь, который может сравниться с нами, не правда ли?

Снова Мву кивнул в ответ. Потом с большим усилием заставил себя раскрыть рот.

— Я думаю, мы можем уважать друг друга,— сказал он и, закрыв свои маленькие глазки, ушёл под воду.

Перевела и обработала
Е. Померанцева.

Тихое утро

Рассказ Юрия Казакова. **Рисунки П. Баранова.**

Ещё только-только прокричали сонные петухи, ещё темно было в избе, мать не доила корову и пастух не выгонял стадо в луга, когда проснулся Яшка. Он сел на постели, долго таращил глаза на голубоватые потные окошки, на смутно белеющую печь. Сладок предрассветный сон, и голова валится на подушку, и глаза слипаются, но Яшка переборол себя, спотыкаясь, цепляясь за лавки и стулья, стал бродить по избе, разыскивая старые штаны и рубаху.

Поев молока с хлебом, Яшка взял в сенях удочки и вышел на крыльцо. Деревня, будто большим пуховым одеялом, была укрыта туманом. Ближние дома были ещё видны, дальние только проглядывали тёмными пятнами, а ещё дальше, к реке, уже ничего не было видно, и казалось, никогда не было ни ветряка на горке, ни пожарной каланчи, ни школы, ни леса на горизонте... Всё было скрыто сейчас, и центром этого маленького мира оказалась яшкина изба.

Кто-то проснулся раньше Яшки, стучал возле кузницы молотком; чистые металлические звуки, прорываясь сквозь пелену тумана, долетали до огромного зернохранилища и возвращались оттуда уже ослабленными. Казалось, стучат двое: один погромче, другой потише. Пахло яблоками и сырой землёй.

Яшка соскочил с крыльца и замахнулся удочками на петуха, как раз начавшего свою песню. Петух оборвал её на полуфразе, уронив перо, кинулся со всех ног за двор и там уже возмущённо закококал. Яшка фыркнул и весело затрусил к риге. У риги он вытащил из-под доски ржавый косарь и стал рыть землю. Почти сразу же начали попадаться красные и лиловые холодные червяки. Толстые и тонкие, они одинаково проворно уходили в рыхлую землю, но Яшка всё-таки успевал выхватывать их и скоро набросал почти полную банку. Подсыпав червям свежей земли, он побежал вниз по тропинке, перевалился через плетень и задами пробрался к сараю, где на сеновале спал его новый приятель — Володя.

Яшка заложил в рот пальцы и свистнул. Было тихо.

— Володька! — позвал он.— Вставай!

Володя зашевелился на сене, долго возился и шуршал там, наконец неловко слез, наступая на незавязанные шнурки.

— А не рано? — сипло спросил он, зевнул и, покачнувшись, схватился рукой за лестницу.

Яшка разозлился: он встал на целый час раньше, он червяков накопал, он удочки притащил... а если по правде говорить, то и встал-то он сегодня из-за этого... заморыша, хотел места рыбные ему показать — и вот вместо благодарности «рано»!

— Для кого рано, а для кого не рано! — зло ответил он и с пренебрежением осмотрел Володю с головы до ног.

Володя выглянул на улицу, и лицо его оживилось, глаза заблестели, он начал торопливо зашнуровывать ботинок. Но для Яшки вся прелесть утра была уже отравлена.

— Ты что, в ботинках пойдёшь? — презрительно спросил он и посмотрел на оттопыренный палец своей босой ноги.— А галоши наденешь?

Володя промолчал, покраснел и принялся за другой ботинок.

— Ну да...— меланхолично продолжал Яшка, ставя удочки к стене.— У вас там, в Москве, небось, босиком не ходют...

— Ну и что? — Володя перестал зашнуровывать ботинок и снизу посмотрел в широкое, насмешливо-злое лицо Яшки.

— Да ничего... забежи домой, пальто возьми...

— Если надо будет, забегу! — сквозь зубы ответил Володя и ещё больше покраснел.

Яшка заскучал. Зря он связался со всем этим делом... На что уж Колька да Женька Воронковы — рыбаки, а и те признают, что лучше его нет рыболова во всём колхозе. Только отведи на место да покажи — яблоками засыплют! А этот... пришёл вчера... вежливый... «Пожалуйста, пожалуйста...» Дать ему по шее, что ли? Надо было связываться с этим москвичом, который, наверно, и рыбы в глаза не видал, идёт на рыбалку в ботинках...

— А ты галстук надень,— съязвил Яшка и хрипло засмеялся.— У нас рыба обижается, когда к ней без галстука суёшься...

Володя наконец справился с ботинками и, подрагивая от обиды ноздрями, глядя прямо перед собой невидящим взглядом, вышел из сарая. За ним нехотя вышел Яшка, и ребята молча, не глядя друг на друга, пошли по улице. Они шли по деревне, и туман отступал перед ними, открывая всё новые и новые дома, и сараи, и школу, и длинные ряды молочнобелых построек фермы... Будто скупой хозяин, он показывал всё это только на минуту и потом снова плотно смыкался сзади. По всей деревне начали петь петухи, а немного в стороне, на птицеферме, петухи кричали все разом и так громко, что деревенские петухи, удивлённые, затихали.

Володя жестоко страдал. Он сердился на себя за грубые ответы Яшке и казался сам себе в эту минуту неловким и жалким. Ему было стыдно своей неловкости, и, чтобы хоть как-нибудь заглушить это неприятное чувство, он думал, ожесточаясь: «Ладно, пусть... Пусть издевается, они меня ещё узнают, я не позволю им смеяться! Подумаешь, велика важность босиком идти! Воображалы какие!» Но в то же время он с откровенной завистью и даже с восхищением поглядывал на босые яшкины ноги, и на холщовую сумку для рыбы, и на заплатанные, надетые специально на рыбную ловлю штаны и серую рубаху. Он завидовал и яшкиному загару и его походке, которая у многих деревенских ребят считалась особенным шиком. Проходили мимо колодца со старым, поросшим зеленью срубом.

— Стой! — сказал хмуро Яшка.— Попьём!

Он подошёл к колодцу, загремел цепью и, вытащив тяжёлую бадью с водой, жадно приник к ней. Пить ему не хотелось, но он считал, что лучше этой воды нигде нет, и поэтому каждый раз, проходя мимо колодца, пил её с огромным наслаждением. Вода, переливаясь через край бадьи, плескала ему на босые ноги, он поджимал их, но всё пил и пил, изредка отрываясь и шумно дыша.

— На, пей! — сказал он наконец Володе, вытирая рукавом губы.

Володе тоже не хотелось пить, но, чтобы не рассердить Яшку, он послушно припал к бадье и стал тянуть воду мелкими глоточками, пока от холода у него не заломило в затылке.

— Ну как водичка? — самодовольно осведомился Яшка, когда Володя отошёл от колодца.

— Законная! — отозвался Володя и поёжился.

— Небось, в Москве такой нету? — ядовито прищурился Яшка.

Но Володя ничего не ответил, только втянул сквозь сжатые зубы воздух и примиряюще улыбнулся.

— Ты ловил рыбу-то? — спросил Яшка.

— Нет... Только на Москве-реке видел, как ловят,— упавшим голосом ответил Володя и робко взглянул на Яшку.

Это признание несколько смягчило Яшку, и он, пощупав банку с червями, сказал как бы между прочим:

— Вчера наш завклубом в Плешанском бочаге сома видал...

У Володи заблестели глаза. Сразу забыв о своей неприязни к Яшке, он быстро спросил:

— Большой?

— А ты думал! Метра два... А может, и все три — в темноте не разобрать было. Наш завклубом аж перепугался, думал, крокодил. Не веришь?

— Врёшь! — восторженно выдохнул Володя и подёрнул плечами; по его глазам было видно, что он верит всему безусловно.

— Я вру?! — Яшка изумился.— Хочешь, айда вечером ловить? Ну?

— А можно? — с надеждой спросил Володя, и уши его порозовели.

— А чего...— Яшка сплюнул и вытер нос рукавом.— Снасть у меня есть. Лягвы, вьюнов наловим... Выползков захватим — там голавли ещё водятся — и на две зари! Ночью костёр запалим... Пойдёшь?

Володе стало необыкновенно весело, и он только теперь почувствовал, как хорошо выйти утром из дому. Как славно и легко дышится, как хочется побежать по этой мягкой дороге, помчаться во весь дух, подпрыгивая и взвизгивая от восторга!

Что это затрещало так громко в поле? Мотоцикл? Володя вопросительно посмотрел на Яшку.

— Трактор! — ответил важно Яшка.

— Трактор? Но почему же он трещит?

— Это он заводится... Скоро заведётся... Слушай... Во-во... Слыхал? Загудел! Ну теперь пойдёт... Это Федя Костылёв — всю ночь пахал с фонарями... Чуток поспал и опять пошёл...

Володя посмотрел в ту сторону, откуда слышался гул трактора, и тотчас спросил:

— Туманы у вас всегда такие?

— Да нет, не всегда... А вообще в туман рыба берёт — успевай таскать!

— А какая у вас рыба?

— Рыба-то? Рыба всякая... И караси на плёсах есть, щука... ну, потом эти... окунь, плотва, лещ... Ещё линь... Знаешь линя? Как поросёнок. То-олстый... Я сам первый раз поймал — рот разинул.

— А много можно поймать?

— Гм... всяко бывает. Другой раз кило пять, а другой раз так только... кошке.

— Что это свистит? — Володя остановился и поднял голову.

— Это? Это ути летят...

— Ага... знаю... А это что?

— Дрозды звенят... На рябину прилетели к тёте Насте в огород. Ты дроздов ловил когда?

— Никогда не ловил...

— У Мишки Каюнёнка сетка есть, вот погоди, пойдём ловить. Они, дрозды-то, жадющие... По полям стаями летают, червяков из-под трактора берут. Ты сетку растяни, рябины набросай, затаись и жди. Как налетят, так сразу штук пять под сетку полезут... Потешные они; не все, правда, но есть толковые... У меня один всю зиму жил, так по-всякому умел: и как паровоз, и как пила...

Деревня скоро осталась позади, бесконечно потянулся низкорослый овёс, впереди еле проглядывала тёмная полоса леса.

— Долго ещё идти? — спрашивал Володя.

— Скоро... Вот рядом,— каждый раз отвечал Яшка.

Вышли на бугор, свернули вправо, лощиной спустились вниз, прошли тропкой через льняное поле, и тут совсем неожиданно перед ними открылась река. Она была небольшой, густо поросла ракитником, ветлой по берегам, ясно звенела на перекатах и часто разливалась глубокими мрачными омутами.

Солнце наконец взошло; тонко заржала в лугах лошадь, и как-то необыкновенно быстро посветлело, порозовело всё вокруг; ещё отчётливей стала видна седая роса на ёлках и кустах, а туман пришёл в движение, поредел и стал неохотно открывать стога сена, тёмные на дымчатом фоне близкого теперь леса. Рыба гуляла. В омутах то и дело раздавались тяжкие всплески, вода волновалась, и тихонько покачивалась прибрежная куга.

Володя готов был хоть сейчас начать ловить, но Яшка всё дальше шёл берегом реки, и они почти по пояс вымокли в росе, когда наконец Яшка шёпотом сказал: «Здесь!» — и стал спускаться к воде. Нечаянно он оступился, влажные комья земли посыпались из-под его ног, и тотчас же, невидимые, закрякали утки, заплескали крыльями, взлетели и потянули над рекой, пропадая в тумане. Яшка съёжился и зашипел, как гусь. Володя облизал пересохшие губы и спрыгнул вслед за Яшкой вниз. Оглядевшись, он поразился мрачности, которая царила в этом омуте. Пахло сыростью и тиной, вода была чёрной, вётлы в буйном росте почти закрыли всё небо, и, несмотря на то, что верхушки их уже порозовели от солнца, а сквозь туман было видно синее

Яшка рывком выбросил рыбу на траву.

небо, здесь, у воды, было сыро, угрюмо и холодно.

— Тут, знаешь, глубина какая? — Яшка округлил глаза.— Тут и дна нету...

Володя немного отодвинулся от воды и вздрогнул, когда у противоположного берега гулко ударила рыба.

— В этом бочаге у нас никто не купается...

— Почему? — слабым голосом спросил Володя.

— Засасывает... Как ноги опустил вниз, так всё... Вода, как лёд, и вниз утягивает. Мишка Каюнёнок говорил, там осьминоги на дне лежат.

— Осьминоги только... в море,— неуверенно сказал Володя и ещё отодвинулся.

— В море... Сам знаю! А Мишка видал! Пошёл на рыбалку, идёт мимо, глядит, из воды щуп и вот по берегу шарит... Ну, Мишка аж до самой деревни бёг! Хотя, наверное, он врёт,— несколько неожиданно заключил Яшка и стал разматывать удочки.

Володя приободрился, а Яшка, уже забыв

про осьминогов, нетерпеливо поглядывал на воду, и каждый раз, когда шумно всплескивала рыба, лицо его принимало напряжённо-страдальческое выражение.

Размотав удочки, он передал одну из них Володе, отсыпал ему в спичечную коробку червяков и глазами показал место, где ловить.

Закинув насадку, Яшка, не выпуская из рук удилища, нетерпеливо уставился на поплавок. Почти сейчас же закинул свою насадку и Володя, но зацепил при этом удилищем за ветлу и громко шлёпнул по воде поплавком. Яшка страшно взглянул на Володю, выругался шёпотом, а когда перевёл взгляд опять на поплавок, то вместо поплавка увидел только лёгкие расходившиеся круги. Яшка тотчас с силой подсёк, плавно повёл рукой вправо, с наслаждением почувствовал, как в глубине упруго заходила рыба, но напряжение лески тотчас же ослабло, и из воды выскочил пустой крючок. Яшка затрясся.

— Ушла, а? Ушла...— пришепётывал он, надевая дрожащими мокрыми руками нового червяка на крючок.

Снова забросил насадку и снова, не выпуская из рук удилища, неотрывно смотрел на поплавок, ожидая поклёвки. Но поклёвки не было, и даже всплесков не стало слышно. Рука у Яшки скоро устала, и он осторожно, боясь стронуть поплавок, воткнул удилище в мягкий берег. Володя посмотрел на Яшку и тоже воткнул своё удилище.

Солнце, подымаясь всё выше, заглянуло наконец и в этот мрачный омут. Вода сразу ослепительно засверкала, и загорелись капли росы на листьях, на траве и на цветах.

Володя, жмурясь, посмотрел на свой поплавок, потом оглянулся, вздохнул и неуверенно спросил:

— А что, может рыба в другой бочаг уйти?

— Ясное дело! — злобно ответил Яшка.— Та сорвалась и всех испугала. А здоровая, верно, была... Я как дёрнул, так у меня сразу руку вниз повело! Может, на кило потянула бы.

Яшке немного стыдно было, что он упустил рыбу, но, как часто бывает, вину свою он склонен был приписать Володе. «Тоже мне рыбак! — думал он.— Сидит раскорякой.. Один ловишь или с настоящим рыбаком, только успевай таскать...» Он хотел чем-нибудь уколоть Володю, но вдруг схватился за удочку: поплавок чуть шевельнулся. Напрягаясь, будто дерево с корнем вырывая, он медленно вытащил удочку из земли и, держа её на весу, чуть приподнял вверх. Поплавок снова качнулся, лёг набок, чуть подержался в таком положении и опять выпрямился. Яшка перевёл дыхание, скосил глаза и увидел, как Володя, побледнев, медленно приподымается. Яшке стало жарко, пот мелкими капельками выступил у него на носу и верхней губе. Поплавок опять вздрогнул, пошёл в сторону, погрузился наполовину и наконец исчез, оставив после себя едва заметный завиток воды. Яшка, как и в прошлый раз, мягко подсёк и сразу, ухнув, подался вперёд, стараясь выпрямить удилище. Леска с дрожащим на ней поплавком вычертила кривую, Яшка привстал, перехватил удочку другой рукой и, чувствуя сильные и частые рывки, опять плавно повёл руками вправо. Володя подскочил к Яшке и, приплясывая, блестя отчаянными круглыми глазами, кричал тонким голосом:

— Давай, давай, дава-ай!..

— Уйди! — прохрипел Яшка и попятился, часто переступая ногами.

На мгновение рыба вырвалась из воды, показала свой сверкающий широкий бок, туго ударила хвостом, подняла фонтан розовых брызг и опять ринулась в холодную глубину. Но Яшка, уперев комель удилища в живот, всё пятился, всё кричал ликующе:

— Врёшь, не уйдё-ёшь!..

Наконец он подвёл упирающуюся рыбу к берегу, рывком выбросил её на траву и сейчас же упал на неё животом. У Володи пересохло горло, сердце неистово колотилось...

— Что у тебя? — присев на корточки, спрашивал он.— Что у тебя?

— Ле-ещ! — с упоением выговорил Яшка.

Он осторожно вытащил из-под живота большого холодного леща, повернул к Володе своё счастливое широкое лицо, сипло засмеялся было, но улыбка его внезапно пропала, глаза испуганно уставились на что-то за спиной Володи, он съёжился, ахнул:

— Удочка-то... Глянь-ка!

Володя обернулся и увидел, что его удочка, отвалив ком земли, медленно сползает в воду и что-то большое и сильное дёргает леску. Он вскочил, споткнулся и, на коленях подтянувшись к удочке, успел схватить её. Удилище сильно согнулось, Володя повернул к Яшке круглое бледное лицо.

— Держи! — крикнул Яшка.

Но в этот момент земля под ногами у Володи зашевелилась, подалась, он потерял

равновесие, выпустил удочку, нелепо, будто ловя мяч, всплеснул руками, звонко крикнул: «Ааа...» — и упал в воду.

— Дурак! — сипло закричал Яшка, злобно и страдальчески искривив лицо.— Недотёпа чёртова!.. Рыбу распуга-ал...

Он вскочил, схватил ком земли с травой, готовясь швырнуть в лицо этому... этому... Но взглянув на воду, он замер, и у него появилось то томительное чувство, которое испытываешь только во сне, когда вялое тело не подчиняется воле: Володя в трёх метрах от берега бил, шлёпал по воде руками, запрокидывал к небу белое, как мел, лицо с выпученными глазами, захлёбывался и, окунаясь в воду, всё силился что-то крикнуть, но в горле у него клокотало и получалось: «Уаа... уааа...»

«Тонет! — с ужасом подумал Яшка.— Утягивает!..» Бросил комок земли, которым хотел ударить Володю, и, вытирая липкую руку о штаны, не отрывая глаз от него, чувствуя слабость в ногах, полез вверх, прочь от воды. На ум ему сразу пришёл рассказ Мишки о громадных осьминогах на дне бочага, в груди и в животе стало холодно от ужаса: он понял, что Володю схватил осьминог... Земля сыпалась у него из-под ног, он упирался трясущимися руками и, совсем как во сне, неповоротливо и тяжело лез вверх.

Наконец, подгоняемый страшными звуками, которые издавал Володя, Яшка выскочил на луг и кинулся к деревне, но, не пробежав и десяти шагов, остановился, будто споткнувшись и чувствуя, как какая-то сила, ещё более властная, чем страх, тянет его назад к бочагу. Поблизости не было никого, и некому было крикнуть о помощи... Яшка судорожно шарил в карманах и в сумке в поисках хоть какой-нибудь бечёвки и, не найдя ничего, бледный, стал подкрадываться к бочагу. Он шёл на цыпочках, останавливался, прислушивался... По-

Яшка положил Володю грудью на берег.

дойдя к обрыву, он заглянул вниз, ожидая увидеть страшное и в то же время надеясь, что всё как-то обошлось, и опять увидел Володю. Володя теперь уже не бился, он почти весь скрылся под водой, только макушка с торчащими волосами была ещё видна... Она скрывалась и опять показывалась, скрывалась и показывалась... Яшка, не отрывая взгляда от этой макушки, начал расстёгивать штаны, потом вскрикнул и скатился вниз. Высвободившись из штанов, он, как был, в рубашке и с сумкой через плечо, прыгнул в воду, в два взмаха подплыл к Володе, схватил его за руку.

Володя сразу же вцепился в Яшку, быстро-быстро стал перебирать руками, цепляясь за рубашку и сумку, наваливаться на него и попрежнему выдавливал из себя нечеловечески-страшные звуки: «Уаа... уаа...» Вода хлынула Яшке в рот, он, чувствуя у себя на шее мёртвую хватку, попытался выставить из воды своё лицо, но Володя, дрожа мелкой дрожью, всё карабкался на него, наваливался всей тяжестью, стараясь влезть ему на плечи. Яшка захлебнулся, закашлялся, задыхаясь, глотая воду, и тогда дикий, небывалый ужас охватил его, в глазах с ослепительной силой вспыхнули красные и жёлтые круги. Он понял, что Володя утопит его, дёрнулся из последних сил, забарахтался, закричал так же нечеловечески страшно, как кричал Володя минуту назад, ударил Володю ногой в живот, вынырнул, сквозь бегущую с волос воду увидел яркий сплющенный шар солнца, чувствуя ещё на себе тяжесть Володи, оторвал, сбросил его с себя, замолотил по воде руками и ногами и, поднимая громадные буруны пены, в ужасе бросился к берегу.

И только ухватясь рукой за прибрежную осоку, он опомнился и посмотрел назад. Взбаламученная вода в омуте успокаивалась, и никого уже не было на её поверхности.

Из глубины на поверхность весело выскочили несколько пузырьков воздуха, и у Яшки застучали зубы. Он оглянулся: ярко светило солнце, и листья кустов и ветлы блестели, радужно светилась паутина между цветами, и трясогузка сидела вверху, на бревне, покачивала хвостом и блестящим глазом смотрела на Яшку, и всё было так же, как и всегда, всё дышало покоем и тишиной, и стояло над землёй тихое утро, а между тем вот только сейчас, совсем недавно, случилось небывалое: только что утонул человек, и это он, Яшка, ударил, утопил его...

Яшка моргнул, отпустил ветку, повёл плечами под мокрой рубашкой, глубоко, с перерывами вдохнул воздух и нырнул. Открыв под водой глаза, он не мог сначала ничего разобрать: кругом дрожали неясные зеленоватые и желтоватые блики и какие-то тонкие травы, освещённые солнцем. Но свет солнца не проникал туда, в глубину... Яшка опустился ещё ниже, проплыл немного, задевая руками и лицом за травы, и тут увидел Володю. Володя держался на боку, одна нога его запуталась в траве, а сам он медленно поворачивался, покачиваясь, подставляя солнечному свету круглое бледное лицо и шевеля левой рукой, словно пробуя на ощупь воду. Яшке показалось, что Володя притворяется и нарочно покачивает рукой, что он следит за ним, чтобы схватить его, как только он дотронется до него. Чувствуя, что сейчас задохнётся, Яшка рванулся к Володе, схватил его за руку, зажмурился, быстро дёрнул тело Володи наверх и удивился тому, как легко и послушно Володя последовал за ним. Вынырнув вместе с Володей, он жадно задышал, и теперь ему ничего не нужно и не важно было, кроме как дышать, дышать и чувствовать, как грудь раз за разом наполняется удивительно чистым воздухом.

Не выпуская володиной рубашки, он стал подталкивать его к берегу. Плыть было тяжело. Почувствовав дно под ногами, Яшка положил Володю грудью на берег, лицом в траву, тяжело вылез сам и вытащил Володю. Он вздрагивал, касаясь холодного тела Володи, торопился и чувствовал себя таким усталым, таким несчастным...

Перевернув Володю на спину, Яшка стал отчаянно, бестолково разводить его руки, давить на живот, дуть в нос. Он запыхался и ослабел, а Володя был всё такой же белый и холодный. «Помер?» — с испугом подумал Яшка, и ему стало страшно. Убежать бы куда-нибудь, спрятаться, чтобы только не видеть этого равнодушного, холодного лица.

Яшка всхлипнул от страха, вскочил на ноги, схватил Володю за лодыжки, вытянул, насколько хватало сил, вверх и, побагровев от натуги, начал трясти. Голова Володи билась по земле. И в тот самый момент, когда Яшка, окончательно обессилев и упав духом, хотел бросить тело Володи и бежать куда глаза глядят,— в этот самый момент изо рта Володи хлынула вода, он застонал, и судорога прошла по его телу. Яшка выпустил володины ноги, закрыл глаза и сел на землю.

Володя оперся слабыми руками, привстал, точно собирался немедленно куда-то бежать, но снова повалился, снова зашёлся судорожным кашлем, брызгаясь водой и корчась на сырой траве. Яшка отполз в сторону и расслабленно смотрел на Володю. Никого сейчас не любил он больше Володи, ничто на свете не было ему милее этого бледного, испуганного лица. Робкая, влюблённая улыбка светилась в глазах Яшки, с величайшей нежностью смотрел он на Володю и бессмысленно спрашивал:

— Ну как? А? Ну как?..

Володя немного оправился, вытер рукой лицо, взглянул на воду и незнакомым, хриплым голосом, с заметным усилием, заикаясь, выговорил:

— Как я... то-нул...

Тогда Яшка вдруг сморщился, зажмурился, из глаз у него брызнули слёзы, и он заревел, заревел горько, безутешно, сотрясаясь всем телом, задыхаясь и не стыдясь своих слёз. Плакал он от радости, от пережитого страха, от того, что всё хорошо кончилось, что Мишка Каюнёнок врал и никаких осьминогов в этом бочаге нет...

Глаза Володи потемнели, рот приоткрылся, с испугом и недоумением смотрел он на Яшку.

— Ты... что? — выдавил он из себя.

— Да-а...— выговорил Яшка, что есть силы стараясь не плакать и вытирая глаза штанами,— ты уто-о... утопа-ать, а мне тебя спа-а... спаса-а-ать...

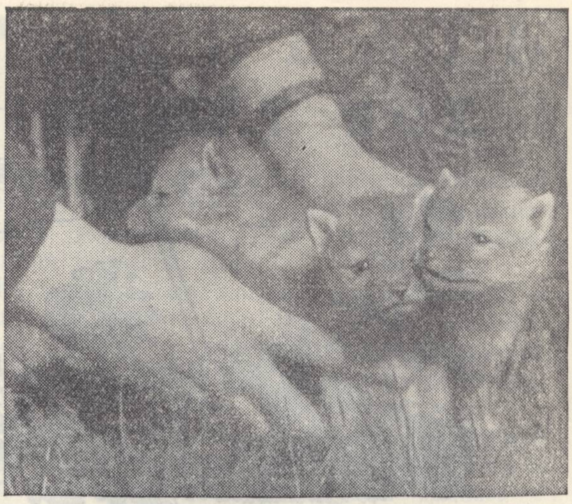
И он заревел ещё отчаяннее и громче.

Володя заморгал, покривился, посмотрел опять на воду, сердце его дрогнуло, он всё вспомнил...

— Ка... как я т-тону-ул!..— будто удивляясь, сказал он и тоже заплакал, дёргая худыми плечами, беспомощно опустив голову и отворачиваясь от своего спасителя.

Вода в омуте давно успокоилась, рыба с володиной удочки сорвалась, удочка прибилась к берегу... Светило солнце, пылали кусты, обрызганные росой, и только вода в омуте оставалась всё такой же чёрной. Но теперь Яшке не было страшно, он мог свободно нырять здесь и купаться даже ночью!

Воздух нагрелся, и горизонт дрожал в его тёплых струях. Издали, с полей, с другой стороны реки, вместе с порывами тёплого ветра летели запахи сена и сладкого клевера. Запахи эти, смешиваясь с более дальними, но острыми запахами леса, и этот лёгкий тёплый ветер были похожи на дыхание проснувшейся земли, радующейся новому светлому дню.

МАЛЫШИ

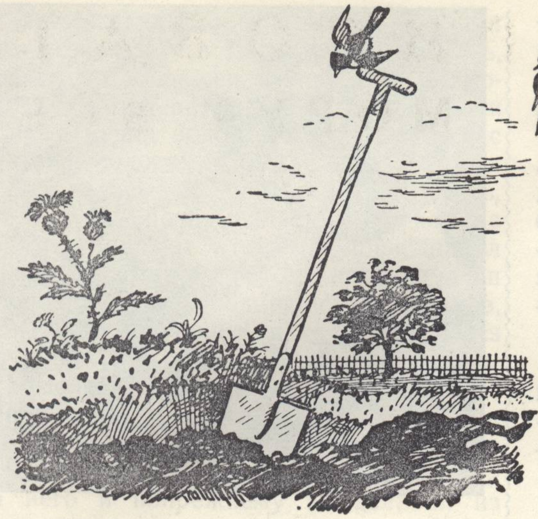
Фото Ан. Анжанова.

Эти три детёныша родились в Московском зоопарке у маленькой степной лисички, корсака. Корсаки — жители Южнорусских степей, Казахстана, северной части Узбекистана и Киргизии. Эти лисички — неутомимые охотники за грызунами. Никто не истребляет столько полевых мышей, как они.

И вот перед вами три будущих отважных охотника. Правда, они ещё малы, мордочки у них глупенькие и простодушные, но лисята уже начинают самостоятельную жизнь, без мамы. Их перевели на площадку молодняка. Трудно поначалу привыкнуть к неведомым и загадочным незнакомцам, населяющим площадку.

Вот, например, маленький козлёнок, родившийся у карликовой козочки. Опасный это зверь или нет? Лисята не знают. Чтобы они скорее подружились, сотрудница зоопарка и её помощник юннат знакомят лисят с козлёнком.

КЛАД

Геннадий Мамлин   Рисунки В. Константинова.

В каком-то романе
полгода назад
Серёжа читал
про запрятанный клад.

И в клады Серёжа
поверил всерьёз.
Он в лагерь лопату
с собою привёз.

Он роет за домом,
в саду,
над рекой.
Насмешкой его
не проймёшь никакой.

Твердит он:
— Смеётесь вы все
до поры...
И как-то нашёл он
кусочек коры.

На этой коре
проступали
сквозь грязь
старинные буквы —
славянская вязь:

«За старым сараем
трёхлетний дубок.
Двенадцать шагов
от дубка
на восток.

До завтрака
яму отроешь одну —
аршин в ширину
и аршин в глубину.

От ямы
четыре шага на восток.
И снова копай
да ищи сундучок.

А третью отроешь,
свернувши на юг,
к четвёртой
пошлёшь
после завтрака
слуг.

А пятую яму
копай наугад.
В той яме найдёшь ты
невиданный клад...»

До завтрака
вырыл он яму одну —
аршин в ширину
и аршин в глубину.

Четыре шага
отсчитал на восток
и вырыл вторую,
управившись в срок.

И третью он вырыл,
«свернувши» на юг,
к четвёртой послал бы,
как сказано,
слуг...

Но слуг не нашлось
у него под рукой.
«И сам я не барин,
копать не впервой».

Он пятую яму
отрыл наугад
и спрыгнул на дно,
чтобы вытащить клад.

И слышит он вдруг
голоса над собой.
Смеются ребята:
— Вот это герой!

— Пять ямок ты вырыл,
и саженцев — пять.
Держи-ка,
не зря же труду пропадать!

Обижен Серёжа:
«Так вот кем вчера
была исцарапана
вязью кора!..»

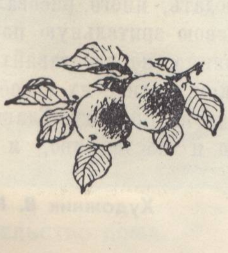
Но впрямь,
ведь не зря же
труду пропадать!
Пять ямок он вырыл,
и саженцев — пять.

Сергей усмехнулся:
— Была не была!
Давайте-ка саженцы,
ваша взяла...

Я слышал об этом
неделю назад,
я видел
Серёжей посаженный сад.

От ветра надёжно
прикрыты дубком,
пять маленьких яблонь
стояли рядком —

богатство,
которое в наших руках,
дороже всех кладов
во всех сундуках.

РИСОВАТЬ МОГУТ ВСЕ

В этом номере журнала мы помещаем несколько рисунков из числа тех, что были показаны на последней, девятой Всесоюзной выставке изобразительного творчества детей.

Их сделали ребята, живущие в разных городах и республиках,— Огульбиби Мередова из Ашхабада, Серёжа Бороздин из Минска, Светлана Корнеева из Петрозаводска, киргизский школьник Осмоналиев, москвичи Галя Сорокина, Олег Рыжиков.

Посмотрите на зелёные и синие горы в картине Осмоналиева. Юный художник рассказывает нам о природе Киргизии, о сочных травах джайлоо — высокогорного пастбища, об отарах овец, о мужественной жизни чабанов.

А Серёжа Бороздин показывает, как отстраивается Минск, как отступают деревянные домики перед громадами многоэтажных зданий.

На рисунке двенадцатилетнего школьника В. Зеленова — ранняя весна в городе. Небо кажется прозрачным и очень высоким, ярко светит солнце. Ребята пускают кораблики, по первым проталинкам расхаживают куры, а по забору осторожно крадётся кошка. Все радуются весне.

Светлана Корнеева и Галя Сорокина изобразили сценки из жизни школьников, и мы видим, как интересно побывать в Третьяковской галерее, как весело и хорошо на школьном празднике.

А Олег Рыжиков любит животных и без устали зарисовывает обитателей зоопарка, стараясь показать их характерные повадки.

Каждый из этих ребят нарисовал своё, и все рисунки (хотя в них и есть недостатки) интересны. Видно, ребята рисуют много, с любовью и поэтому умеют рассказать в рисунке о том, что они видели, живо и точно, как другой раз не расскажешь словами. Ведь тот, кто рисует, владеет ещё одним, особенным способом рассказывать, передавать свои впечатления.

Умение рисовать и те качества, те способности, которые рисование развивает, пригодятся каждому, даже если он не собирается стать художником.

Вот, например, геологу, как и художнику, нужна хорошая зрительная память и наблюдательность. Но, кроме того, ему, как и всякому исследователю,— будь он географ, биолог или астроном,— нужно просто-напросто уметь рисовать: в дневнике каждого геолога или ботаника рядом с описанием вы увидите зарисовки. А как необходимо рисование людям техники! Недаром создатель первого в мире самолёта Можайский и изобретатель межпланетных кораблей Циолковский умели хорошо рисовать. Рисование помогает представить себе конструкцию объёмно, в движении.

Может быть, некоторые из вас, ребята, думают: «Ну, что же, хорошо бы, конечно, рисовать, но у меня нет способностей...» Вот это и неправильно! Рисовать могут все. Но, конечно, этому надо учиться. Наверно, вы просто мало рисуете. И очень жаль, потому что вы лишаете себя огромного удовольствия, интересного и полезного занятия.

Что же делать, чтобы рисовать хорошо, чтобы развивать в себе эту способность?

Прежде всего рисовать побольше, но только не с картинок. Картинка, срисованная или, ещё того хуже, сведённая с книжки, какой бы похожей она ни получилась, не принесёт пользы тому, кто её срисовал. Это всё равно, как списанные с чужой тетради сочинения или задача.

Рисовать надо не с картинок, а с натуры. Только тот научится рисовать, кто внимательно наблюдает жизнь, наблюдает с карандашом в руках. Старайтесь рисовать всё. Всё интересно художнику: и вид, который открывается из окна — утренний туман, бегущие облака, уличная сценка, снежинки, кружащиеся в свете фонаря,— и обеденный стол со всем разнообразием стоящих здесь вещей. Одни предметы гладкие и блестящие, а у других поверхность шероховатая, одни — прозрачные, а другие — тёмные и почти не отражают света, одни — большие, другие — маленькие, и у каждого своя форма, которую надо передать. Рисуйте дома, во дворе, на улице. Берите с собой в поход блокнот и карандаш и зарисовывайте всё, что покажется вам интересным.

Замечали ли вы, как по-разному выглядит один и тот же предмет, когда он близко и когда далеко от вас? Вблизи он кажется большим и чётким, а издали, даже если это очень большая гора или дерево, всё уменьшается и кажется как бы подёрнутым дымкой. Мы не видим на дальних горах чётких складок, ясных контуров деревьев — всё будто немного расплылось. Изменяется и окраска удалённых предметов. Часто дальние зелёные леса кажутся совсем синими. В этом виноват толстый слой воздуха между нами и далёкими предметами. Это явление называется воздушной перспективой. В рисунке Огульбиби Мередовой (последняя страница обложки) горы потому и кажутся такими далёкими, что юная художница сделала передний план чётким, а задний — менее ясным.

Вы замечали, наверно, и то, что берега реки, рельсы железной дороги, дома на длинной улице как будто сходятся вдали — в перспективе. Это тоже надо учитывать в рисунке.

Начинайте учиться рисовать с неподвижных предметов, потом переходите к более трудному — к изображению живых, движущихся существ. Это лучше потому, что, пока вы рисовали более простые предметы, вы поняли, что каждая вещь и каждое существо имеют строгое соотношение частей: отношение длины к ширине, отношение длины части предмета ко всей его длине. И эти соотношения — пропорции — надо уловить и передать в рисунке. Часто бывает так: изобразил юный художник на своём рисунке ребёнка и взрослого, а впечатление такое, будто это карлик и великан. Так получается потому, что взяты неверные пропорции. Ведь у взрослого человека голова умещается в теле семь — восемь раз, а у ребёнка три — четыре.

Надо тщательно изучать строение тела человека и стараться побольше рисовать людей с натуры, следя за тем, чтобы пропорции тела в рисунке не нарушались.

Когда в художественных школах учат рисовать людей, то обязательно ставят перед рисующими какого-нибудь натурщика. На одних уроках он сидит неподвижно подолгу, чтобы было время подробно изобразить всё: и каждую складку одежды и черты лица. А иногда занятия проходят по-другому. Для рисунка отводится всего минут пять — десять, и задача заключается в том, чтобы в эти минуты метко и точно схватить главное — позу человека, поворот головы, наклон корпуса.

Такое упражнение будущие художники выполняют для того, чтобы научиться подмечать самое главное.

Советуем и вам делать быстрые наброски с натурщика. Натурщиками могут быть кто-нибудь из друзей и даже случайно встреченные вами люди. Вот увидели старика с палкой, кузнеца за работой, женщину с ведром воды — сделайте зарисовки. Если не успели, постарайтесь точно всё запомнить, чтобы воспроизвести движение на бумаге, когда тот, кого вы рисуете, изменил позу или даже совсем ушёл. Для художника очень полезно делать рисунки по памяти.

Многие ребята, рисуя, повторяют одну и ту же ошибку: они стараются рисовать предмет по частям, не определив его общих очертаний. Начнут, например, изображать собаку и рисуют сперва голову, потом к голове приделывают шею, туловище, потом пририсовывают ноги и хвост.

Рисовать надо иначе. Рассмотрев хорошенько весь предмет целиком, намечайте лёгкими штрихами общие контуры всей фигуры. Когда набросаете такую приблизительную фигуру, постепенно уточняйте детали, прибавляйте всё больше и больше подробностей, верные линии усиливайте, а лишние линии стирайте резинкой.

Большинство ребят любит рисовать «из головы», и действительно, это очень интересно. Такие рисунки обычно лучше всего получаются у ребят, которые умеют наблюдать, много рисовали с натуры и хорошо развили свою зрительную память.

Рисуйте постоянно, не расставайтесь с карандашом и альбомчиком, носите их с собой везде, чаще выходите рисовать на природу. Главное, относитесь к этому серьёзно и настойчиво, и вы добьётесь успеха.

Художник В. Константинов

КОНЦЕРТ. Светлана Корнеева. Петрозаводск.

СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА. Сергей Бороздин. Минск.

НА ДЖАЙЛОО. **Османалиев.** Фрунзенская область.

ЭКСКУРСИЯ В ТРЕТЬЯКОВСКУЮ ГАЛЕРЕЮ. **Галина Сорокина.** Москва.

КОЛУМБЫ МЕЩЕРСКОГО КРАЯ

М. Поступальская

Эдик Эскин — завзятый техник и мореход. Глаза его начинают блестеть и на щеках появляется румянец, когда он говорит о моторных лодках, яхтах и катерах.

А Юра Ожевский — охотник. Больше всего на свете любит он бродить по лесам или по заболоченным берегам какой-нибудь речушки. Часами Юра может рассказывать о птицах, их повадках и образе жизни.

Света Мерцалова любит мечтать по вечерам, глядя на звёзды, а Аня Ефремова должна непременно скатиться кубарем с каждого косогора или обрыва.

Восторженная, живая Ира Былеева в походе живёт полной жизнью. Дежурство у костра, дальний поход, устройство лагеря — всё радует её, она не боится трудностей, любит животных, а Наташа Кулакова хоть и привычна к походам, но очень боится лягушек и ящериц. Зато она подробно и точно ведёт записи; в музее она всё осмотрит, запишет, а чего не поймёт, расспросит, узнает.

Все эти ребята и многочисленные их товарищи — члены одного географического кружка, а то, что у них у всех разные вкусы, оказывается, очень хорошо для путешествий. Если Ира Завилович с удовольствием занимается хозяйством и печёт превосходные оладьи, то Рита Климашова — неплохой моторист. Завхоз Коля Кудря так добросовестно относится к своим обязанностям, что иногда из-за них отказывается от походов. А Серёжа Селю может днями и ночами смолить лодки, готовя их для будущих плаваний. Он ходит весь перепачканный смолой и к хозяйственным обязанностям относится с открытым неуважением.

В Доме пионеров Киевского района города Москвы давно работает географический, или, как иначе зовут его, краеведческий, кружок. Много увлекательных походов и путешествий по Московской области проделали ребята. Но самое интересное началось весною прошлого года, когда кружок получил задание от Академии наук СССР. Юные географы должны были пройти от истока до устья реку Клязьму и обследовать всю её пойму.

Клязьма протекает по Мещёрской низменности. А в постановлении ЦК нашей партии о подъёме сельского хозяйства говорится:

Перед экспедицией путешественники много и упорно тренировались, приучали себя к трудной походной жизни. На этом рисунке показаны этапы эстафеты, проведённой в одном из тренировочных походов. Рисунок мы взяли из стенной газеты «Мещёрец». Во время путешествия ребята выпускают её ежедневно.

«Считать необходимым в первую очередь приступить к работам по осушению и освоению таких массивов, как Мещёрская низменность (особенно в районах Рязанской, Владимирской и Московской областей)».

В таком большом и серьёзном деле, как освоение новых земель, первое слово принадлежит учёным. Ведь для того, чтобы превратить никогда не паханные земли в культурные колхозные поля, нужно точно узнать, каковы эти земли. Надо выяснить, какие есть водоёмы на этих землях, достаточно ли они дают влаги. Нужно изучить растительность края. Существует микроклимат, присущий каждому району, его тоже непременно нужно изучить.

Геологическое строение местности, её рельеф имеют огромное значение. Надо знать, где горы, где овраги на новых землях, где можно провести дорогу, а где построить завод.

Вовсе не просто изучить всесторонне и подробно какой-нибудь край. А Мещёрскую низменность, пожалуй, особенно трудно: она ведь большая, занимает два миллиона гектаров. Низменность расположена в треугольнике, образуемом реками Клязьмой, Окой и Москвой. Здесь шумят тёмные сосновые леса и расстилаются светлые луга; блестят на солнце прозрачные реки, и пугают чернотой мрачные озёра; отнимают землю у колхозов сыпучие пески и топкие болота.

Болота покрывают огромные пространства. Уже очень давно пытались люди осушить Мещёру, но это не удавалось: слишком много в Мещёре воды.

Только теперь на Мещёрской низменности начнутся настоящие работы. По всей нашей стране глухие пустыри, безводные пустыни, угрюмые болота превращаются в поля, луга и сады. Изменится и Мещёра.

Вот какому большому делу взялись помогать юные географы.

Конечно, едва ли учёные слышали о кружке при Доме пионеров. Может быть, они и не собирались ничего поручать ребятам? Если говорить правду, то так оно сперва и было. Но руководитель кружка Борис Леонидович... Впрочем, об этом надо рассказать подробнее.

Когда Борис Беклешов ещё учился в десятом классе школы, у него с товарищами зашёл разговор: кем быть? Беклешов тогда сказал, что больше всего он любит ребят и путешествия и хочет выбрать себе такую работу, чтобы много странствовать и быть с детьми.

Товарищи засмеялись.

— Ну, брат, одно исключает другое: путешественнику некогда с ребятами возиться!

Борис был озадачен. Пожалуй, друзья правы. Значит, нужно выбирать что-то одно. А как выбрать, если то и другое влечёт с одинаковой силой?

Ещё в восьмом классе Беклешов стал пионервожатым. С ребятами ему было интересно. Их неудачи и успехи волновали его

Отсюда, с верховьев Клязьмы, начался летний маршрут экспедиции.

больше, чем свои собственные. Постоянно он придумывал для своего отряда новые дела и развлечения, устраивал интересные сборы, спектакли, школьные вечера.

А путешествия влекли не меньше. Борис ещё не задумывался, как и зачем он будет странствовать, но в мечтах постоянно видел себя то на берегу незнакомого моря, то на крутом холме, поросшем ржавой жёсткой травой, то в дебрях сырого, непроходимого леса. Он представлял себе, как откроет никому не известное озеро или горное плато.

Этим мечтам и планам положила конец война. Борис ушёл на фронт.

Много было исхожено трудных военных дорог, много увидено стран.

И на фронте и позднее, в госпитале, куда он попал после тяжёлого ранения, Борис знал, чем занят его отряд, как живёт и учится. Ребята обо всём писали своему вожатому.

Давнишний разговор с товарищами-десятиклассниками был начисто забыт и вспомнился только через несколько лет после войны, когда Беклешов, студент географического факультета, стал руководителем кружка юных географов.

Вот оно — дети и путешествия! Одно не мешает другому.

Кружковцы со своим руководителем начали исследовать Подмосковье.

Окончив университет и начав работать в Академии наук, в Совете по изучению производительных сил, Беклешов добился того, что учёные стали давать ребятам задания.

Палатки стоят на высоком песчаном берегу Клязьмы. Тихо. У давно погасшего костра клюют носами дежурные. Лагерь ещё спит.

На другой стороне реки темнеют великолепные дубы. Солнце трогает воду, резная листва дубов шелестит под напором свежего утреннего ветерка.

Однако пора вставать! Сегодня первым поднимается неутомимый завхоз Коля Кудря. Он старается неслышно пробраться к дремлющим дежурным. Но Наташа Судейкина и Рита Климашова сразу открывают глаза и принимают бодрый вид.

— Можешь не подкрадываться! Мы и так не спим!

— «Не спим!» — передразнивает Коля.— А почему же не будите дневных дежурных?

Дневные дежурные разбужены. Коля выдаёт продукты.

Разгорается костёр, дежурные подтаскивают хворост; из палаток появляются ребята с полотенцами и бегут к реке. Настаёт новый, подчас нелёгкий, но всегда увлекательный день.

На утренней линейке все отряды: геологический, исторический, биологический, географический и гидрологический — получают дневные задания.

Как ни спешат ребята с утра, а завтрак, линейка, сборы отнимают много времени, и когда выходят на задание, некоторые ворчат, что опять начинают поздно и придётся работать «в самую жарищу». Надо сказать, ворчат как раз те, что встают позже других и не любят торопиться.

Очень жарко, но как хорошо в лесу и на реке, где свежесть деревьев и воды смягчает зной!

Алёша Суханов, Павлик Беспрозванный и ещё двое ребят ищут сегодня старицы на левом берегу Клязьмы. Сначала принимают за старицу бочаги и лужи, но наконец находят широкую канаву и идут по ней. Скоро канава превращается в протоку, шире самой Клязьмы. Ребята делают топографическую съёмку, измерения, зарисовки. У встречных колхозников узнают, что старица зовётся «подковой», у неё, и правда, подковообразная форма.

Пора, пожалуй, поворачивать обратно, но Павлик сворачивает на север, уверяя, что здесь-то и найдётся самое интересное. Действительно, скоро ребята обнаруживают ещё одну протоку. Она тоже изогнута дугой и соединена с «подковой».

Ботаники с преподавателем Инной Соломоновной Малкиной идут в луга собирать гербарий.

— Инна Соломоновна, до чего здесь дрёма липкая!

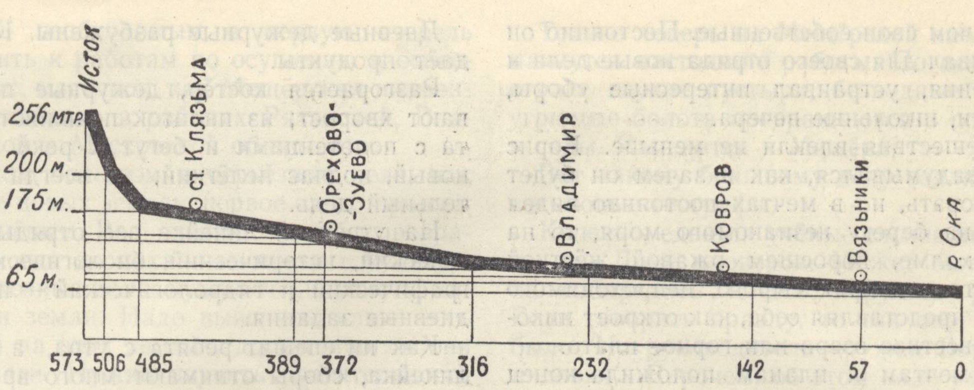
— А поповник не крупный!

— Сколько щучки тут растёт! Замечаете, девочки?

— Что же это значит? — спрашивает Инна Соломоновна.

Ребята решают, что обилие щучки указывает на близость грунтовых вод. Луга заболочены, их надо осушать.

Группа мальчиков вычерчивает профиль местности. Гидрологи отправляются к реке, вооружившись разделённой на дециметры длинной рейкой, белым диском для определения мутности воды и шнуром, на котором красными полосками отмечены метры и полуметры. Глубина, ширина, скорость тече-

Геологи определили высоту русла Клязьмы над уровнем моря и построили график падения русла реки. На графике хорошо видно, как круто стекает Клязьма со склона Клинско-Дмитровской гряды, а потом медленно течёт по ровной Мещёрской низине.

ния Клязьмы будут тщательно измерены. Геологи определяют характер берегов. Топографы работают над картой. А в это время в лагере дежурные заготовляют дрова, стряпают обед. Ушедших на задание ждёт горячий суп, каша с мясными консервами, чай с печеньем, а иной раз и «геомакароны» (когда кастрюля перевернулась и второе блюдо побывало в песке).

Все свои наблюдения ребята записывают в «полевую книжку». Такие книжки есть у всех участников экспедиции. На правых листках делается запись, на левых — рисунки и чертежи. Борис Леонидович всё время твердит: «Полевая книжка» в походе дороже всего». Книжки ребята носят на шнурке, повешенном на шею, чтобы не потерять.

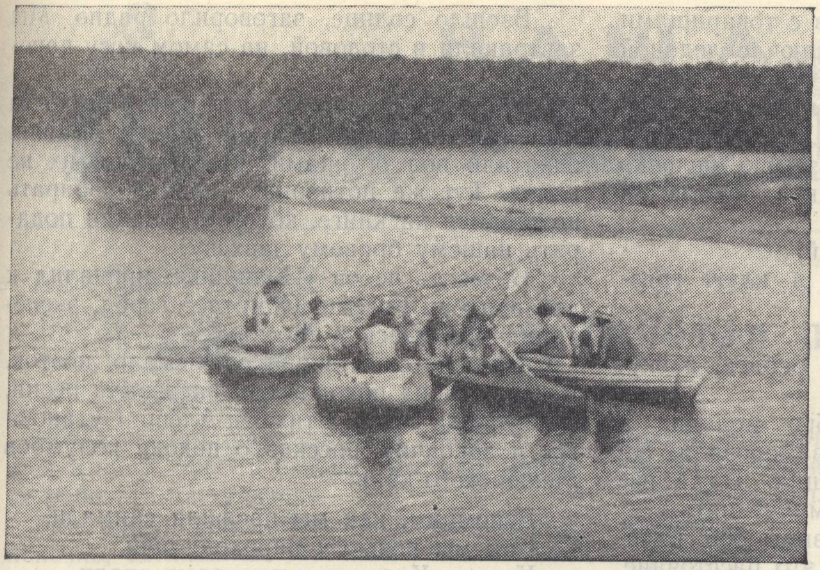
Вечером все занимаются обработкой собранного материала и записывают в дневник всё, что случилось за день. Дежурный ведёт особый сводный дневник.

Обычно ребята не любят вести дневники. Это занятие кажется им скучным. Писать о том, что уже было увидено и пережито? Зачем? Но Борис Леонидович беспощаден: незаписанное быстро забывается. И, вздыхая, ребята берутся за дневники.

Но, конечно, не всё время проходит у путешественников в трудах и заботах. Расстояние для них нипочём. Им ничего не стоит сходить километров за шесть — семь в пионерский лагерь на киносеанс или уйти в колхоз на шахматный турнир, а то и на футбольное состязание.

Гидрологи за работой: они определяют профиль берега Клязьмы. Им помогают местные школьники.

Экспедиция в сборе. Сейчас все отправятся на выполнение заданий.

Исследуя окрестности своего лагеря, ребята встречали много интересного. Они были в древнем городе Владимире, осматривали знаменитый Успенский собор с гробницей Александра Невского. В краеведческом музее историки с увлечением зарисовывали череп ископаемого носорога и клыки мамонта, найденные во Владимирской области.

Всем путешественникам очень понравился тракторный завод. Здесь они видели весь процесс создания трактора, начиная с литья и кончая обкаткой новеньких машин. Про литьё кто-то из ребят сказал, что это — самое красивое в мире зрелище. И в самом деле, прекрасен ослепительно блещущий и обжигающий сухим жаром металл, льющийся в подставленные формы — изложницы. А в кузнечном цехе по железной болванке бьют огромные молоты и придают ей нужную форму. Потом по конвейеру движется рама с мотором и постепенно обрастает деталями.

На заводе «Гусь-Хрустальный» ребята видели, как из тягучей стеклянной массы получаются превосходные белые и дымчатые, зелёные и красноватые вазы, графины, бокалы.

А в колхозе «Большевик» молодых географов привели в восторг коровники, где механически подаётся корм и убирается грязная солома, где доят коров электродоилками и поят из автопоилок. Сытые, важные коровы медленно жуют жвачку, и большие глаза их задумчиво смотрят на ребят.

«Большевик» — самый богатый колхоз Владимирской области. Он всё время увеличивает площадь своих посевов, поднимает целинные земли.

Чудесны дела людей, чудесна природа Мещёрского края.

Молодые географы видели великолепные леса Окского заповедника, где на свободе гуляют лоси, пятнистые олени из Уссурийского края, где у воды множество бобров строят свои хатки и воспитывают детей.

Леса Мещёры сумрачны и величественны. Огромные сосны высятся, точно колонны, и когда между мощных стволов сверкает солнечный луч, кажется, что он пробился сквозь узкое, стрельчатое окно.

На озере Святом, или Светлом (у него два названия), ребята удивлялись необыкновенной чистоте и прозрачности воды. При глубине в полтора метра видны и камни на дне и проплывающая рыба.

А сколько радости дали ребятам звёздные тёплые вечера, сияющие рассветы, прохладные сумерки среди лесных зарослей, на берегу заросших иван-чаем проток, в густых перелесках из тонких светлых берёзок!

Хороша родная природа, и счастлив тот, кто с юности учится знать и любить её.

Во время походов случалось всякое: и мокли под сильным дождём и голодали слегка, когда лодка с продуктами по ошибке прошла мимо; приходилось, несмотря на засилье комаров, спать в лесу, без палаток.

Но всё это никому не казалось страшным. Промокли — тут же высохли на солнышке. Одолели комары — развели костры и спаслись за дымовой завесой. Тот, кто боится неудобств и непогоды, не умеет сообразить, как выйти из трудного положения, никогда не станет настоящим путешественником.

Как-то раз Алёша Суханов с товарищами увидел под сосной чистый ключ с ледяной водой. Над ключом на сосне висит объявление: «Соблюдайте чистоту ключа!»

Ребята пили воду, болтали. Алёша набрал флягу воды, поставил её на землю, неловко повернулся, и фляга, булькнув, пошла на дно.

— Алёшка! Полезай за ней!

— Да! Ноги-то пыльные, а ключ грязнить не велено!

— Как же быть?

— Держите меня за ноги, ребята, и окунайте!

Окунали Алёшу, как добра молодца в сказке, три раза и совсем заморозили. На третий раз он флягу вытащил. Тогда все сели на землю и хохотали минут пять.

...От истока до устья Клязьмы 656 километров. Экспедиция прошла это расстояние, изучила реку на всём протяжении. Правда, и ребята и Борис Леонидович считают, что это было только разведочное обследование. Подробное изучение поймы экспедиция продолжает в этом году.

Конец разведочного похода описан в дневнике Павлика Беспрозванного:

«В два часа ночи к пристани «Ижевское» подошёл теплоход «Советский полярник», сияя огнями и выделяясь белым силуэтом на фоне чёрной ночи. На самой корме под тентом было свободно, там мы и расположились. Закусив, ребята легли спать.

...Взошло солнце, заговорило радио. Мы завтракали в столовой, на самом носу парохода...

...В Спасске по случаю дня рождения Коли Кудри купили огурцов и вишен. Вишни спрятали под огурцами, чтобы Коля их не видел. Тут же потихоньку начали собирать пожелания на книге, которую решили подарить нашему бравому завхозу.

...В девять часов «Полярник» причалил к дебаркадеру Рязани. Осмотрев город, экспедиция тронулась в Москву».

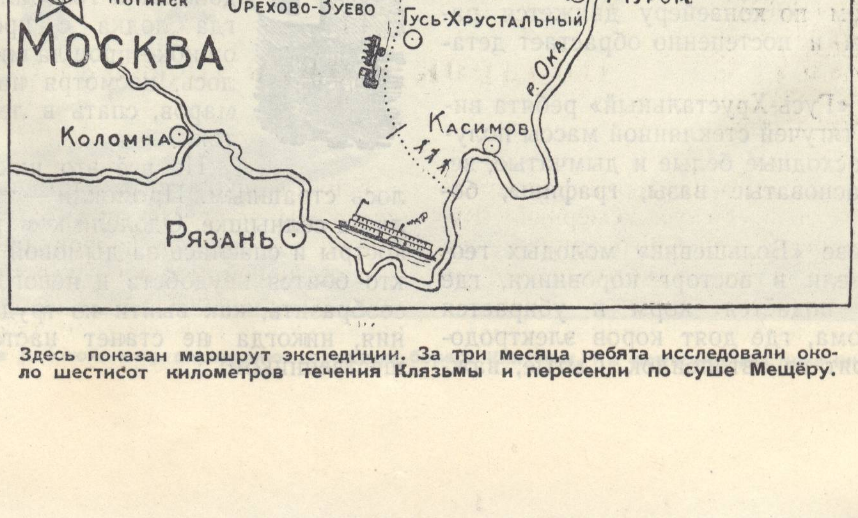
Среди путешественников немало поэтов. В честь своих походов они распевали песни, складывали стихи. Стихами Алёши Суханова мы и закончим рассказ о походе колумбов Мещёрского края:

Вспомним, как мы профили снимали,
Как мы ночью к пароходу шли,
Как на Клязьме с комарами спали,
Как мы дневники свои вели.

Вспомним, как, не выйдя из затона,
«Бригантина» села вдруг на мель,
Как мы ели «геомакароны»,
Как слыхали жаворонка трель.

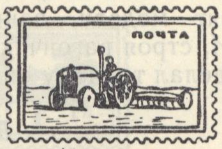

Экспедиция продолжает работу. Неутомимые исследователи снова штурмуют топи, лесные завалы, капризные реки Мещёры. Пожелаем им удачи!

Здесь показан маршрут экспедиции. За три месяца ребята исследовали около шестисот километров течения Клязьмы и пересекли по суше Мещёру.

НАША ПОЧТА

Как я работал прицепщиком

Когда окончились занятия в школе, я пошёл в нашу МТС и сказал, что хочу учиться работать на тракторе.

Мне предложили стать прицепщиком, и я, конечно, согласился. Послали меня с молодым трактористом Иваном Оленевым культивировать почву под лён.

Работа прицепщика на первый взгляд кажется простой: катайся да катайся за трактором. Но на самом деле это не так.

У прицепщика много обязанностей. Нужно следить, чтобы культиватор заделывал почву на нужную глубину, и очищать ножи, когда между ними набивается прошлогодняя трава и стерня. Чуть зазеваешься, не очистишь ножи, и пойдут они поверху, будут только гладить землю. В то время, когда тракторист заправляет машину горючим, прицепщик должен почистить культиватор и смазать все трущиеся части солидолом.

С Иваном Оленевым мы скоро подружились. Он и помогал мне и многое поручал делать самостоятельно. Недели через две я уже хорошо знал все части трактора, научился заводить его, разбирать и очищать отстойник карбюратора.

Потом нас перевели на другую работу — пахать под чёрный пар. Теперь наш трактор тащил за собой трёхкорпусный плуг. Я следил, чтобы вспашка велась на нормальную глубину.

Подняли мы пары, и тракторист поставил наш «ХТЗ» на несколько дней на текущий ремонт. Я помогал Ивану разбирать трактор. Тут уж я по-настоящему изучил мотор, привык и научился пользоваться инструментом: ключами, шабровкой, напильниками. Свой трактор мы отремонтировали раньше срока. Когда снова вышли в поле, я упросил Ивана разрешить мне самому вести машину.

Сел за руль, включил скорость. Только отпустил педаль, трактор как рванётся вперёд...

— Вот видишь! — засмеялся Иван.— Сразу за трактор не сядешь: надо учиться!

За лето я познакомился с разными сельскохозяйственными машинами, научился на них работать. Заработал пятьсот рублей деньгами и семнадцать пудов хлеба.

Осенью собираюсь поступить в школу механизаторов. Буду учиться на тракториста.

Александр Зайцев,
ученик 7-го класса
Стрельчихинской школы Кимровского района.

Подарок комсомольцам

Мы получили письмо с целинных земель от работников зерносовхоза «Озёрный» Кустанайской области. Они благодарили за подарок — полевой вагончик, который мы им прислали. Оказывается, подарок очень понравился, и его передали лучшей комсомольской тракторной бригаде.

У нас в школе был настоящий праздник, когда мы получили письмо: ведь этот вагончик мы сделали и оборудовали сами.

Над нашей школой шефствует вагонное депо. И вот когда депо получило срочный заказ на изготовление полевых вагончиков для целинных земель, мы решили помочь

шефам: своими силами сделать один такой вагончик.

Нам дали в депо старый товарный вагон, снятый с колёс, и мы отремонтировали его, поставили внутренние перегородки, получилась удобная двухкомнатная квартира с душевой комнатой.

Чтобы трактористам было тепло в плохую погоду, сложили две печи. Сделали три стола и двенадцать полок, на которых можно спать.

Внутри вагончика нам хотелось всё устроить так, чтобы в нём было удобно и уютно жить. Ребята приладили полочки для книг и для посуды, красивые резные и выпиленные рамки для картин и зеркала, газетницу, вешалки, плечики. Собрали небольшую библиотеку.

Работали мы всего девятнадцать дней. Мы сумели так быстро всё сделать потому, что у нас в школе много ребят, умеющих мастерить: около восьмидесяти школьников занимаются в кружке «Умелые руки».

Под руководством Леонида Николаевича Синцова они учатся выжиганию, выпиливанию, резьбе, строят модели, занимаются столярным делом. И, строя вагончик для целинников, каждый делал то, чему он научился в кружке.

Панкова,
председатель совета дружины средней школы № 42,
станция Гороблагодатская,
Свердловской железной дороги.

На плотах

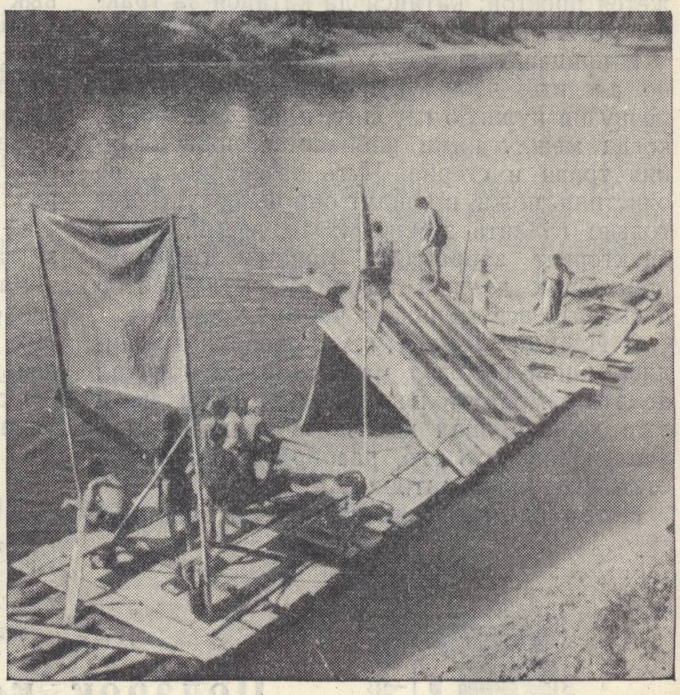
17 июня ровно в десять часов утра с капитанского мостика прозвучала команда: «Отчаливай!.. Загребные, на-а-ва-лись!.. Полный вперёд! Так держать!» И наш огромный «корабль», состоящий из трёх больших сцеплённых плотов, вышел на стрежень реки.

Погода была прекрасная, ярко светило солнце. Подгоняемый течением и дружными ударами вёсел, «корабль» быстро поплыл вниз по течению.

Так началось наше двадцатидневное путешествие по реке Ветлуге.

В походе нас было пятьдесят человек. Мы хорошо подготовились к нему. Плоты построили и оборудовали сами. На каждом плоту у нас был шалаш, где хранились продукты и вещи, а в случае дождя могли укрыться и все мы. На корме мы устроили скамеечки и столик.

Жизнь у нас на плотах шла, как в настоящем пионерском лагере, только гораздо интереснее, потому что мы всё время плыли вперёд, видели всё новые и новые места.

Это наш «корабль»!

У нас была своя библиотека, и в пути мы читали книжки, репетировали и ставили пьесы, проводили шахматные и шашечные турниры, играли в мяч, пели песни, купались, загорали. О всех чрезвычайных событиях нашего путешествия сообщалось в стенной газете «Молния».

Плыли мы каждый день с десяти утра до пяти часов вечера. Потом причаливали к берегу и разбивали палаточный лагерь. Тут начинали работу футбольная, волейбольная, стрелковая секции. Ботаники, зоологи и рыболовы отправлялись на «промысел». Дежурные варили ужин.

А вечером, когда стемнеет, все собирались у костра: устраивали концерты, пели песни, а иногда Николай Прокопьевич Мосеев, руководитель нашего похода, рассказывал нам какой-нибудь эпизод из своей военной жизни.

Двадцать дней пролетели очень быстро, но навсегда запомнились всем нам. Ребята поправились, окрепли, загорели, многому научились. А осенью все мы получили значок «Турист СССР».

Ира Рыжова,
ученица средней школы № 1 города Шарьи.

У нас всегда весело

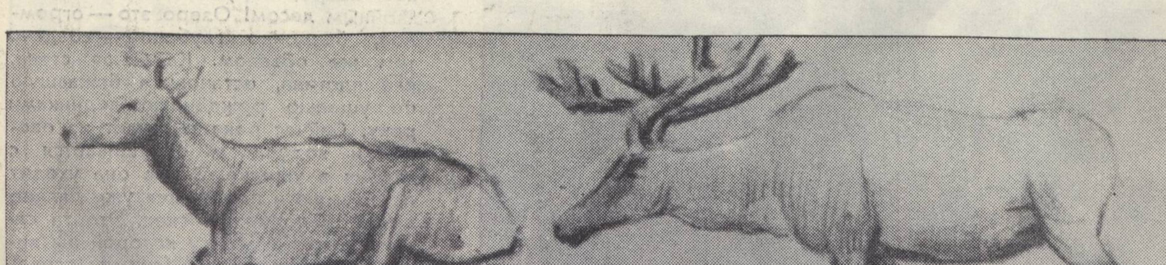
Давно уже так повелось, что на площадке перед нашим домом собираются мальчики и девочки со всего квартала. У нас никогда не бывает скучно. То мы играем в лапту или в волейбол, то все вместе смотрим новую кинокартину, иногда читаем вслух какую-нибудь интересную книжку. И работать мы не ленимся: подметаем двор, поливаем цветы. Надо кому-нибудь из жильцов во дворе напилить дров,— всегда найдутся ребята, которые с удовольствием выполнят эту работу.

Валя Васюхина и Вадим Филатов любят малышей. Они читают им книжки, строят с ними песочные дворцы и придумывают разные интересные игры.

Как-то в воскресенье мы все вместе ездили за Волгу. Ловили рыбу и варили уху, купались, загорали. Наш фотограф Юра Фёдоров снимал нас и в воде, и на песке, и во время игры. Правда, фотографий хороших пока не получилось, но это ничего: ведь Юра ещё только учится снимать.

Так вот мы и живём: дружно и весело. Хотелось бы узнать, как у вас, ребята.

Тамара Тезенина,
г. Вольск, Саратовской области,
улица Водопьянова, дом № 111.

В зоопарке. Олег Рыжков. Москва.

В горах АЛА-ТАУ

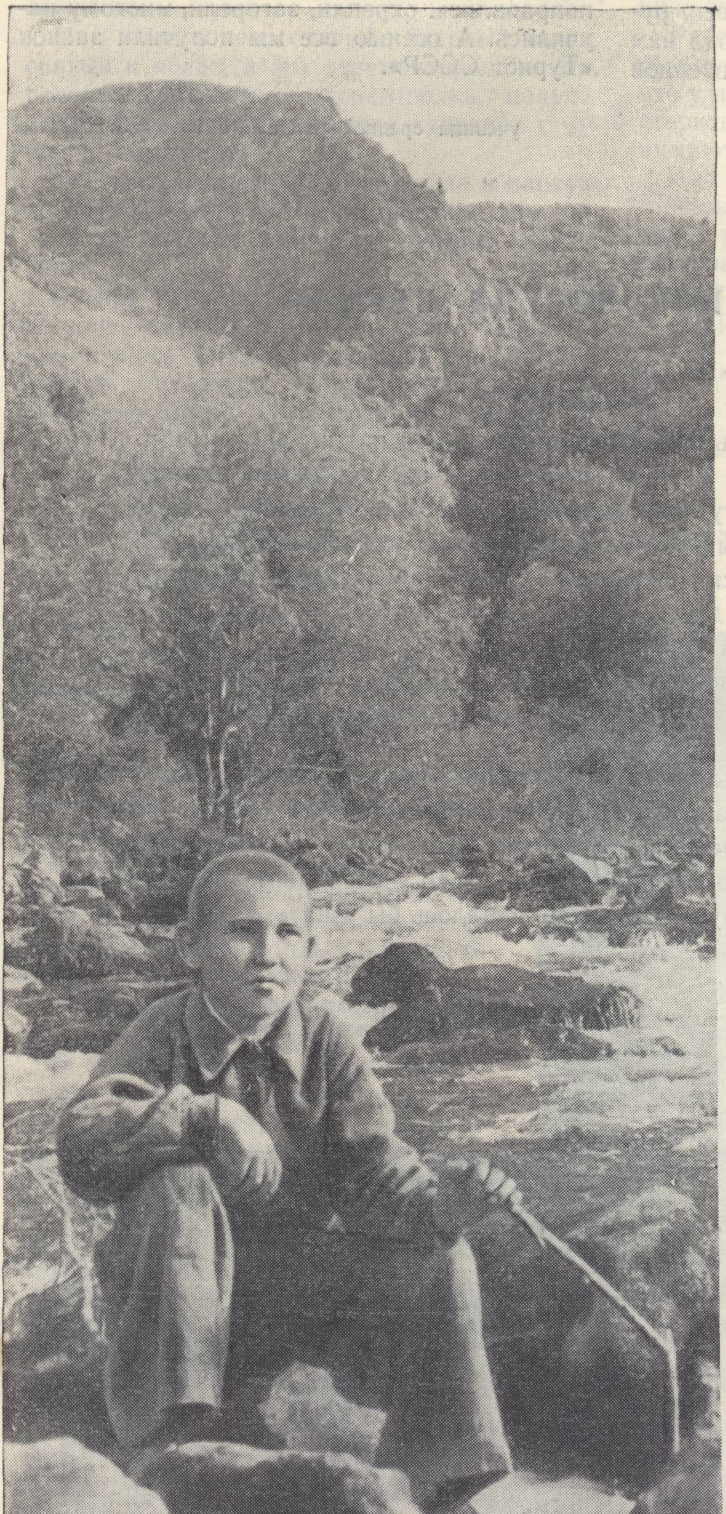

Фото П. Редько.

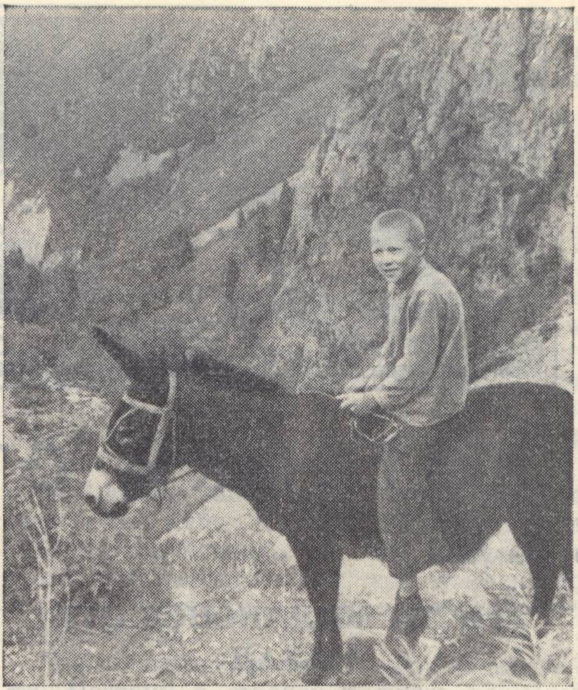
Село Иссык лежит у подножия гор. Из окон школы видны высокие громады Заилийского Ала-Тау: тёмные тяньшаньские ели на крутых склонах, бархатная зелень альпийских лугов, голубые ниточки стремительных пенистых рек и сверкающая белизна вечных снегов. Шумные арыки, которые даже в самый палящий зной несут прохладу и щедро поят своей водой поля и яблоневые сады колхоза, бегут оттуда, с гор. День и ночь звенит под окнами школы арычок, пробегающий по пришкольному участку, будто зовёт ребят к снежным вершинам. И, конечно, самые увлекательные походы у иссыкских пионеров — это походы в горы.

Много замечательного увидят за лето в таких походах ребята, многому научатся, возмужают и окрепнут. Ведь путешествовать в этих местах нелегко. Нелегко, например, добраться до лежащего высоко в горах озера Иссык. Зато как интересно подниматься по узкому ущелью горной реки и, встретив на пути скалистую стену древнего обвала, не отступить — взобраться на крутой гребень! Как хорошо после трудного подъёма вдруг увидеть у своих ног бирюзовое озеро, окружённое скалами и хвойным лесом! Озеро это — огромное, бездонно глубокое — создано тем же обвалом. Каменная стена, как плотина, остановила бежавшую по ущелью рождённую ледниками реку. Сейчас река вытекает из озера и водопадом обрушивается с гребня в ущелье. Затем она уходит под землю и появляется уже далеко внизу, у подножия скал. Это та самая река, на берегу которой вы видите Витю Гуненкова (снимок слева). Витя, алма-атинский школьник, провёл в горах всё лето. Озеро Иссык славится своей красотой, и к нему, в горы Ала-Тау, приезжают туристы из разных городов и сёл Советской страны. На берегу озера туристская база. Витин отец работает там инструктором. Вот Витя и приехал к отцу, как только закончились заня-

тия в школе. Туристы берут Витю с собой в походы, и он уже стал настоящим путешественником.

На турбазе у бывалых, опытных туристов, которые всегда расскажут что-нибудь интересное, любят бывать все здешние ребята.

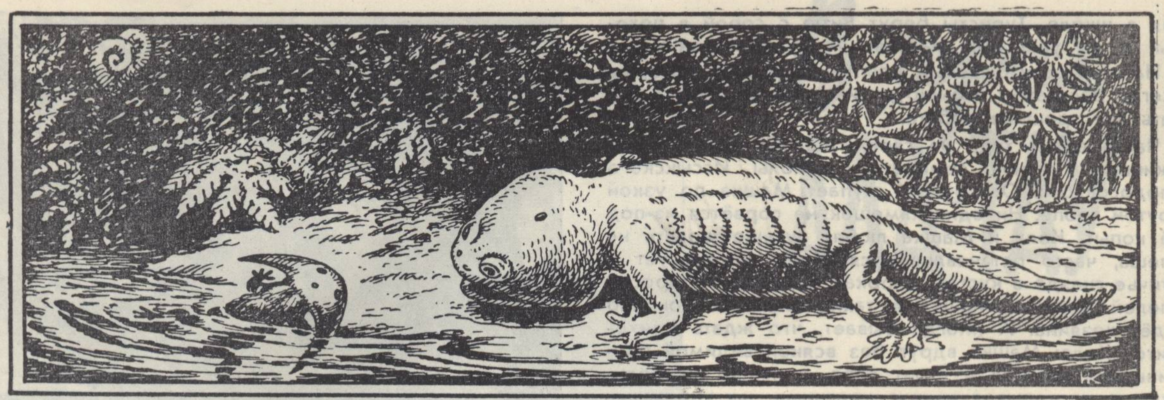
Часто ездит туда на своём ишачке Машке Коля Акиншин, ученик семилетней школы Иссыкского плодосовхоза. Осторожно ступает Машка по узкой крутой тропе. Ни один камешек не сорвётся из-под её копыт. Коля и Машка любят путешествовать не спеша, часто останавливаются. Колю интересует и птичье гнездо в кустах, и юркая ящерица, и заросли спелой малины. Машка в таких случаях спокойно ждёт хозяина. А иногда бывает, что ждать приходится Коле: Машка вдруг без всякой видимой причины остановится и стоит себе, с явным удовольствием поглядывая вокруг кроткими, но упрямыми глазами.

За лето немало ребят побывает у прекрасного озера, у своевольной реки, которая то летит вниз бурным водопадом, то мирно журчит в ущелье, то исчезает вдруг с лица земли. Сколько загадок решат, сколько интересных открытий сделают пионеры, сколько коллекций соберут, каких только не принесут в школу растений — и из тёплых цветущих долин, и из суровых хвойных лесов, и с пустынных каменистых нагорий: ведь, поднимаясь в горы, можно за один день посетить и север и юг, пройти все климатические пояса.

Кончается лето. Скоро начнутся занятия. Скоро каждое утро по дороге в школу иссыкские ребята будут наблюдать, как спускается с гор осень. Всё глубже нахлобучивают метели белые шапки на вершины гор, всё шире становится полоса потерявших листву деревьев, всё ближе подступают снега. Придёт время — покроются снегом и ближние холмистые предгорья, «прилавки», как их называют в Ала-Тау. И тогда ребята начнут собираться в новые походы — в походы на лыжах. Иссыкская казахская средняя школа недаром занимает первое место в районе по физкультуре и спорту. В школе много хороших бегунов, прыгунов, волейболистов, много отважных и ловких лыжников. На нижнем снимке вы видите Байтая Айкинбаева, Сабира Тлеубекова и других учащихся этой школы. Они пришли на школьную спортивную площадку посмотреть соревнования старшеклассников.

ПОТОМКИ СТЕГОЦЕФАЛОВ

И. Акимушкин

Рисунки Н. Кондакова.

ТРИСТА МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД

Триста миллионов лет назад на нашей планете не было ни современных степей и лугов, ни широколиственных лесов. Мрачные, безжизненные равнины континентов не оглашались тогда весёлыми голосами птиц, не оживлялись яркими, душистыми цветами. Не было также на Земле ни бабочек, ни жуков, ни пчёл. Лишь неповоротливые улитки, многочисленные сверчки, тысяченожки и гигантские стрекозы (размах их крыльев доходил до метра) населяли болотистые леса морских побережий. По вечерам над гигантскими хвощами и плаунами первобытного леса поднимались густые зловонные испарения. Жуткие, невообразимые вопли раздавались в непроходимых зарослях плаунов. Это кричали стегоцефалы, которые жили в прибрежных болотах, в глубоких озёрах и прилегавших к ним местностях.

Многие стегоцефалы напоминали современных крокодилов, но встречались среди них и безногие, змееобразной формы. Голова и брюхо некоторых из этих странных животных были покрыты панцирем из костных пластин, и, что самое замечательное, они имели не два, как все теперешние позвоночные животные, а три глаза: два глаза были по бокам головы, а третий — на темени.

Квакша-филломедуза и её икра.

Просуществовав около ста пятидесяти миллионов лет, стегоцефалы вымерли.

Их потомки — современные лягушки — появились на Земле совсем недавно — в мезозойскую (среднюю) эру, то есть примерно пятьдесят миллионов лет назад.

Климат на Земле в то время был теплее и мягче. Тропики и субтропики занимали большую часть земного шара.

Гренландию покрывали великолепные леса, в которых росли кедры, кипарисы, вязы, клёны, ясени, виноград.

В тропических зарослях и на болотах жило множество ящеров-динозавров и черепах, в реках плавали крокодилы.

Многочисленным населением этих лесов были различные лягушки. С заходом солнца древние джунгли оглашались многоголосым лягушачьим кваканьем.

С наступлением резкого похолодания, которое началось около пятисот тысяч лет назад, климат на севере сделался более холодным, со снежной и морозной зимой. Вместе с климатом изменился и лес, постепенно исчезли из него тропические растения и животные, исчезли и многочисленные земноводные.

В настоящее время лягушки и жабы обитают главным образом в тропических и субтропических странах. Леса и водоёмы Африки, Южной Америки и Южной Азии кишат ими.

Особенно интересны тропические лягушки, живущие на деревьях. Нередко икра и головастики древесных лягушек развиваются в воде, скопившейся в дуплах и в пазухах листьев. И лягушки всю свою жизнь проводят на деревьях, совсем не спускаясь на землю.

Некоторые лягушки с помощью плавательных перепонок, натянутых между пальцами, могут, подобно белке-летяге, перелетать с дерева на дерево, планируя, спускаться с вершины дерева на землю. На острове Ява живут летающие лягушки, достигающие в длину 7,5 сантиметра,

Яванская летающая лягушка.

сверху зелёные, а снизу яркожёлтые. Днём они спят, приклеившись брюхом и лапками к зелёному листу, а ночью, перелетая с дерева на дерево, охотятся за светлячками и другими ночными насекомыми.

Очень разнообразны и звучны голоса тропических лягушек. Все путешественники, побывавшие в тропиках, рассказывают о сильном впечатлении, которое производит их «пение».

Днём в тропических лесах совершенно не слышно столь привычного для нас птичьего пения.

Его заменяет немелодичная болтовня попугаев и туканов, перелетающих с места на место в кронах высоких деревьев. Иногда слышатся резкие, неприятные крики обезьян.

Зато с наступлением темноты леса оглашаются самыми разнообразными голосами лягушек, напоминающими то мелодичные звуки виолончели, то бычий рёв, то стрекотание кузнечика, то звон колокольчика, то карканье вороны, то барабанный бой, то душераздирающие крики. Крупная южноамериканская жаба ага хрипло лает, как надорвавшая голос собака, а лягушка-свистун резко свистит. Голос квакши-кузнеца, тоже живущей в Южной Америке, звучит, как удар молота по наковальне. Большую североамериканскую лягушку-вола слышно на расстоянии нескольких километров.

ПОЧЕМУ ЛЯГУШКИ НЕ ПЬЮТ ВОДУ

На голой коже лягушек нет ни волос, ни чешуи, ни рогового панцыря. Всегда влажная, покрытая слизью кожа их участвует в дыхании и водном обмене. Лягушка дышит не только лёгкими, но и через кожу, и если искусственно лишить её этой возможности, то она быстро погибнет от удушья.

В Африке живёт одна очень странная, волосатая жаба. Но при рассмотрении её «волос» выяснилось, что это тонкие волосовидные выросты кожи, при помощи которых лягушка дышит, так как лёгкие у неё недоразвиты.

Кожа лягушки испаряет очень много влаги. Поэтому в странах с сухим климатом лягушки весь жаркий день проводят в воде или в каком-нибудь укромном убежище и только ночью, когда становится прохладнее, выбираются на сушу для охоты.

Через кожу лягушки не только испаряют, но и поглощают воду. Поэтому-то лягушки никогда не пьют воду.

ГДЕ ЗИМУЮТ ЛЯГУШКИ

Ранней весной, как только сойдёт с полей снег и по ложбинам и оврагам побегут весёлые, бурливые ручьи, появляются лягушки. Всю зиму они пролежали на дне водоёмов, зарывшись в ил. Зимой в самые трескучие морозы лягушкам было тепло под толстым слоем льда и воды. Правда, бывает, что мелкие пруды и болота промерзают до дна, и стужа подбирается к лягушкам и они замерзают. Но если температура их тела не ниже — 4°С, то весной, когда солнечные лучи растопят лед, замерзшие лягушки оттаивают. Медленно-медленно сокращается их сердце: «Тук... тук... тук...»,— потом чаще начинает биться пульс, и лягушки оживают, выбираются из вязкого ила и всплывают на поверхность воды. Яркие лучи солнца ослепляют их. Лес звенит птичьими голосами. Лягушки, согретые солнечным теплом, прыгают по берегу, и вскоре их радостные голоса присоединяются к общему хору весенних певцов.

ЖЕРЛЯНКА И ПРУДОВАЯ ЛЯГУШКА

С ранней весны и до позднего лета в прудах и канавах с мутной, зеленоватой водой слышится тоскливый голос жерлянки. Поющая лягушка лежит, распластавшись на поверхности воды, и, надуваясь, через равные промежутки времени издаёт унылый звук «у». Поэтому жерлянку зовут ещё «укалой». Её легко отличить от других наших лягушек: у неё бурое брюхо с яркооранжевыми пятнами и тёмнобурая спина.

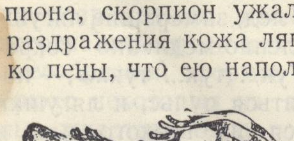

Жерлянка.

Бородавчатая кожа жерлянок выделяет едкую жидкость, поэтому жерлянок не едят ни птицы, ни звери, ни рыбы. После того как вы подержали в руках жерлянку, обязательно вымойте руки, чтобы оставшаяся на них слизь не попала в глаза или рот и не вызвала раздражения слизистых оболочек.

Жерлянка редко и ненадолго выходит из воды, обычно это бывает в сумерки. Если вам удастся застать её на суше, то не упускайте случая понаблюдать за её поведением.

При приближении человека жерлянка вдруг резким движением изгибается дугой, прогибая спину, передние лапы закладывает за затылок, а задние поворачивает ступнями вверх так, что хорошо становится видно её яркое брюхо, и застывает в такой позе на несколько секунд, пока опасность не минует. Так она предостерегает врага от нападения. Если же враг всё-таки пытается схватить жерлянку, кожа её начинает выделять пенящуюся слизь, как мыльная пена, покрывающую сплошь всю лягушку. Однажды в банку с жерлянкой посадили скорпиона, скорпион ужалил её, и от сильного раздражения кожа лягушки выделила столько пены, что ею наполнилась вся банка.

Жерлянка защищается.

Вместе с жерлянками в прудах и канавах живут зелёные прудовые лягушки. Их называют ещё малыми зелёными, или съедобными, лягушками. Во многих странах Западной Европы жареные задние ножки этих лягушек считаются лакомым блюдом. Из нежного мяса лягушек приготавливаются питательные диетические бульоны.

Зелёная, или прудовая, лягушка.

Ловят этих лягушек осенью, когда они наиболее упитанны. Ловят их сетями и на удочку, бьют из духовых ружей и даже из луков стрелами, привязанными на ниточках. Каждый год добывают много миллионов лягушек. Во Франции и Италии вокруг крупных городов эти лягушки почти совсем уничтожены.

Кваканье прудовой лягушки можно слышать в течение первой половины лета. Это — обычное лягушечье кваканье: «Квокс, квокс». Понаблюдайте за лягушкой, и вы увидите, как по бокам её головы надуваются два больших белых пузыря, а когда лягушка замолкает, пузыри исчезают. Это раздуваются голосовые мешки, или резонаторы, служащие для усиления звука. Поэтому голос лягушки звучит глухо, как из бочки. Резонаторы есть только у самцов.

Жерлянка и прудовая лягушка живут в небольших стоячих водоёмах, а в проточных водах и больших водоёмах, более удалённых от населённых мест, обычно встречаются другие лягушки: крупные, до десяти сантиметров в длину, зелёные озёрные лягушки. Озёрная лягушка часто выходит на сушу и любит греться на солнце, но она никогда не удаляется от водоёма. Она располагается на земле или корягах и камнях на таком расстоянии от воды, чтобы в случае опасности одним прыжком оказаться в воде. При приближении кого-нибудь лягушка плюхается в воду, но, проплыв несколько метров под водой, обязательно выглядывает и с любопытством смотрит из воды на того, кто нарушил её покой.

Озёрная лягушка.

Эта лягушка очень прожорлива, она поедает червей, улиток, всевозможных насе-

комых, даже пчёл и ос, несмотря на их жало, тритонов, головастиков, мелких рыбок, а иногда даже нападает на певчих птичек и пуховых утят. Однако вред, причиняемый этой лягушкой, незначителен и с избытком искупается той пользой, которую она приносит.

СУХОПУТНЫЕ ЛЯГУШКИ

В лесу и в поле у нас живут сухопутные бурые лягушки: травяная и болотная или остромордая.

Травяная лягушка.

Травяная лягушка — невзрачная серо-коричневая лягушка — самая северная из наших лягушек. Она пробуждается от зимней спячки раньше всех лягушек — в конце марта или в начале апреля, когда ещё лежит снег на полях. В это время самцы остромордых лягушек надевают красивый брачный наряд: их кожа приобретает синий оттенок, подобный синевато-фиолетовому налёту на кожице спелых слив, по которому их легко отличить от коричневых самок.

Если вам случится весной наблюдать за травяной лягушкой в воде, то вы ни разу не заметите, чтобы хоть одна из них поймала и съела муху или комара. Иной раз насекомое сядет чуть ли не на голову лягушке, а та даже не шевельнётся, чтобы его схватить. В другое время неосторожные насекомые, конечно, поплатились бы жизнью за это, но сейчас лягушкам не до них: они заняты метанием икры. С момента пробуждения и в течение всего периода размножения лягушки ничего не едят. Последний раз они ели осенью прошлого года и с тех пор всю зиму и весну соблюдали строгую «диету». Отложив икру, лягушки выходят на сушу, разбредаются по окрестным лесам и лугам и с жадностью набрасываются на комаров, мух, слизняков и червей.

На травяную лягушку очень похожа болотная лягушка, которая любит жить в заросших осокой болотах. Её легко отличить по молочно-белому брюху.

Ранней весной в лесных болотах, на сырых полянах слышится её негромкий и монотонный голос, напоминающий бульканье воздуха, выходящего из горлышка погружённой в воду бутылки. Издали хор болотных лягушек можно принять за журчание ручейка или отдалённое бормотание токующих тетеревов. Случается, что неопытные охотники и путают лягушек с тетеревами.

Болотная лягушка.

На этих лягушек очень похожа ещё одна, обитающая в европейской части Союза — лягушка-чесночница. Отличить её от бурых лягушек можно по зрачку глаза: у чесночницы зрачок вертикальный, как у кошки, у травяной и болотной лягушек он горизонтальный, а у жерлянки — треугольный.

Чесночница живёт на болотах и влажных лугах, хотя встречается и в садах и в огородах, но всюду она ведёт скрытный образ жизни. Днём её никогда не увидишь: она прячется в норах, земляных щелях или под камнями и корягами. Только с наступлением темноты чесночница выходит на охоту за жуками, пауками и другими насекомыми. Почуяв опасность, чесночница начинает энергично закапываться в землю, причём так же, как и жаба, она роет землю задними ногами и с удивительной быстротой погружается в почву, так что вскоре лишь одна её голова остаётся на поверхности, через мгновение и она скрывается под землёй. Иногда чесночница зарывается в землю на глубину до одного метра! Постоянных нор у этой лягушки нет, после охоты перед рассветом она вырывает себе новое убежище.

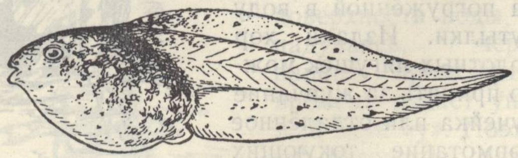

Чесночница.

Весной, в период размножения, её можно видеть и днём в небольших водоёмах. Тогда часто слышится её голос: негромкие однообразные звуки «тук-тук-тук». Чесночница — единственная из наших лягушек, у которой голосом обладают и самки, только их голоса звучат более глухо.

Чесночница замечательна ещё и тем, что головастики у неё больше взрослой лягуш-

ки: при длине лягушки около шести сантиметров её головастики достигают десяти и даже двенадцати сантиметров! К моменту превращения в лягушат головастики уменьшаются в размерах. Однако только что закончившие превращение лягушата всё же бывают в длину около трёх сантиметров.

Головастик чесночницы.

Такое же явление — гигантизм головастиков — наблюдается и у тропической лягушки псевдис, обитающей в Гвиане. Длина головастика псевдиса достигает двадцати пяти сантиметров, хотя взрослая лягушка не больше чесночницы!

На Украине, в Крыму и на Кавказе живёт ещё одна небольшая лягушка. Её называют обыкновенной квакшей.

Квакша.

Эта симпатичная изумрудно - зелёная лягушечка живёт на деревьях, по которым она лазает с изумительной ловкостью. На концах пальцев квакши есть небольшие круглые подушечки. Когда квакша прижимает лапку к скользкому листу или стволу дерева, она при помощи присосок, спрятанных в подушечках, прикрепляется к ним. При переходе на другое место квакша расслабляет мышцы, втягивает присоски в подушечки, и её лапки отстают от листьев. Большими скачками прыгает она с ветки на ветку, с листа на лист, быстро приклеивается к ним и так же быстро отклеивается, перепрыгивая с места на место так же уверенно, но с большей ловкостью и лёгкостью, чем лягушки на земле. Квакши кричат громко и пронзительно, много раз подряд. Когда вы услышите квакшу первый раз, вы не поверите, что это кричит маленькая лягушка: её крик напоминает крик хищной птицы или зверя.

Вы подходите ближе и ближе, пытаясь разглядеть столь пронзительно кричащее существо. Вы вплотную приближаетесь к кусту, из которого, как вам кажется, исходят эти звуки, но ничего не видите. Крик неожиданно смолкает, и вы теряетесь в догадках, что же это такое было. Разглядеть сидящую на ветке квакшу очень трудно. Её отлично маскирует защитная зелёная окраска, а кроме того, при приближении врага она быстро перескакивает на нижнюю поверхность листа и таким образом совершенно скрывается из поля зрения.

Если же удастся увидеть кричащую квакшу, то ваше внимание привлечёт большой пузырь — резонатор, вздувающийся у неё под горлом. У самцов прудовой и озёрной лягушек по бокам головы вздувается два таких пузыря, у самца квакши он один. Когда квакша молчит, её резонатор заметен в виде бурой складки кожи на горле. Если такой складки на горле нет, то перед вами самка квакши.

Две зелёные, две бурые, жерлянка и чесночница — вот и все лягушки, приспособившиеся к суровому климату наших широт.

ЖАБЫ

Урожай наших садов и полей во многом зависит от жаб. Жабы уничтожают множество вредных насекомых и их личинок.

В центральных областях Европейской России обитают два вида жаб: серая и зелёная. У этих жаб в отличие от лягушек бородавчатая кожа, передние и задние ноги почти одинаковой длины, а главное — обе они беззубые (у лягушек в верхней челюсти имеются зубы).

Голая кожа жаб выделяет много ядовитой слизи, особенно ядовиты тропические жабы. Индейцы отравляют стрелы ядом крупной жабы — аги; ещё сильнее действует кожный яд маленькой южноамериканской

Жаба серая.

лягушки — пятнистого древолаза: капля этого яда в течение нескольких минут может убить оленя или ягуара.

Кожные выделения наших жаб тоже очень ядовиты: попав в большом количестве в кровь, они вызывают столбняк и паралич сердца.

Жабы, подобно чесночнице, днём прячутся под пнями или стволами деревьев, под

Жаба зелёная.

камнями или в ямах. Обитающая в Западной Европе жаба-повитуха роет норы до двух метров в длину. На охоту жабы выходят в сумерки, и только в пасмурную, сырую погоду они иногда охотятся днём. Если вы заметите жабу, обязательно понаблюдайте, как она передвигается. Вы увидите, что жаба делает не большие прыжки, как лягушка, а маленькие скачки, так что кажется, будто она бежит рысью.

Размножаются жабы так же, как и лягушки, в воде.

Выйдя из воды, они первое время держатся вокруг водоёмов, в которых вывелись. Малюсеньких жабят огромное множество (ведь серая жаба откладывает до шести тысяч яиц, а зелёная — до двенадцати тысяч), но лишь немногие из них доживают до зрелого возраста.

Зимуют жабы не в воде, а на суше, забираясь в мышиные и сусличьи норы, в ямы под домами и в погреба. Нередко в одном месте собирается много жаб.

Это очень долговечные животные; были случаи, когда в неволе жаба жила до сорока лет. Наверно, некоторые из них в природе доживают и до более преклонного возраста.

ЧТО И КАК НАБЛЮДАТЬ

В нынешнем году весна сильно запоздала. Запоздали в своём развитии и головастики. Многим из них придётся зимовать на дне водоёмов, и лишь на следующий год они превратятся в лягушек.

Головастиков удобно наблюдать. Поймайте сачком в пруду несколько головастиков, посадите их в аквариум или в банку с водой. Если головастики малы, то в банку обязательно нужно поместить водяные растения: элодею, ряску или роголист,— которые можно выловить тут же, в пруду.

Понаблюдайте за развитием головастиков. Вначале вы заметите по бокам их головы по три нежные перистые веточки. Это наружные жабры, с их помощью головастики дышат растворённым в воде кислородом. У рта головастика находится орган прилипания, похожий на присоску. Из него выделяется липкая слизь, которой головастик приклеивается к водным растениям.

Вскоре орган прилипания исчезает, исчезают и наружные жабры. Вместо них образуются внутренние жабры и одновременно с ними — лёгкие.

Обратите внимание на рот головастика: у него настоящий роговой клюв! Этим клювом головастик соскабливает тонкую кожицу с листьев и стеблей водных растений вместе с сидящими на них микроскопическими водорослями и животными. Это его основная пища.

Когда головастик немного подрастёт, он будет охотиться за инфузориями, коловратками, рачками. В это время ему уже не нужен клюв, и вы заметите, как он кусок за куском начнёт отпадать и вскоре совсем исчезнет.

А что дальше произойдёт с головастиком? До сих пор он был безногим, а теперь снизу, у основания хвоста, у него появились два маленьких бугорка. Эти бугорки быстро увеличиваются и вскоре превращаются в задние лапки. В это же время у головастика развиваются и передние лапки, но они скрыты под кожей, и их не видно. К моменту превращения головастика в лягушку передние лапки прорывают покрывающую их сверху кожицу и выходят наружу; животное сбрасывает хвост и превращается в маленького лягушонка, который впервые выходит из воды на сушу.

Вы, наверное, записали в дневнике, какого числа и месяца пойманные головастики были посажены в банку, загляните в свои записи и выясните, сколько времени продолжалось их развитие. Вы увидите, что для этого потребовался немалый срок: головастики превращаются в лягушат не раньше чем через два — три, а у озёрной и прудовой лягушек — и через четыре месяца.

Безобидным лягушкам приходится много терпеть от невежественных людей, которые без всякого повода и смысла преследуют и убивают их. Мелкие пташки, и те защищаются от врага своим клювом. У лягушек нет и такого «оружия». Они совершенно беззащитны. Помните о том, что лягушки — наши друзья, и защищайте их.

КУЗНИЦА НА ЗАВОДЕ

О прочности и крепости металла сложено много поговорок. Родились эти поговорки очень давно, но и теперь мы удивляемся прочности орудийной стали, выдерживающей давление пороховых газов в несколько тысяч атмосфер, и поражаемся крепости стальных тросов, поддерживающих тысячетонные висячие мосты.

Людям, жившим много веков назад, когда металл только входил в обиход, он, наверно, казался настоящим чудом. Много труда надо было приложить, чтобы добыть металл и превратить его в ножи, мечи и серпы. Долгое время единственным способом его обработки была ковка. Кусок бронзы или железа раскаляли, и когда он становился податливым, мягким, с силою били по нему молотами, чтобы придать ему нужную форму. При этом металл делался прочнее.

Многие столетия кузница оставалась такой, какой мы видим её на рисунках древних художников. Та же наковальня, тот же молот, те же клещи. Да других инструментов кузнецам и не нужно было. В те времена из металла делали только небольшие изделия.

Когда же понадобилось ковать слитки весом в сотни килограммов, на смену ручному молоту пришёл механический. Он весил несколько сотен килограммов и насаживался не на палку, а на толстое бревно. Поднимался он над наковальней силой водяного колеса. Потом на смену воде пришёл пар, и появились паровые молоты огромной силы. Пять, десять, а иногда даже сто тонн весили такие молоты, вернее, их части, падающие на поковку.

Стотонные молоты в кузнице не прижились. Их заменили прессы, которые с силой в несколько тысяч тонн давят на раскалённый металл. Остались молоты поменьше, в несколько тонн весом.

И всё же у такой кузницы было много общего с теми, которые были на заре кузнечного дела.

Словно крутое тесто, на которое сверху давит рука пекаря, металл под ударом молота раздаётся в стороны. Кузнец то и дело поворачивает поковку то одной, то другой стороной, чтобы она приобрела нужную форму. Такая ковка называется свободной ковкой.

Эта штамповочная машина обрабатывает холодную сталь. Она делает шестьдесят гаек в минуту.

Много труда требует она от кузнеца, много времени тратит он на каждое изделие, и всё-таки ему никогда не удаётся выковать его с такой точностью, как нужно. В современную машину деталь, изготовленную свободной ковкой, поставить нельзя. Точность, которую требуют сегодня машиностроители,— десятые и сотые доли миллиметра, а поковка, снятая с наковальни, может быть, например, длиннее или короче на несколько миллиметров. Поэтому детали, сделанные свободной ковкой, отправляют в механические цехи, где их обрабатывают на токарных, шлифовальных и других станках. Инструменты срезают с поковок излишек металла и доводят размеры деталей до нужной точности.

При этом много металла превращается в стружку, которую уже никуда, кроме как в переплавку, пустить нельзя. Стружки получается очень много. Например, если коленчатый вал двигателя вытачивать на токарном станке, то стружка будет весить в два раза больше, чем готовый вал.

Ещё в прошлом веке кузнецы нашли способ ковать металл по-иному, с бо́льшей точностью.

Представьте, что надо выковать шар. На обычном паровом молоте придётся долго поворачивать поковку, чтобы добиться более или менее правильной формы, а потом этот шар нужно ещё обтачивать на станке.

Но можно поступить и по-другому: в наковальне и в бойке, который падает на неё сверху, сделать полости — полушария. Теперь, если мы положим в нижнее полушарие кусок нагретого металла и пустим молот в ход, кусок быстро примет форму шара. Точность, с которой шар будет сделан, намного больше, чем при свободной ковке.

Так можно ковать не только шары, но и детали другой формы. Надо только сделать соответствующие полости в наковальне и бойке. Этот способ называется штамповкой, а боёк и наковальня с полостями (как говорят кузнецы, ручьями) называются штампами.

Мы здесь описали точную ковку упрощённо. В действительности поковка не сразу, не в одном ручье, превращается в готовую деталь. Штампов делают два или три. В первом металл получает только приблизительную форму, а в последнем — окончательную.

Детали, вышедшие из-под штампа, как правило, тоже приходится обрабатывать потом на станках. Но уже не целиком, а только те части, которые будут соприкасаться с другими деталями,— для уменьшения трения между ними. И тут приходится срезать совсем немного металла. Применение штампов уменьшает расход металла в нашей стране на несколько миллионов тонн в год. А ведь это годовая выплавка нескольких больших доменных печей!

Вот почему наша промышленность выпускает с каждым годом всё больше и больше штампов и других машин для кузнечно-штамповых цехов.

Теперь и у штамповочных машин появились соперники. Сейчас в кузнечных цехах можно увидеть так называемые механические прессы. Они тоже имеют несколько ручьёв, но не бьют по металлу, а с огромной силой сдавливают его, заставляя как бы растекаться по ручью. Этот способ ковки оказался ещё более быстрым и выгодным, чем простая штамповка. Многие детали, которые раньше могли делать только с помощью штамповки, сейчас прокатывают.

В валках, между которыми бежит раскалённый металл, делают ручьи, например, такие же полушария. Металл заполняет их, и шар готов. Именно так и делают теперь стальные шары для подшипников, для мельниц.

Кузнечно-штамповый цех есть на каждом машиностроительном заводе. Автомобили, тракторы и многие другие машины делаются из частей, изготовленных на штампах; паровоз на две трети собран из таких частей. Только немногие детали автомобиля и самолёта минуют кузнечно-штамповый цех.

Издавна живёт поговорка: «Куй железо, пока горячо». Но в современной кузнице мы увидим машины, около которых нет пышущих жаром печей для нагревания металла. Эти мощные машины легко, словно воск, обминают и вытягивают холодную сталь. На таких машинах делают главным образом болты, гайки и другие небольшие детали, и их совсем не приходится обрабатывать на станках.

Работают эти «холодные» штампы очень быстро. Многие из них снабжены автоматическими устройствами, и кузнец, стоящий у машины, должен только следить за их работой. На фотографии показана одна из таких машин, делающая гайки. Шестьдесят гаек в минуту изготавливает она. Другая машина в минуту производит сто сорок болтов. За это время на токарном станке-автомате можно сделать всего три — четыре такие же детали.

Вот какие замечательные машины работают сегодня в кузнице!

Почему и отчего

Золотой цехин

Дорогая редакция!

Я нашёл монету и очень хочу знать, что это за монета, какого она народа и какая на ней надпись. По-моему, буквы на ней арабские.

Анатолий Чередник,
школа № 13, город Фергана, Узбекская ССР.

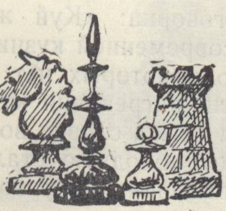

Найденная тобой, Анатолий, монета принадлежит чекану турецкого султана Махмуда II. Отчеканена она на Константинопольском монетном дворе в 1246 году хиджры (по мусульманскому летоисчислению), или, по нашему, в 1830—1831 годах. Монета золотая, стоимостью в один цехин. Надписи на ней сделаны действительно арабскими буквами, так как в Турции употреблялся арабский алфавит. Он заменён латинским всего тридцать один год назад.

У некоторых народов монеты чеканились с дырочкой посредине, чтобы нанизывать их и носить связками. Но дырочка на твоей монете, Анатолий, пробита позднее. Повидимому, этот золотой цехин служил украшением: вплетался в косы, нашивался на тюбетейку или вместе с другими монетами был частью ожерелья. Здесь, на фотографии, монета увеличена. В действительности её диаметр 2 см.

С. Янина,
научный сотрудник отдела нумизматики Государственного исторического музея.

Чатуранга

Дорогая редакция!

Скажите, пожалуйста, кто надумал игру в шахматы и когда?

Федя Мурадов,
ученик 6-го класса средней школы № 6, город Коканд, Узбекская ССР.

Происхождение шахмат уходит вглубь веков. Точно не установлено, в каком году и кем были изобретены шахматы. Достоверным можно считать лишь то, что шахматы появились на Востоке, в Индии, около двух тысяч лет назад.

О происхождении шахмат существует много различных легенд. Одна из них говорит, что игру эту придумал мудрый старый брамин для своего воспитанника — молодого раджи. Научив его играть в шахматы, мудрец сказал:

— Эта игра показывает тебе, что сила в народе, а не в царе. Царь без народа бессилен.

Восхищённый шахматами раджа обещал в награду всё, чего ни пожелает изобретатель.

Тут мудрый и лукавый брамин решил дать своему воспитаннику ещё один урок. Он потребовал в награду пшеничных зёрен: на первое поле шахматной доски — одно пшеничное зерно, на второе поле — два зерна, на третье поле — четыре зерна и так далее, чтобы на каждом следующем поле доски число зёрен удваивалось.

Раджа удивился скромности брамина и повелел немедля удовлетворить его желание. Но когда приступили к делу, оказалось, что ни у раджи, ни у всех его подданных не найдётся достаточно пшеницы.

Чтобы получить столько зёрен, надо было бы всю сушу земного шара 76 раз засеять пшеницей.

Древние индийские шахматы назывались **чатуранга.** Первоначально шахматную партию играли вчетвером. Шахматы изображали войско — у каждого из четырёх играющих было по восьми фигур: полко-

водец, слон, корабль, всадник и четыре пехотинца. Игроки по жребию разделялись на две пары, которые и играли друг против друга. С течением времени шахматы стали игрой двух «противников».

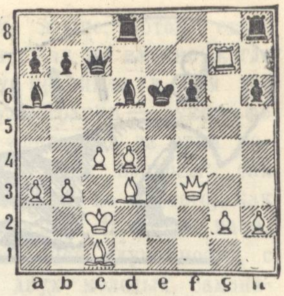
В V—VI веках шахматы стали известны и в других странах Азии, а в VII веке с этой игрой познакомились арабы. У них она стала называться «шатрандж». Особого расцвета достигло шахматное искусство у арабов в IX—X веках.

В арабских, да и в других древних шахматах ходы некоторых фигур были иными. Лишь король, ладья и конь двигались так же, как сейчас. Ферзь ходил лишь на одно поле вкось. Слон совершал прыжок по диагонали через одно поле. Пешки и с начального положения продвигались только на одно поле. Дойдя до последней горизонтали, они могли быть превращены лишь в ферзя. Правил рокировки не существовало. Партия в те времена считалась выигранной не только при объявлении мата, но и в случае пата, а также при «истреблении» всех фигур одного из играющих.

Страстным любителем шахмат был знаменитый монгольский завоеватель Тамерлан. При дворе Тамерлана жил иранский шахматист Хайя Али Шатрандж — автор следующей любопытной задачи.

Белые начинают и дают мат в 8 ходов. Учтите, что фигуры в этой задаче ходят по арабским правилам «шатранджа», а не так, как принято сейчас. Вот решение:

1. d4—d5+; Кре6—е5
2. Лg7—е7+; Кре5—f4.
3. Ле7—е4+; Крf4—g5.
4. Ле4—g4+; Крg5—h5.
5. Лg4—g7; f6—f5
6. Cd3 : f5; ∞ (любой ход)
7. Фf3—g4+; Крg5—h4
8. g2—g3×...

В Европе шахматы стали известны уже в X веке, от арабов. А современные правила игры сложились в эпоху Возрождения — в XV—XVI веках.

К народам древней Руси шахматы проникли непосредственно с Востока благодаря торговым связям. Об этом свидетельствуют различные памятники русской старины. В одной из былин говорится, что Илья Муромец, Добрыня Никитич и Михайло Поток отправляются в разные государства собирать дань. Первые два богатыря без особых приключений получают дань, а Михайле Потоку пришлось сначала обыграть в шахматы шведского короля. В другой былине Михайло Поток отправляется к турецкому королю, чтобы отомстить за поражение, которое понёс в шахматном состязании князь Владимир.

Французская хроника (летопись) XVII века рассказывает о посольстве, приехавшем из Москвы к Людовику XIV: «Эти русские превосходно играют в шахматы; наши лучшие игроки перед ними школьники».

В. Люблинский,
мастер СССР по шахматам.

На Луну...

Дорогая редакция!
Я прочитал в одной книге слова академика А. Н. Крылова о том, что на другие планеты люди смогут летать, когда овладеют энергией атома. Вот теперь ею уже овладели, а почему же не летят на Луну?

Евгений Гусев,
село Сарай, Рязанская область.

Существующие атомные установки очень тяжелы из-за мощной изоляции, которую приходится делать, чтобы обезопасить людей от сильного радиоактивного излучения.

Реактор — атомный котёл, который действует на атомной электростанции,— сам по себе весит не очень много, а изоляция весит десятки тонн, и пока не найдена изоляция, которая позволила бы уменьшить этот вес, ни о каких полётах не может быть и речи. Наши физики и конструкторы стараются найти лёгкую изоляцию.

Задача создания лёгкого атомного двигателя не единственная, которую надо решить. Есть вторая, тоже очень серьёзная. В полёте ракета, несомненно, будет встречать метеорные тела разных размеров. Земля на своём пути каждые сутки встречает десятки миллионов таких метеорных тел.

Но ракета будет иметь скорость, намного меньшую, чем скорость движения Земли по своей орбите, и размеры её тоже несравнимы с размерами Земли. Следовательно, для ракеты эту цифру надо сильно уменьшить.

Большинство метеорных тел крохотного размера: ну, скажем, с вишнёвую косточку, с пшеничное зёрнышко. Но летят они в пространстве с огромной скоростью, проходя десятки километров в секунду!

Столкнувшись с ракетой, даже маленькая метеорная частица может пробить стенку межпланетного корабля. Для предотвращения этой опасности надо покрыть ракету такой бронёй, которая служила бы надёжной защитой при этих встречах.

Эта броня должна быть очень прочной и лёгкой. Над изобретением такой брони работают наши учёные и инженеры, и, несомненно, они найдут, из чего её надо сделать.

Е. Владимирова

ПО СЛЕДАМ СЛОВА

В 1925 году я ещё не был писателем, но собирался сделаться им. В те времена я был студентом.

Однажды ко мне пришёл мой друг, которого, как и меня, звали Львом: меня — Львом Васильевичем, его — Львом Александровичем.

— Слушай, Лёва,— сказал он мне,— давай-ка напишем роман. Приключенческий. У меня первая глава уже готова, только что дальше делать, ещё не знаю. Действие начинается в городе Баку, я там жил. Иностранные капиталисты засылают в город нефти шпионов и диверсантов... Идёт?

— Идёт! — охотно согласился я. И мы дружно засели за работу.

Писать пером по бумаге мы считали недостойным современной техники: достали колченогую машинку и отстукивали на ней главу за главой прямо набело. Один, по очереди, диктует, другой печатает.

Ничто нас тогда не смущало. На сочинённых нами страницах вскоре закипела бурная жизнь. Контрабандисты пытались переправлять за границу царские брильянты. С неба на землю упал радиоактивный метеорит. Изобретательные шпионы зашили дога в шкуру сенбернара и между двумя шкурами хранили выкраденные документы. Однако проницательные пограничники своевременно разоблачили их козни. Мы изобрели «экскаватор марки ГР», небывалое «подземное судно», которое носилось под землёй. Выдумали мы и ещё уйму несообразного.

Как это ни удивительно, роман был дописан до конца и даже вышел в свет в Харькове в 1928 году. Назывался он «Запах лимона». Фамилия автора значилась, как Лев Рубус: меня зовут Львом **Ус**пенским, а моего друга — Львом **Руб**иновым. На обложке книги было нарисовано совсем уж таинственное и жуткое: чемодан с похищенными документами, рука в перчатке, у которой указательный палец отрезан напрочь, шахматная доска и три загадочные буквы: НТУ. Вот из-за этих букв и этой доски я и вспомнил сейчас такую давнюю историю: именно они натолкнули меня на мысль написать совсем другую книгу, «Слово о словах», о которой меня попросили рассказать вам сегодня. Как же это получилось?

Раз уж мы вздумали писать о шпионах, нам, естественно, понадобилось, чтобы они посылали друг другу шифрованные записки; зарубежные хозяева приказывали своим порученцам стереть с лица земли важнейшие отрасли советского хозяйства: НЕФТЬ, ТРАНСПОРТ и УГОЛЬ — НТУ.

Мой друг, человек хитроумный и, кроме того, шахматист, взялся зашифровать самый главный документ. Ключом к шифру, решил он, будет стихотворение Пушкина «Русалка». Дня три спустя он пришёл ко мне расстроенный и удивлённый. Работа пошла насмарку, и почему? Во всём этом длинном стихотворении не оказалось ни одной буквы «ф»: слово «нефть» зашифровать не удавалось!

Что делать с такой странной случайностью? Было решено перешифровать текст по поэме «Полтава». Она велика, в ней-то уж все буквы есть! Каково же было наше изумление, когда и в «Полтаве» мы не обнаружили ни единой буквы «ф»! Тысяча пятьсот строк; сотни «п» и «к», множество «м» и «н», а «ф» ни одного, как на смех... Да что же, Пушкин питал болезненное отвращение к этой букве?

Так слово «нефть» и осталось неза-

шифрованным до конца: «НЕ — тире — ТЬ». «НЕ—ТЬ». Попутно мы сообщили читателям о курьёзе: в «Полтаве» нет «ф»!

Однако такое решение меня не удовлетворило. Я начал добиваться: как этот курьёз мог произойти? И вскоре убедился, что дело тут много хитрее, чем казалось сначала.

Во-первых, я нашёл в «Полтаве» целых три «ф». Но так как два из них стоят в повторяющемся дважды слове «анафема» (по-гречески — «проклятие»), то в том старинном издании, которым мы тогда пользовались, они были заменены дореволюционной буквой «фитой». А третьего «ф» мой друг просто не заметил: оно находилось на 378-й строке «Полтавы» в скромном слове «цифр», которое, кстати говоря, здесь имеет старинное значение «шифр», а вовсе не «цифра». Само собой, это не уничтожило моего удивления: полторы тысячи строк, примерно тридцать тысяч разных букв, и среди них только три жалких «ф»! Почему так мало?

Я взялся за другие стихи, сначала Пушкина, потом иных поэтов. О чудо! Почти везде злосчастное «ф» было такой редкостью, точно все его избегали. Недоумение моё только усилилось.

Оно росло до тех пор, пока мне не пришло в голову проверить: в каких же именно словах эта буква всё-таки встречается? И тут всё стало ясно. Слово «анафема» — слово греческое, «цифр» — арабское. В «Сказке о царе Салтане» «ф» встречается трижды в слове «флот», но оно взято из латыни. В «Демьяновой ухе» действует, как известно, Фока; однако слово «фока» по-гречески значит «тюлень». Иначе говоря, чисто русских слов с буквой «ф» в начале, конце или середине совсем не существует в природе, все они заимствованные, чужие по происхождению. И не удивительно, что наши крупнейшие поэты, стремясь к наибольшей чистоте родного языка, неохотно пользовались такими словами-иноземцами.

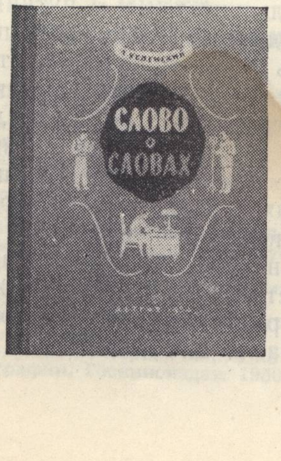
Всё это показалось мне, во-первых, совершенно неожиданным и, во-вторых, очень интересным. Мне захотелось выяснить смежный вопрос, уже не о букве «ф», а о звуке «ф»

в нашем языке. Потом стало любопытно, как же именно, когда и почему проникли к нам две сестры-чужестранки — буква «ф» и буква «фита». А за этим пошли ещё и ещё вопросы: они возникали один из другого, как куклы-матрёшки. И всё это началось с забавной случайности, с попытки двух молодых самонадеянных авторов зашифровать записку для сочинённого ими романа.

Мало-помалу мне стало ясно: родную речь нашу, наш язык мы знаем далеко не достаточно. Понял я и другое: законы языка, жизнь не только слов, но даже отдельных звуков и букв нашей речи полны живого интереса. Напрасно многие думают, что скучнее грамматики нет ничего на свете: это увлекательнейшая наука, нужно только подойти к ней с надлежащей стороны.

Тогда я и решил написать книгу о жизни слов, написать так, чтобы её чтение было занятием не только полезным, но и увлекательным и даже весёлым. Это оказалось делом далеко не простым. Понадобилось много лет внимательного наблюдения за языком, собирания наиболее убедительных и острых примеров его жизни. Если я всё-таки закончил свою работу, то только потому, что, будучи, с одной стороны, писателем, а с другой — филологом, языковедом по образованию и по занятиям, я всё время сталкивался со словами: преподавал язык, работал в словарях, изучал древнюю нашу литературу. Из всего, что мне удалось собрать, и составилось «Слово о словах».

Два важных обстоятельства сильно облегчили мою задачу. Во-первых, мне оказали большую помощь своими советами мои друзья, учёные-лингвисты: С. Г. Бархударов, Р. А. Будагов, Б. А. Ларин, А. А. Реформатский и другие, которым я очень за это благодарен. А главное, в 1950 году вышла в свет замечательная работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Языковеды всей нашей страны получили в ней прекрасное руководство для своих работ.

Благодаря этому «Слово» вышло в свет. А каким оно оказалось, судить об этом — уж дело его читателей.

Лев Успенский

СПУТНИК ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕГО КАПИТАНА

В дальней дороге разные бывают встречи. Иной раз попадётся такой попутчик, что из него и слова не вытянешь. Другой, наоборот, трещит без умолку о пустяках.

Но случается, если повезёт, попадётся такой спутник, который знает много и рассказывать умеет хорошо. С таким спутником самая трудная дорога легче, самый дальний путь короче.

От парты до капитанского мостика корабля — долгий и трудный путь. И вот недавно ребятам, которые выбрали в жизни этот нелёгкий путь, повезло: на их дорогах к морю появился замечательный попутчик — «Спутник пятнадцатилетнего капитана».

С синей обложки «Спутника» глядят на читателя Нептун и Сирена... На всех парусах спешит куда-то старинный трёхмачтовый корабль... Картушка морского компаса уверенно указывает курс, а флаги сигналят о том, что курс выбран правильно.

Заманчивая, обещающая обложка! Страшно даже раскрыть книгу: вдруг там дальше пойдут скучные рассказы о том, что и так давным-давно известно каждому, кто мечтает о море?

Но вот переворачиваешь страницу, другую, третью...

...О первых мореплавателях, имена которых затерялись в глубине тысячелетий... О неуклюжих челнах первобытного человека... Об утлом корабле Одиссея...

И — удивительное дело! — всё это читано и перечитано много раз, а читать всё равно интересно. Не потому, что как-то по-особенному разговаривают авторы этой книги А. Антрушин и Л. Успенский. Нет, разговор идёт простой, серьёзный, короткий. Но за каждым сказанным словом слышится ещё много несказанных слов, и видно, что «Спутник» мог бы и тут рассказать немало нового, да некогда: скорее хочется поговорить о самом главном, о самом интересном.

И вот уже выходит на волжские просторы первый русский корабль, «Орёл»... Вот простились с берегами потомки новгородских ушкуйников — первые «груманланы»... Вот загремели первые залпы петровских боевых кораблей, прокладывая русскому флагу дорогу к океанским просторам... Вот на смену парусам вышел из устья Невы первый в мире морской пароход, «Елизавета».

Сколько интересного! А ведь книга ещё только началась. Впереди ещё триста с лишним страниц. Но уже ясно, что и дальше не заскучаешь с таким спутником. Где там скучать, когда вместе с Чириковым пора отправляться к неведомым берегам далёкой Америки! Когда скучать, если Крузенштерн и Лисянский приглашают тебя в кругосветное плавание? Как оторваться от книжки, если читаешь о наших живых советских людях, совершивших беспримерный полярный дрейф на «Седове»!

А «Спутник» торопит. Он уже приготовил тебе пропуск на верфь. Он ведёт тебя к стапелям. Здесь, как знающий инженер, как свой человек, он покажет тебе, как рождается большой современный корабль. И тут же на верфи подробно и точно расскажет о судовых машинах, о том, как и почему плавают корабли, и даже о том, чего сегодня ещё нет на море, что будет тогда, когда ты станешь капитаном.

Интересно послушать об этом, но ещё интереснее посмотреть, как спускают на воду огромный корабль.

«И вот громада корабля, наконец, двигается с места... Быстрее, быстрее... Сало пузырится и кипит под чудовищным брюхом... Неистово грохочут тормозные цепи... Корма корабля врезается в воду. Пенные волны разбегаются по реке...»

Родился новый корабль — один из тех, что трудятся на морях всего мира. И так хочется вместе с ним выйти из гавани, побывать там, в открытом море, подышать морским ветром, послушать, как гремит якорная цепь в далёком заморском порту!

«Спутник» поможет тебе и в этом. С ним вместе поплывёшь ты и на срочном пассажирском теплоходе, и на «морском бродяге» — обыкновенном грузовом, и на танкере, и на лесовозе, и на китобойном судне, и на невзрачном работяге — портовом буксире. Поплаваешь и убедишься, что нет такого корабля, на котором неинтересно плавать. Но всего интереснее, конечно, побывать на боевом корабле!

Но прежде чем познакомиться с матросами и офицерами военного флота, тебе, чтобы не краснеть перед ними, придётся

вспомнить о старых, отслуживших свой срок военных кораблях, о былых, давно отгремевших морских сражениях и о том, как каждое такое сражение рождало новое морское оружие.

Ты узнаешь о том, как появились неуклюжие броненосцы — предки могучих линкоров наших дней; о том, как от маленьких катеров «Чесма» и «Синоп» пошло огромное семейство красавцев-миноносцев, как от этого семейства отделилась и пошла своей дорогой ветвь покрывших себя славой торпедных катеров. Ты услышишь рассказ о том, как от «потаённого судна» Ефима Новикова, жившего ещё при Петре I, родились подводные лодки...

Когда ты оглянешься на путь русской морской славы, прогремевшей у Гангута и в Чесме, в Наварине и в Синопе, в Чемульпо и в Кронштадте, в Балтийском, в Чёрном, в Японском морях, когда вместе с моряками, героями Великой Отечественной войны, переживёшь напряжение морского боя,— тогда ты поймёшь, что не зря подружился с этим интересным «Спутником».

В наши дни пятнадцатилетние капитаны остались только в книжках. Ни горячая мечта, ни чудесный случай не сократят твой путь к капитанскому мостику. Сократить его могут только знания. Интересные, нужные знания и даст тебе эта книга.

А. Некрасов

ЮНАЯ АРМИЯ

Суровые дни гражданской войны на Кубани. Осень 1919 года. Под натиском белогвардейских банд атамана Шкуро красноармейские части оставляют станцию Невинскую. Последние воинские эшелоны отходят от вокзала.

— Прощайте, товарищи! Держитесь! Мы придём! — говорит собравшимся на перроне железнодорожным рабочим красный командир.

За происходящим хмуро наблюдают два подростка, сыновья деповских рабочих — Гришка и Васька. С грустью вспоминают они красноармейцев, особенно весёлого командира батареи Саббутина.

Плохо живётся ребятам в занятом врагом посёлке. На их глазах белобандиты издеваются над жителями, грабят, расстреливают и вешают людей, натравливают станичных казаков на «иногородних».

Ребята верят, что Красная Армия скоро вернётся, страстно ждут её прихода. Но нельзя же сидеть сложа руки! И друзья решают организовать свой боевой отряд — Юнармию — и в ожидании прихода Красной Армии вести партизанскую борьбу с белогвардейцами.

Организовать такой отряд ребятам помог отставший от своей части раненый красноармеец Порфирий Шабуров.

О славных боевых делах юнармейцев рассказывает писатель Г. Мирошниченко в своей повести «Юнармия», которая вышла новым изданием в Детгизе.

«То, что рассказано в этой повести,— не выдумка,— пишет Г. Мирошниченко.— Участники боевого отряда, молодые герои повести «Юнармия» — настоящие, а не выдуманные люди. Только фамилии у них в книге другие. Многие из юнармейцев живы до сих пор. Они выросли и стали инженерами, машинистами, хорошими советскими людьми».

Прочтите эту повесть, ребята! Со страниц её на вас повеет грозовым воздухом тех суровых и прекрасных героических лет, когда ваши отцы и деды с оружием в руках завоёвывали для вас счастливое будущее.

И. Орловская

КНИГИ ПО ФОТОГРАФИИ

Многие из вас, ребята, занимаются фотографией, особенно во время каникул. Вот книги, которые расскажут вам об истории фотографии, помогут выбрать кадр, получить хороший снимок, познакомят с прикладной фотографией и самодельной фотоаппаратурой.

Антонов С., Кириллов Н. **Процессы цветной фотографии.** «Искусство». 1954 г.

Антонов С., Мархилевич К. **Как проявлять на плёнке изображение.** Госкиноиздат. 1950 г.

Бунимович Д. **Книга юного фотолюбителя.** Детгиз. 1951 г.

Бунимович Д. **Практическая фотография.** Госкиноиздат. 1952 г.

Бунимович Д. **Самодельные фотоувеличители.** «Искусство». 1954 г.

Гусев А. **Спутник фотолюбителя.** «Московская правда». 1952 г.

Иофис Е. А. **Практика цветной фотографии.** Госкиноиздат. 1950 г.

Каценеленбоген Э. **Свойства и применение фотографических материалов.** Госкиноиздат. 1950 г.

Краткий фотографический справочник. Под редакцией Пуськова В. В. «Искусство». 1953 г.

Мертц К. **Цветная фотография.** Госкиноиздат. 1950 г.

Микулин В. **25 уроков фотографии.** «Искусство». 1955 г.

Микулин В. **Первая книга по фотографии.** Госкиноиздат. 1950 г.

Морозов С. **Первые русские фотографы-художники.** Госкиноиздат. 1952 г.

Морозов С. **Русские путешественники-фотографы.** Госгеоиздат. 1953 г.

Сыров А. А. **Путь фотоаппарата.** «Искусство». 1954 г.

Туров С. С. **Натуралист-фотограф.** «Советская наука». 1952 г.

Чмутов К. В., проф. **Фотография.** Воениздат. 1951 г.

Шкулин А. Г. **Как самому сделать фотоувеличитель 6 × 9 см.** Госкиноиздат. 1950 г.

Яковлев Д. **Прикладная фотография.** Госкиноиздат. 1952 г.

Яштолд-Говорко В. А. **Как получить хороший отпечаток.** Госкиноиздат. 1950 г.

Яштолд-Говорко В. А. **Руководство по фотографии.** Госкиноиздат. 1951 г.

СПОРТ

ССОРА

Эстафета перешла к велосипедистам. Раньше всех получил её Олег и резко, как спринтер, взял старт.

Обычно немного грузный и неловкий в беге, на велосипеде Олег преображался. Он любил кросс и умел ловко лавировать между ямок, кочек и неожиданных препятствий, встречающихся на пути. Так было и сейчас. Во-время затормозив, Олег лихо переезжал через канавы и, взяв разгон, мчался дальше. Иногда на ходу он оглядывался на соперников. Двое были недалеко. Олег знал этих ребят; они жили в пригороде и привыкли к неасфальтированным дорогам, поэтому на кроссе у них было преимущество перед Олегом. Кроме того, они все сейчас шли на велосипедах «Турист», а Олег привык к более лёгкой, гоночной машине.

Олег с трудом удерживал завоёванный со старта просвет. И всё-таки он сумел бы придти первым... Но вдруг метров за пятьсот до финиша случилось непредвиденное. Олег неожиданно перелетел через руль и вместе с машиной грохнулся в канаву. Он поднялся, осмотрел велосипед и понял, что произошло. Перед стартом он не проверил машину, а теперь от тряски отвернулась гайка, укреплявшая передний тормоз, его вырвало из вилки, и он попал в спицы переднего колеса. К счастью, колесо осталось цело, но руль был свёрнут на сторону. Пока Олег поднимался, ставил на место руль, его обошли два ближних велосипедиста, и ещё двое были уже совсем близко. Да, он, конечно, мог придти первым, если бы был внимательнее к машине. Не проверить, как завёрнуты гайки! Ведь тренер сколько раз говорил об этом: «Бойтесь проигрыша из-за мелочей, из-за невнимательности».

Команда проигрывает, и он виноват в этом! Правда, впереди ещё Иринка и Василиса... Теперь вся надежда на них.

Ирина, Василиса и Олег жили в одном доме, учились в одном классе, в 7-м «А», и были неразлучными друзьями ещё с детского сада: туда они тоже когда-то ходили все вместе. И вот эти закадычные друзья вдруг, к удивлению всех своих одноклассников, поссорились. Причина-то ссоры была совсем пустяковой, но ребята вот уже больше двух месяцев не разговаривали. Всем троим ссора была неприятна, они скучали друг без друга, но никто не хотел сделать первого шага к примирению.

Они отдыхали вместе в одном пионерском лагере, потому что отцы их работали тоже вместе на заводе «Октябрь». Но отношения не наладились и здесь. Даже подготовка к спартакиаде в День физкультурника не изменила положения.

Все они участвовали в комбинированной эстафете. Олег нёс эстафету на велосипеде и передавал Ирине, которая, переплыв пруд, должна была вручить её Василисе. А та, пробежав по широкой аллее парка, заканчивала эстафету. Им были поручены финальные этапы, самые ответственные, потому что Ирина превосходно плавала кролем, Олег обгонял всех велосипедистов лагеря, а Василиса была самой быстрой бегуньей школы.

День выдался солнечный, тёплый; в парке, по которому шла дистанция эстафеты, деревья так и светились прозрачной зеленью. Ветерок чуть шевелил листья вековых дубов, клёнов, длинногривых стройных берёз. Солнечные блики метались по дорожкам и траве, словно играя друг с другом в «салочки».

Народу собралось много, потому что в спартакиаде участвовало сразу пять лагерей.

Особенно упорно боролись за первое место команды трёх лагерей: завода «Октябрь», Министерства пищевой промышленности и текстильной фабрики имени 1 Мая.

Никто не мог бы предсказать, как кончится эстафета. На каждом этапе лидеры менялись, и впереди оказывались то октябрёвцы, то пищевики, то первомайцы. Даже на таком тяжёлом этапе, как гребные гонки по реке, эти три команды подошли к причалу вместе. Но всё же на следующем этапе, когда бежали мальчики, команде «Октября» удалось оторваться. Олег должен был закрепить преимущество, а вместо этого...

Отчаяние и стыд жгли Олега, когда он кинулся в погоню, но тормоз, который он опять второпях не смог укрепить, болтался и грозил снова попасть в колесо. Олег взял его в руку. Теперь с одним тормозом уже нельзя было так лихо идти на препятствия...

...Иринка с ужасом увидела, что Олег шёл третьим. От волнения её даже в дрожь бросило. «Что же он наделал! Что он наделал!»

Наконец Олег остановился возле помоста, с которого пловцы начинали свою дистанцию. Он соскочил с машины, качаясь, подбежал к Ирине и хлопнул её по плечу. Так передавалась эстафета.

— Выручай, Иринка! — услыхала она голос Олега, когда с разбегу бросилась в воду.

Две девочки плыли впереди неё метрах в десяти. Одна брассом, другая, как и Ирина, кролем.

Ирина злилась. «Гонщик тоже! Ещё на трек ходит тренироваться!..» — думала она. Сейчас, собрав всю свою волю, она пыталась догнать противниц. Это оказалось трудным делом: противницы были сильными спортсменками; девочка, плывшая кролем, имела второй разряд по плаванию.

Оставляя за собой белый бурун пены, часто взмахивая руками, Ирина упорно приближалась к своим соперницам. Иногда она чуть поднимала голову, прикидывая расстояние до них, и тут же снова зарывалась в волну и всё усиливала темп.

Далеко ещё... Вот подвёл Олег! И вдруг перед ней встало испуганное, усталое лицо Олега и прозвучал его крик: «Выручай!» Каково ему-то самому теперь! В общем Олег — настоящий парень, не трус, не ябеда, хороший товарищ. Ей вдруг стало жалко Олега. Ребята боролись, отыгрывали секунды, отдали их ему, а он всё растерял... И если эстафета будет проиграна... «Нет, почему же проиграна? — остановила себя Ирина.— Надо выиграть. Выиграть и выручить». Ирина совсем забыла сейчас о ссоре с Олегом. «Только бы догнать, догнать! — твердила она себе.— Если догоню и приду к финишу вместе с этими двумя, Василиска обойдёт всех».

А Василиса стояла на мостках с другой стороны пруда и, вся пунцовая от волнения, не спускала глаз с трёх плывущих девочек. Это она, Василиса, предложила назначить в команду Ирину: «Иринка всех обойдёт, я знаю, она у нас лучше всех мальчишек плавает». А теперь Ирина идёт третьей и до обидного медленно приближается к берегу.

Василису так и подмывало ринуться бежать по берёзовой аллее, что огибает старинный дом и ведёт к финишу. Но пока пловцы не коснутся рукой помоста, судьи не выпустят на дистанцию бегунов.

Олег перелетел через руль и вместе с машиной упал в канаву.

Василиса не спускала глаз с трёх плывущих девочек.

И, прыгая на одном месте, словно помост жёг ей ступни, Василиса твердила: «Ну же! Ну, доставай их!»

— Ага, достаёт, достаёт! — закричала она вдруг громче всех болельщиков.

Вокруг пруда бежали и ехали на велосипедах участники, уже прошедшие свои этапы. Олег был впереди всех. Он молча с надеждой наблюдал за борьбой на водных дорожках. Но ясно было, что пока его команда проигрывала, проигрывала из-за него!

На середине пруда Ирина догнала девочку, шедшую второй. Это была пионерка из команды первомайцев. Но обойти её Ирина не могла. Та тоже плыла быстрым кролем. В борьбе они догнали первую, плывшую брассом. Метров за пятнадцать до финиша вся тройка выровнялась, и тут брассистка перешла на кроль. Все трое теперь плыли голова в голову. Девочки всё учащали и учащали движения, стараясь хоть на долю секунды опередить друг друга.

Помоста они коснулись почти одновременно. И трое бегунов ринулись вперёд.

Василиса не могла бежать за кем-нибудь и всегда сразу же вырывалась вперёд, даже если в забеге участвовали спортсменки сильнее её. Таков уж был характер этой девочки.

— Выручай! Олег подвёл! — успела крикнуть Ирина.

В шуме Василиса услышала только: «чай... лег...» Не поняв смысла этих слов, она бессознательно в ритме бега повторяла под левую ногу: «Чай — лег, чай — лег, чай — лег».

Василиса бежала изо всех сил. Но за спиной, совсем близко, она слышала частое дыхание соперницы. А через двести метров, на середине дистанции, пионерка из первомайского лагеря, такая же невысокая и крепкая, как Василиса, стала с левой стороны выходить вперёд. Метров двадцать они бежали рядом, не уступая друг другу. До финиша оставались уже считанные метры. Василиса и её соперница убежали от остальных трёх девочек, но не могли убежать друг от друга.

Слева от себя за толстыми стволами берёз Василиса заметила Олега на велосипеде.

— Василис-а-а! Выруча-а-ай! — кричал он.

Услыхав эти слова, Василиса вдруг поняла, что́ крикнула ей Иринка из воды. Не «чай... лег», а «выручай — Олег». Наверное, он подвёл. Василиса и до этой минуты никак не собиралась проигрывать эстафету, она бежала изо всех своих сил, но, странное дело, теперь у неё сил точно прибавилось — прибавилось спортивной злости. Иринка сделала всё, чтобы отыграть проигрыш Олега, и просила об этом же Василису... Теперь всё зависит от неё одной. Работа всей команды может пропасть, если она, Василиса, подведёт.

Превозмогая боль и слабость в ногах, девочка участила шаг и стала опережать соперницу. Однако и та прибавила скорости.

Финиш был совсем рядом, а девочки всё ещё бежали шаг в шаг. Нашла коса на камень. «Василиса-а-а!» «Валя-а-а!» (так звали её противницу) — эти возгласы слились в общий гул. Вот остаётся всего два шага.

Шаг до белой ленточки. И тут из последних сил Василиса буквально вытолкнула себя на ленточку, на корпус раньше соперницы.

Ноги больше не слушались её. Если бы за финишем её не подхватил Олег, она упала бы. И тотчас с другой стороны взяла её под руку Ирина. Не давая подруге отдышаться, она крепко прижалась к ней щекой, мокрыми волосами и стала целовать.

— Ой, молодец! Ой, молодец! Молодец она, да, Олег, да?

— Вы обе молодцы! Спасибо же вам, девчонки! Если бы не вы, ну, верный проигрыш! А мне хоть сквозь землю провались.

Они и не заметили, как заговорили по-настоящему, так, как разговаривали до ссоры, не заметили, как в этой борьбе за общее дело произошло то настоящее примирение, о котором они, упрямо не сознаваясь себе в этом, мечтали давно.

Вс. Дайреджиев

РАССКАЗЫ О ПРИЗАХ

ЗОЛОТОЙ КУБОК ГИМНАСТОВ

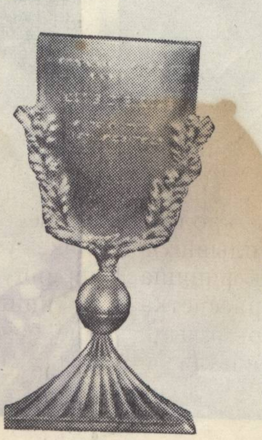
У спортивных призов разная судьба и разный возраст. Некоторые из них домоседы и никогда не выезжают из своей страны, некоторые — путешественники, объездившие полсвета. У одних долгая жизнь, богатая событиями и переменами, другие ещё молоды. Сегодня мы поведём речь о совсем юном, новорождённом призовом кубке. Ему даже года нет! Это золотой переходящий кубок Европы по гимнастике.

Раньше разыгрывалось только первенство мира, а звания чемпиона Европы по гимнастике не было совсем. В первый раз европейский чемпионат решено было провести в этом году, и для победителя приготовили драгоценный приз.

Готовясь к борьбе за кубок, гимнасты проводили соревнования в своих странах. Встречались, чтобы помериться мастерством, и команды нескольких стран. За результатами этих встреч напряжённо следили все любители гимнастики, стараясь предугадать, кто же выйдет победителем в решающих состязаниях. Особенно много разговоров вызвала встреча между спортсменами Швейцарии и Западной Германии. Там четыре гимнаста получили очень высокие оценки. По количеству баллов они превзошли результаты, которые показал чемпион СССР Борис Шахлин на наших предварительных состязаниях.

Значило ли это, что у советских спортсменов появились непобедимые соперники? Об этом и шли споры. Спортивные газеты Западной Европы писали, что, хотя русские гимнасты не раз завоёвывали первенство мира, теперь «расстояние до русских уменьшилось». Некоторые даже предсказывали поражение нашим гимнастам. Другие считали, что это поспешные выводы, и вот почему.

Когда два атлета метают копьё или мчатся стрелой по беговой дорожке, их победа измеряется просто: в метрах полёта копья, в секундах, за которые пройдена дистанция. Можно сравнивать результаты двух метаний или двух прыжков, сделанных в разное время и в разных странах, но в соревнованиях по гимнастике, или, скажем, по фигурному катанию, или прыжкам в воду — совсем другое дело. Вот два спортсмена работают на одном снаряде, на брусьях, например. Если даже они включили в свою программу одни и те же гимнастические элементы, как определишь, кто из них исполняет лучше? Здесь нет ни весов, ни хронометра, здесь измерительным прибором служит глаз знатока. Значит, сравнивать достижения гимнастов можно только, когда они показывают свое искусство в одном состязании. Вот почему преждевременно было предсказывать победы и поражения до того, как начнётся розыгрыш кубка.

10 апреля в городе Франкфурте-на-Майне в большом спортивном зале начались состязания сильнейших гимнастов Европы. Среди них были и наши спортсмены — Борис Шахлин и Альберт Азарян.

В первый же день Шахлин обогнал всех. Но Бантц, сильнейший гимнаст Западной Германии, шёл за ним по пятам, он отставал только на 0,15 балла, а в начале второго дня даже сравнялся с Шахлиным.

Оставались только два снаряда: конь и перекладина. Перекладина — излюбленный снаряд Шахлина, на перекладине он — как рыба в воде.

Но конь — снаряд коварный и трудный, и здесь всегда может быть какая-нибудь случайность. Если эта случайность произойдёт с Шахлиным, и в упражнениях на коне он не добьётся высокой оценки, кубок может достаться Бантцу, уйти в Западную Германию.

А как Азарян, другой гимнаст из советской команды? Надежды на его победу, казалось, не было. Накануне его постигла неудача, и как раз с конём. В результате состязаний первого дня он был отброшен на десятое место.

Бантц набрал 9,2 балла — это очень высокая оценка. Но Шахлин получил 9,75. А потом столько же на перекладине. Полная победа!

Может быть, Бантц занял второе место? Нет, второе завоевал Азарян. На удивление всем, он сумел превзойти спортсменов, шедших впереди него, в том числе и Бантца.

Так победили советские спортсмены, и первым обладателем новорождённого кубка стал киевский студент Борис Шахлин.

В. Кречетова

УБИЙЦА ДЕРЕВЬЕВ

«Привязав свою лошадь, я стал пробираться вглубь леса. Густые заросли кустарника и перепутанные лианы загораживали путь. Приходилось прорубаться сквозь чащу при помощи тяжелого ножа — «мачете».

Вдруг моё внимание привлекло громадное, похожее на башню дерево, сплошь опутанное лианами и воздушными корнями орхидей. Я подошёл ближе и стал рубить крепкие корни и стебли лиан, окружавшие лесного великана.

Мне очень хотелось добраться до ствола дерева, но это нелегко было сделать. С большим трудом мне удалось немного раздвинуть упругие, гибкие стебли и заглянуть внутрь.

Никакого дерева там не оказалось. Внутри зияла пустота. Видимость громадного ствола создавалась огромными, расположенными по окружности, извивающимися корнями колоссального фикуса. Каждый такой корень был толщиной в человеческое бедро.

Я протиснулся внутрь и очутился в высокой круглой башне. Цепляясь за упругую сеть корней, я забрался на головокружительную высоту. Под моими ногами чернела глубокая шахта, из которой тянуло прелой сыростью».

Так описывает один из путешественников по Южной Америке фикус-лиану, родича нашего комнатного фикуса.

Крошечное семечко этой лианы, попав в трещину коры или в развилину между стволом и ветками какого-нибудь дерева, быстро прорастает. Тонкие, как нити, белые корешки проникают во все трещины коры, а молодые зелёные ростки тянутся вверх, к солнцу.

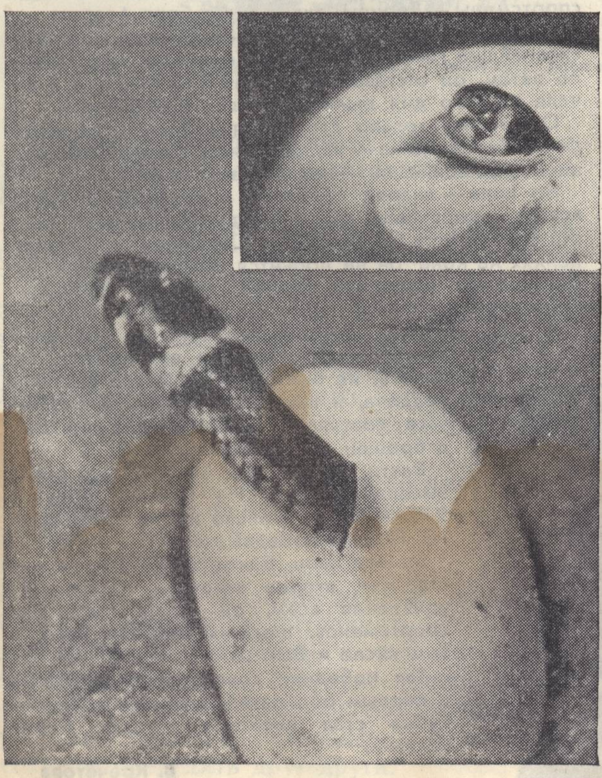
Корешки становятся всё длиннее и толще, извиваясь, словно змеи, они опускаются вниз по стволу и, наконец, достигают земли. Молодые ростки тянутся всё выше и выше и распускаются пышной кроной лоснящихся вечнозелёных листьев у самой верхушки дерева.

Через несколько месяцев лиана опутывает густой сетью всё дерево. С каждым днём сеть становится всё плотнее и гуще. Упругие, как удавы, и прочные, как стальные обручи, корни с огромной силой сдавливают дерево, останавливают в нём движение соков. Дерево начинает чахнуть, засыхает, а вскоре и совсем разрушается, сгнивает. Через три—четыре года от лесного великана остаётся жалкая куча гнилушек. А фикус больше не нуждается в опоре. Его причудливые корни создали прочную и устойчивую, как решётчатая металлическая мачта, опору.

Вот почему фикус-лиану часто называют «убийцей деревьев».

Е. Линник.

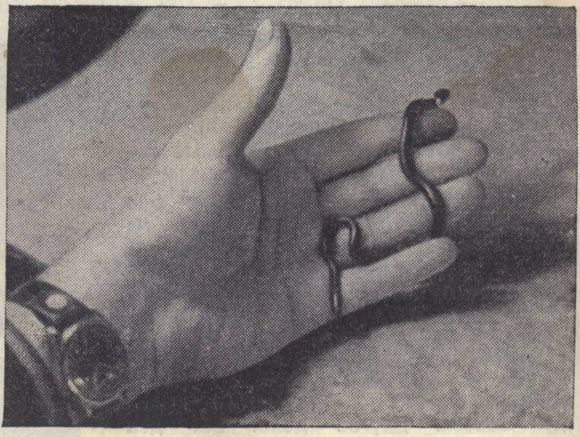

НОВОРОЖДЕННЫЙ

Ясным полднем в конце мая мама-ужиха отложила продолговатые белые яички в ворох прелой прошлогодней листвы. Согреваемые теплом гниющих листьев, в яичках развивались ужата. Через два месяца они вышли на свет. Посмотрите на фотографии. Вот ужонок прорвал оболочку яйца. Вот он высунул голову. А вот он выполз совсем и... попал в плен к фотографу.

Видите, какой он крохотный, этот новорожденный уж? Но ничего, он будет расти, время от времени сбрасывая старую, ставшую тесной шкурку. Если встретите ужа,— не убивайте его. Он безвреден. Отличить его от ядовитой змеи легко по двум оранжевым пятнышкам на затылке.

ЗАДАЧА-ШУТКА

Каждая спичка имеет в длину 4,5 сантиметра. Как из 13 спичек сложить один метр?

КАКОЕ ЧИСЛО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

КАК ЕЁ ЗОВУТ?

Перед вами портрет девочки. Её имя состоит из трёх букв и читается одинаково, как слева направо, так и справа налево. Угадайте, как зовут эту девочку!

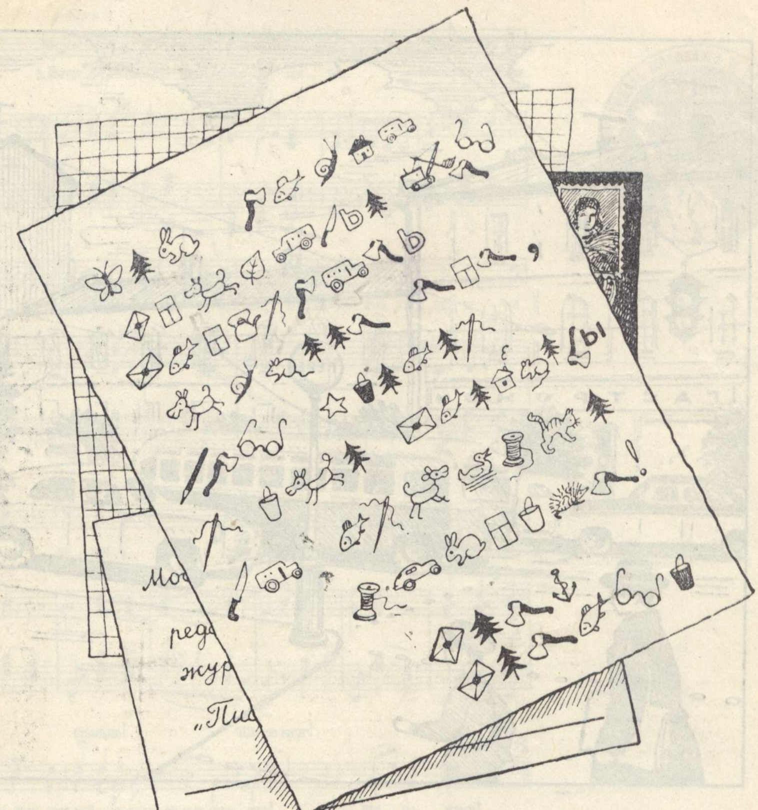

В КАКОЙ СТОРОНЕ?

Я живу на даче, расположенной недалеко от железнодорожной станции. Я собрался ехать по делу в город. Было 12 часов дня, солнце светило прямо в моё окно и дверь, которая выходит на улицу. Выйдя из дому, я повернул направо. Дойдя до угла улицы и снова повернув направо, я вышел на пешеходный мостик, проходящий над железнодорожными путями. С мостика был виден вдали город и идущие прямо к нему железнодорожные пути. Спустившись по лестнице направо, я повернул после этого ещё раз направо и сел в поезд, идущий в правую сторону.

В какой стороне от города находится моя дача: северной, южной, восточной или западной?

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Вот какое удивительное письмо получила редакция. Мы не сумели прочитать его. Может быть, вы прочитаете?

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Чтобы изготовить книжные полки для отрядной библиотечки, потребовались доски длиной в один метр и шириной в 20 сантиметров. Пионер, которому поручили выполнить эту работу, нашёл на складе хорошие доски, но они были иного размера, чем требовалось: длина их была 75 см, а ширина — 30 см.

«Как быть? — задумался он.— Как удлинить доски так, чтобы они удовлетворяли нужным размерам?»

Догадливый мальчик скоро нашёл нужное решение и с успехом выполнил порученное ему задание. Как он это сделал?

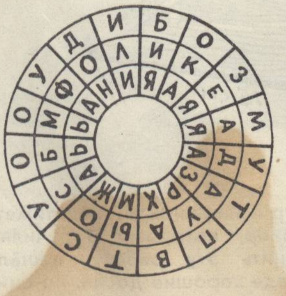
В ЧЕМ ОШИБСЯ ХУДОЖНИК?

До чего же рассеян этот художник! Шесть грубых ошибок допустил он в своём рисунке. Найдите эти ошибки, ребята!

ОТВЕТЫ
на задачи, помещённые в № 6

Реки СССР

Русская народная пословица

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Скороговорка

На траве дрова, на дворе трава.

В лесу

Охотник застрелил зайца, белку и медведя.

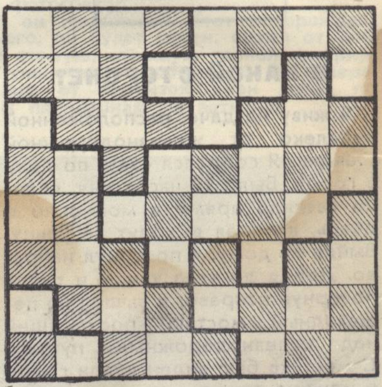
Три пословицы

Семеро одного не ждут.

Семь раз отмерь, один раз отрежь.

Один с сошкой, а семеро с ложкой.

Шахматная доска

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

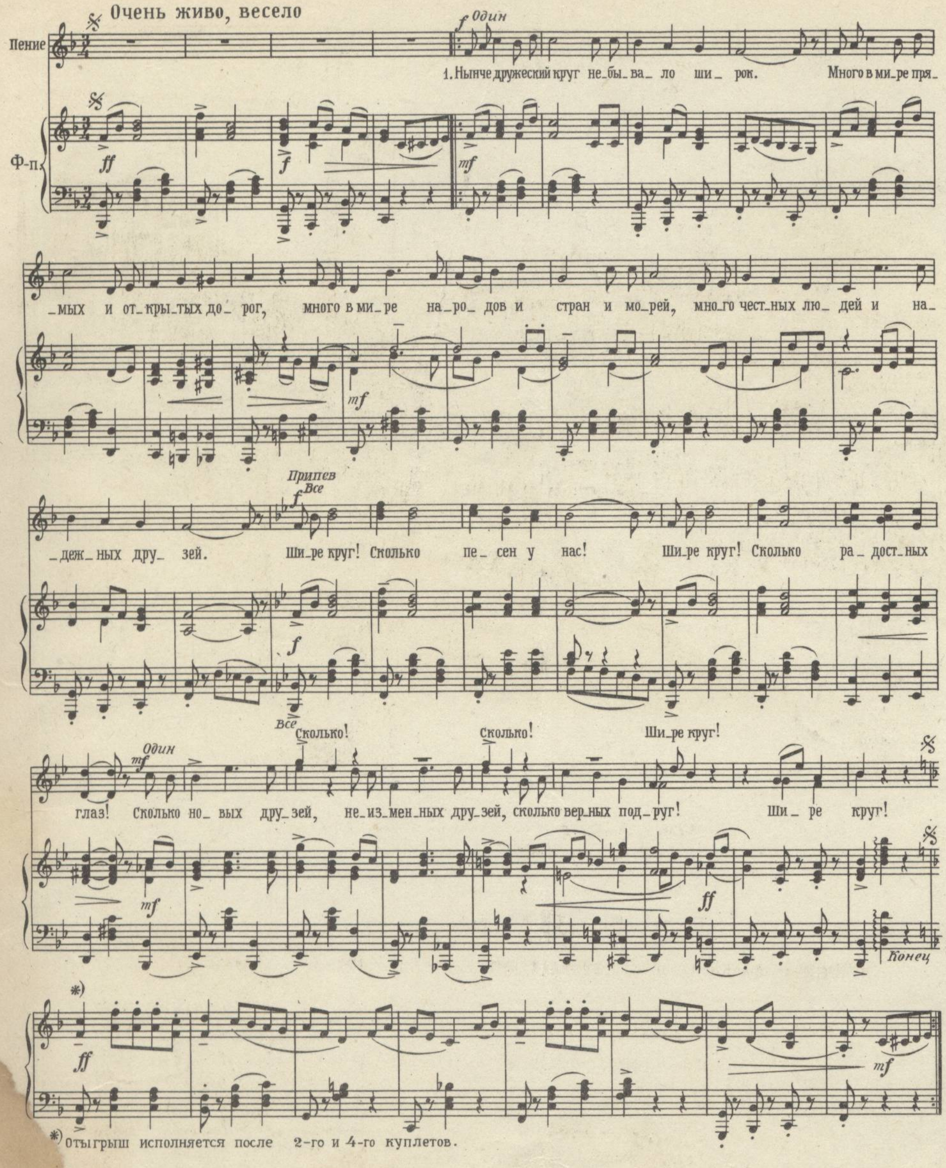
Технический редактор А. Ефимова.

А 03386. Подписано к печати 2/VIII 1955 г. Тираж 300 000 экз. Изд. № 603. Зак. 1803.

Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ЭТУ ПЕСНЮ РАЗУЧИЛИ К ФЕСТИВАЛЮ ЛЕНИНГРАДСКИЕ СТУДЕНТЫ. ТЕПЕРЬ ЕЕ УЗНАЕТ МОЛОДЕЖЬ ВСЕГО МИРА.

*) Отыгрыш исполняется после 2-го и 4-го куплетов.

ШИРЕ КРУГ

Музыка Сигизмунда Каца.

Слова Якова Хелемского.

Нынче дружеский круг небывало широк.
Много в мире прямых и открытых дорог.
Много в мире народов, и стран, и морей,
Много честных людей и надёжных друзей.

Шире круг!
Сколько
Песен у нас!
Шире круг!
Сколько
Радостных глаз!
Сколько новых друзей,
Неизменных друзей,
Сколько верных подруг!
Шире круг!
Шире круг!

Здесь Москва и Берлин, Будапешт и Пекин.
Тут сроднились поляк, итальянец и финн.
С китаянкой танцует кавказский джигит,
После венского вальса мазурка гремит.

(Припев.)

Над Варшавой леса поднимаются ввысь,
И гостей голоса воедино слились.
Тут великих и малых народов сыны —
Все, кто миру верны, все, кто против войны.

(Припев.)

Пусть же ярко горят нашей дружбы огни!
Нет на свете прочней и надёжней семьи.
Пусть сомкнётся тесней молодой хоровод,
Пусть становится в круг за народом народ!

Шире круг!
Сколько
Песен у нас!
Шире круг!
Сколько
Радостных глаз!
Сколько новых друзей,
Неизменных друзей,
Сколько верных подруг!
Шире круг!
Шире круг!

Цена 2 р. 50 к.

БИБИДЖАН. СЕРНЫЙ ИСТОЧНИК. **Огульбиби Мередова.** Ашхабад.

ВЕСНА. **В. Зеленов,** Серпухов.

ДЕВЯТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ВЫСТАВКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА ДЕТЕЙ.